

Константин Романов

Верное сердце

Юную герцогиню Нарнетт Мэссир вынужденно оставили родители и любимый супруг, и на её плечи легло управление родными землями в тревожное для королевства время. Древнее зло пробуждается на севере, зло, которое знает язык насилия, но не дипломатии. Ошибка неуверенной в себе Нарнетт выпустила ужасы прошлого из клетки, что приступили к сбору кровавого урожая. Герцогине предстоит исправить свою ошибку, или сбор урожая дойдёт до её земель, а её род канет в небытие.

Глава 1. Оживающие горы

Рисунок 1 — Карта внутригорных долин и северных окраин герцогства Сальвиар (худ. Lampik LMra)

— Говорю вам, мужики, прошлая облава была успешнее! — крикнул Хабик, егерь барона. — А сейчас две недели предгорья прочёсываем, да найти не можем!

— Поганный барон Гольурст! — выругался старый гончий Фирьят. — Он своего рыцаря оскорбил, тот сбежал с баронской дочкой, а искать мы должны! В моё время дворяне сами своих родственников выручали!

— Так Гольурст отъел ряху себе на герцогских харчах! — с усмешкой заметил Хабик. — Его лошади боятся вести, вот он и сидит дома!

— Чего боятся-то? — спросил молодой егерь Вольк, который никогда в жизни не покидал предгорья.

— Что спина не выдержит кабанью жопу нашего барона! — выдавил Хабик. Ведущие облаву охотники залились смехом.

— Да скрылся, падла, небось где-то, — напомнил о цели поисков Фирьят. — Я с братом

в детстве тут столько раз бывал, здесь пещер великое множество. А у нас кони всё же, нас издалека слышно хорошо. Гиблое это дело.

— Старик, можешь поворачивать домой, — проговорил Нарт, командир отряда. — Мы твою награду поделим.

— Да велика награда что ли, Нарт? — воспротивился тот. — У нас тут одиннадцать егерей и двадцать пять гончих. Четыре рыцаря со слугами в полуитте* к югу болтаются. Говорят, ещё целый эскадрон гончих где-то на западе рыщет, там народу больше, чем у нас. А про грифонных разведчиков я молчу. Вон, двоих вижу!

— Что они с такой высоты увидят-то? — Хабик задрал голову. — Ниже опуститься надо, они же высоко над землёй летят!

— Это ты на глаз определил? — спросила гончая-медичка Арпотта.

— Конечно! — отвечал он. — Ты же на глаз тоже определяешь, когда кавалеру надо из тебя вытаскивать...

— Заткнись, оболтус! — Нарт стукнул по голове егеря. — Нашли время для шуток! Ночь-то наступает!

За горами на севере появилась огромная туча, ведущая настоящее наступление на пасмурные Нэлвские места. Так называется огромное травянистое поле у подножия внутренних отрогов гор Морнгерос на западе.

— Какая ночь, командир? — спросил гончий Бордт. — Дожди сейчас херанут, хотя до весны ещё пара недель! Точно матушка-природа в этом году встала не с той ноги!

— Я, в отличие от вас, недоумков, с людьми общаюсь, а в таверны не только за бабами хожу, — ответил Нарт. — Говорят, нортирарцев с севера какой-то великий туман изгнал. Когда они ходили в Тихие земли и девять лет назад, и два года назад. Да и полгода назад тоже.

— Боишься непогоды, старый друг? А я тебя ещё своему сыну мелкому в пример всегда ставил! — усмехнулся гончий Доралк. — Смотри, говорю Кильсу, Нарт выследил стаек глухарей прямо на деревьях! Но то, что тебе ни одного хозяева не оставили, не сказал. Всё равно новых выследишь.

Смех прокатился громом. Только Нарт сохранял дисциплину.

Один из летящих на север грифонов, сделав крутой вираж, резко дал в обратную сторону. Другой наездник не заметил сослуживца и, не сменяя курса, полетел прямо в сторону надвигающейся тучи.

— Гляньте-ка, тот, что слева, дёру обратно дал! Покормить животное забыл? — отшутился один из егерей.

— Может, Бордт, он вспомнил, что к жене должен какой-нибудь торговец пряностями зайти, — поддержал сослуживца Хабик. — Предложить свои пряности?

— Подожгите факел или фонарь, он к нам летит... Быстрее! Надо, чтобы нас увидел!

— Командир, пускай летит, куда хочет. Нам же больше достанется...

— Свет, ублюдки! — повторил Нарт.

Двое охотников подожгли несколько факелов и фонарей. Отряд взмахами пытался привлечь летучего разведчика. Второй наездник пропал в надвигающейся туче.

— Вот так! Расступись, раздавит! — крикнул главный егерь.

Охотников с лошадьми раскидало по сторонам от упавшего камнем животного. И зверь, и наездник были напуганы.

— Эй, парень, ты в порядке? На попоне лиса, хватаящая перепела? — командир

осмотрел грифонью накидку под седлом. — Ах, графы Горэссиры. Ты из пятой эскадры?

Молодой наездник не отвечал. Он испуганно озирался на надвигающееся атмосферное явление. Которое на самом деле не было погодным явлением.

— Чего ты пересрался так? — Фирьят схватил испуганного грифона под узды.

— Арпа, осмотри его, на нём же лица нет! — приказал Нарт единственному медику отряда.

— Эй, слезай, дай я тебя осмотрю! — Арпатта схватила грифона под узды с другой от Фирьята стороны.

— Вы давно?! Здесь давно?! — пробормотал наездник. — Не видели их?!

— Кого? — старший егерь растолкал своих охотников. — Ты чего бледный такой?

— Упыри! — рывкнул тот. — Матерью готов поклясться!

Со стороны тучи раздался истошный грифоний рёв. На мгновение показалось, что с рёвом кричал человек.

— Всеотец, защити! — крикнул наездник, рванув поводья.

Гончие и егери попрыгали с лошадей и кинулись на грифона, хватая того за ремни. Зверь стал ещё яростнее метаться по поляне, расталкивая людей и лошадей.

— Держи! — кричал один из гончих.

— Стой! Чары, чары знает кто? — спросил другой. — Успокойте его каким-нибудь «Таксием»!

— Привяжите за коней! — додумался третий. — Дьявол!

Грифон начал топтать схвативших его людей. Один получил мощным клювом по голове, на глазах охотников череп парня раскололся как орех.

— Вашу мать, отпустите его! — крикнул Нарт. — Он безумен!

— Отпускай!

— Стащите наездника!

— Лошади! Держите лошадей! — слышалось с разных сторон.

Охотники отскочили от грифона, он взмыл в небо, наездник направил его на юг.

— Ублюдок безумный! — крикнул Фирьят вслед.

— Арпатта, ты его сможешь вылечить?! — истерично пробормотал гончий Доралк, показывая на трепыхающееся тело. — Он ещё дышит, спаси его!

— Проклятье!.. У него череп пополам расколот! О, Всеотец! Такое не лечится!..

— Нет! Бирсед! Брат мой названный!.. — Доралк кинулся на колени. — Всеотец, воскреси, умоляю!..

Охотники собрались вокруг переставшего конвульсировать тела. Лишь командир глядел в сторону надвигающейся тучи, где минуту назад пропал второй грифоний разведчик.

На какой-то момент Нарту показалось, что в очертаниях тучи проплывают какие-то странные,двигающиеся хаотично точки. Егерь не знал, играет ли с ним зрение, или это было взаправду. Нельзя было рисковать.

— На коней, живо! — опомнился он. — Возвращаемся в Соловьиный утёс!

— Друг мой, а погоня?!

— Никакой погони, Хабик! Поганая туча приближается! Валим отсюда, бегом! Бирседа на коня погрузите! Быстрее!

— А как же миссия? — возмутился Фирьят.

— В пекло такие задания! Если что, герцогиня оторвёт яйца не мне, а тому, кто отправил нас сюда! Наше дело — найти девчонку, по возможности — вместе с ухажёром.

Сейчас миссия невыполнима! Пусть дальше думают большие начальники!

Пока гончие собирались и привязывали тело убитого к седлу его собственного коня, старший егерь продолжал следить за чудовищным явлением. На какой-то момент показалось, что туча остановилась. Прямо на границе между внутренними отрогами гор и Нэлвскими местами.

Ветер стал накатывать волнами с юга. Запах человеческой и конской плоти направился в сторону тёмной тучи. Из-за этого туча начала пульсировать, напоминать бешеное чёрное облако. Её должно было унести на север, но она парила над одним ей ведомым местом.

— Точек всё больше... — проговорил Нарт. — Стегайте коней, уходим! В Соловьиный утёс!

В зале советов, как обычно, обсуждали насущные дела одни и те же. Рилароя, советница-канцлер герцогини возрастом под пятьдесят, всегда, находясь при дворе, прикрывала светло-каштановые волосы подвязкой, а окружающих смеряла суровым взглядом двух серебрястых пуговиц. Её муж, плотно сложенный Вольхат (на вид чуть моложе Риларои, хотя они были ровестниками), сидел в стороне и занимался бумагами и письмами, как и супруга. Но, в отличие от ведения государственных дел, какие вела советница, ласково называемая близкими Рилой, бумаги Вольхата повествовали о торговых сделках, об имуществе на балансе герцогского двора, о делах купеческой гильдии. Тучный Вольхат был не только советником по финансам, но и одним из глав купеческой гильдии герцогства.

Напротив Риларои сидела мастер-волшебник герцогства по имени Ольта: среднего роста, светлые волосы собраны в косу, голубые глаза игриво изучают окружающих. Чародейка она была добрая, но вспыльчивая. Силу её боялись в герцогстве по праву, ибо выводилась из себя эта относительно немолодая женщина довольно легко. Занималась она кропотливым изучением очередного чародейского трактата, о чём говорило скорее не то, что она не перелистывала страницу в течение получаса, а то, что рядом с ней постоянно мерцали искры, пускаемые щелчками пальцев.

На другой стороне стола от Вольхата заседал темноволосый и ясноглазый Нойрбет, старший егерь герцогства, также называемый при дворе архиегерем. Тот возился с циркулями и линейками, перед ним на столе лежали карты герцогства и окружающих его территорий, будь то соседние феоды к западу или к югу, или группки небольших островов к востоку.

Наконец последней в зале, не считая слуг и стражи, была одиннадцатилетняя девочка. Табия носилась по залу, приставая то к работающим за столом, то к стоящим у дверей стражам, то к ожидающим у камина приказов слугам. Внешностью Табия была весьма отличима от большей части детей, ибо для своих одиннадцати у неё были необычайно длинные светлые волосы, аккуратная тонкая талия, подпоясанная тугим корсетом под платьем, но главное — глаза необычайно странного цвета. Радужка была абсолютно белой, почти сливалась с окружающей белочной оболочкой.

— Ох, любит барон Мэльдэн эти охоты, — прервала молчание чародейка. — Точно больше, чем придворную жизнь.

— Он с малых лет при дворе, Ольта, неудивительно, — ответила Рилароя, советница герцогини, продолжая исписывать пергамент. — Думаю, или в Балатасирском лесу, или в охотничьих угодьях графа Горэссира кабанов и птиц гоняет.

— Хорошо, что дяди Мэльдана нет. Он неинтересный, скучный, постоянно с тётушкой

Нарнетт время проводит, а люди слухи нехорошие про них пускают, — девочка прекратила носиться по залу, остановилась рядом с советницей-канцлером, та злобно взглянула на неё. — То ли дело тётя Нэрсси. Госпожа Рилароя, когда она соизволит приехать к нам? Я уже скучаю по её рассказам о заморских чудесах.

— Табия, она приедет, когда закончатся зимние шторма, — отвечала Рилароя. — Да, в этом году погода совсем переменялась. Обезумела природа, не иначе. А про слухи — чтобы я больше не слышала от тебя подобного, поняла?

— Рана нанесена нашему миру страшная, — мастер-волшебник Ольта отвлеклась от пускания под столом искр. — Вот мир и сопротивляется нам, паразитам.

— Что ты несёшь, Ольта? — воскликнула советница герцогини. — Опять начиталась сказок каких?

— Рила, шторма бушуют, последствия засухи мы разгребаем уже полгода, а самое сильное герцогство королевства подняло мятеж против короны!

— Я согласен с Ольтой, — отозвался Вольхат, сияя большими голубыми глазами. — Что-то в мире поменялось. Как и с нашей герцогиней. Её то кошмары мучают, то психика шалит. Срывается на нас. Всё из-за отъезда родных, плохо это, когда родня далеко. Почему её родители и муж ещё в Гил Амасе сидят? Наторговаться не могут? У моей компании одна крупная сделка занимает два месяца! И по месяцу на дорогу, туда и обратно. Только вот наши сидят там почти целый год.

— Тётя Нэрсси обиделась на нас? — Табия дёрнула советницу за рукав, та сделала кляксу в записи и крепко выругалась про себя. — Поэтому она осталась с герцогами жить на востоке?

— Девочка моя, успокойся, — Рила погладила белоглазую девочку за руку. — Нэрсси приедет, когда сможет... Вольхат, иди отсюда, не начинай свои деловые рассказы при детях!

— Так полезно человека с малых лет учить уму-разуму, дорогая! — супруг Риларои был навеселе. — Мы с тобой наших детей ведь учили-учили, умными людьми растут!

— Табия не наш ребёнок! — тихо прикрикнула советница. — Пускай герцогиня разбирается, кто будет воспитывать её. Я не возьму на себя такой груз. Тем более она не вайнка...

Девочка, которую четыре года назад нашёл на севере сам верховный герцог, имела неизвестное вайнам происхождение. Она точно не относилась к малочисленному коренному народу севера — лодвинге. Остатки нортирцев, живущие на крайнем западе Апалаи, бывших земель Нортирской конфедерации, также не могли быть родными девочке, ибо нашли её на крайнем востоке Апалаи, где нортирцы не живут давным-давно.

На севере раньше было ещё несколько малочисленных народов, частично ассимилированных норами или вайями. Королевский историк и антрополог Гордуар Флойрзекиль, призванный из столицы королевства — Арлемиа — в Аргесал, столицу герцогства Мэссиров, так и не нашёл точного ответа, какое происхождение имеет девочка. И откуда у неё такие пронзительные цвета снежного покрова глаза, невероятно редкие для высшей знати и не встречающиеся у простолюдинов в принципе.

— Я ваша девочка! — всплакнула Табия. — Не бросайте меня!..

— Тихо, дитя! — советница обняла её. — Никто тебя не бросит!

— Табия, пойдём со мной! — от слуг, что дежурили у камина, откололась тучная женская фигура в весьма опрятном узорчатом платье. — Госпожа Рилароя, вы позволите?

— Да, конечно, Эрвия, — канцлер выпустила девочку из рук.

Гувернантка молодого герцога по имени Эрвия увела Табию прочь из зала советов.

— Я всё же не понимаю, чего наша герцогиня так с ребёнком возится, — задумался вслух Нойрбет, старший егерь герцогства, глядя на закрывшуюся дверь в зал советов. — Отдать девочку в приют, она же не вайнка, это все понимают! И с психикой у неё проблемы, в свои одиннадцать она слишком инфантильна! Как бы нашего молодого герцога своей инфантильностью не заразила...

— Нойрбет, ты жестокий человек, — удивилась советница. — Как тебя герцог Млабиурт вообще до членства в совете допустил?

— Рила, лучше меня и моей гильдии следопытов никто не знает горы, в предгорьях которых раскинулась половина нашего герцогства.

— Ни образования, ни управленческого опыта, ни благородного происхождения, — поддержал супругу Вольхат. — Но при этом ты умный мужчина, Нойрбет. В таких вещах разбираешься: как дракона загнать, имея за плечами всего пятерых грифоньих наездников; как собрать полевой лагерь из сырой древесины или вообще — самодельные лодки для пересечения рек. Или как выпить залпом полбочки «Тан’греаля»...

— Так жизненный опыт ни с чем не сравним, друг мой! — усмехнулся старший егерь герцогства. — Я с детства по горам лазал, карты составлял, с грифоньими разведчиками летал да изучал, что в горах меняется.

— А что за донесение мы получили из Соловьиного утёса? — спросила Рилароя. — Я ещё стопку писем не изучала, но...

— Да ерунда там, — отмахнулся линейкой Нойрбет. — Наш охотничий отряд гнался за рыцарем, да двух человек потеряли. Вроде животные дикие загрызли.

— Зачем в конце зимы отправлять охотников в горы? — спросил Вольхат. — Животные по норам и пещерам зимуют ещё.

— У барона Гольурста вспыльчивый рыцарь дочурку увёл, — ответил егермейстер. — Жениться хотел на ней, а Гольурст планировал свою дочь за какого-то знатного парня заморского отдать. Так и не наши.

— Номеор и Вульетта прямо, — чародейка Ольга вспомнила известную в королевстве романтическую пьесу, в конце которой влюблённых убил дворецкий родителей девушки, нежелающих брака героев.

— Я думала, Нойрбет, — Рила отложила перо в сторону, — ваши охотники только в предгорьях дичь выслеживают.

— А какая разница, Рила, где *дичь* выслеживать?

— Действительно, никакой.

Чуть позже в коридоре третьего этажа Риларою и её супруга поймал гонец, один из тех, что доставлял послания между столицей королевства и столицей герцогства. Гвардейцы-патрульные в удивлении уставились на канцлера и советника по финансам.

— Новое послание? — спросил Вольхат. — Опять столица еду просит или...

— Королевским указом... — начала цитировать Рилароя. — Приказываем герцогству Сальвиар собрать все свои войска в долине Лэррима с целью недопущения прорыва крупных сил мятежников в Предместья Арлемиа. Подпись: Драмин Желатир, глава королевского совета.

— Всеотец... — Вольхат прислонился к стене. — Рила, началось что ли?..

— Стража! — советница обратилась к остолбеневшим гвардейцам. — Вы не видели

герцогиню? Она ещё не приехала?

— Никак нет, госпожа, — отвечал один из них. — Я был десять минут назад у конюшен, герцогские стойла пусты.

— Проклятые кошмары! — выругалась Рилароя. — Вольхат, пойдём, нужно найти генерала Бехауста. Пускай думает, что делать с этим письмом. Гонец, идёмте с нами. Возьмите письмо.

— Слушаюсь, — ответил он, поклонившись.

— Мы что, на войну пойдём? — испугался знатный торговец, никогда не державший в руках ничего тяжелее пера. — Выкинь это письмо! А лучше сожги!

— Мы подданные короны, Воль! — чуть не сорвалась советница герцогини. — Мы имеем какую-то ответственность...

— Брось ты! Мы воевать не умеем! Пускай столица сама с северянами разбирается! Мы вообще в углу песочницы живём, в горах почти, всем плевать на нас! Мы должны сидеть тихо!

Рила оглянулась. Несколько стражников и гонец в недоумении поглядывали на неё с Вольхатом. По выражению лиц служилых ей было понятно, что они солидарны с мужем.

— Я пойду к генералу одна, — проговорила Рилароя. — Возвращайся в покои, не забудь запереться. Мятежники ведь вот-вот встанут под Аргесал, не слышишь? Катапульти стреляют, выгляни в окно — увидишь осадные лестницы вдоль городских стен!

Никто в коридоре не улыбнулся. Потенциальной войны, которая была лишь слухом, боялось всё герцогство Сальвиар. Герцоги Мэссиры владеют одним из самых бедных и слабых герцогств в королевстве. То, что Мэссиры правят этими северо-восточными землями долгие сотни лет без намёка на захват или свержение правящего рода, заслуга их предков. Которые вместо равнин решили поселиться на южных отрогах гор Морнгерос, где даже не за что воевать.

Нарнетт Мэссир — одна из самых молодых высокородных дворянок королевства. Близкие ласково называли её Нарой, а придворные (разумеется, за спиной) — тенью отца. Красота рыжеволосой дворянки была спорной из-за особенностей, какие существуют у обитателей северо-восточного герцогства королевства. Дело в том, что население герцогства Сальвиар является вайнским лишь наполовину. В древние времена вайны (народ завоевателей) подчинили несколько местных племён людей, которых для простоты пришельцы называли горными людьми или морнцами. Морнцы считались самым неблагородным народом людей на материке, внешне напоминали они варваров с далёкого севера с грубыми чертами лица и отличным от пришельцев цветом волос и глаз. Зарождающемуся союзу племён пришельцев, на основе которого было воздвигнуто королевство Вайндуол, пришлось браками, дипломатией и подкупам ассимилировать коренных жителей перешейка.

Нарнетт всю жизнь занималась учёбой и практикой, ибо родители готовили из неё достойную себя смену. От отца к девушке перешёл лучший его навык — чистописание. Она с подростковых лет писала не только красиво, но и со вкусом, со значением. Иногда среди её слов прятались тайные послания, одно из которых — любовное — в своё время достигло будущего мужа, который первым оказал Наре знаки внимания ещё во время какого-то праздника при дворе. Эрлист хотя и не был благородным по крови, но благородство его, по словам самой Нарнетт, было по духу. Сын одного из глав купеческой гильдии герцогства

пришлось юной герцогине по нраву, роман быстро перерос в серьёзные отношения, брак дал им чудесного сына. Но долгие месяцы муж проводил на работе, к своей же работе он пристрастил и родителей Нарнетт. Постепенно она дичала, любовь к сыну и семье оставалась крепкой, но крепость давала трещины. Нельзя любить круглые сутки, говорила герцогиня сама себе. Любовь не должна быть хтонической, её нужно разбавлять другими чувствами.

Последний год родители с мужем находились в отъезде, на другом материке, где вели свои тайные дела, в какие не смогли целиком посвятить даже ближайшую к себе кровь. «Чтобы я не посылала за ними корабли», размышляла Нарнетт. Все эти месяцы напролёт её занимала рутина: бесконечные указы и распоряжения, отписки королевскому совету, дипломатия с другими герцогствами и отстаивание интересов своих купцов, как перед соседями, так и перед другими государствами. Разумеется, герцогство Сальвиар, хотя и было одним из беднейших феодалов королевства, всё же имело порты и относительно удобное географическое положение. Но служило оно в основном как перевалочный пункт для судов, следующих с юга на север и наоборот, но только не в само королевство.

Особое внимание Нарнетт, пока близкие находились в отъезде, помимо работы уделяла воспитанию сына. Пусть основное время им занимались вереницы нянек и учителей, но на её плечах лежала самая ответственная задача — дать сыну характер. Дворянский характер, какой не могли дать муж-торговец и отец, принадлежащий к другому поколению. Про иную родню и говорить не следовало — побочные ветви Мэсиров состояли сплошь из лизоблюдов и стервятников, что на каждый свой визит ко двору брали с собой суму побольше. И даже иногда уходили со звоном, как запоминала Нарнетт. И себе она дала слово — при ней такого не будет точно. Не во всём она хотела слушать отца.

Коленетт, сын Нары, рос мальчишкой активным, но в то же время весьма сентиментальным. Про таких говорят — девичий характер. Несмотря на воспитание со стороны огромного количества мужей разных профессий и иногда даже конфессий, мальчик тяготел к романтике. К диким животным, к раскраскам (даже деревянных рыцарей он любил разукрашивать в цвета, какие видел у реальных рыцарей при дворе), к балам и пирам. Охота, оружие, корабли и путешествия никак не привлекали его. И Нарнетт в какой-то мере это нравилось. Хотя, учитывая возраст мальчика, его нужно было начинать воспитывать по-взрослому.

Весь спектр отцовских обязанностей перешёл к юной герцогине: бумажная работа; собрания с подданными графами и баронами; обязательный элемент «этикета руководителя» — объезд владений своих подданных, выслушивание жалоб на местах; попытка добраться до характера пока ещё маленького сына и ожидание. Бесконечное ожидание возвращения родных. Этот год тянулся для неё целую вечность. Дело касалось даже не скуки или желания вернуть ответственность отцу и матери. Ей хотелось выговориться, рассказать о своих душевных терзаниях, что в последние пару месяцев начали превращаться в психологические сдвиги. Не всё было в порядке с её здоровьем, это Нарнетт знала точно. И делиться этим могла только с ближайшей для себя, не считая сына, кровью.

Противный придворный с непроизносимым именем прекратил читать доклад, покосился на окружающих, поклонился и сел на место. Нарнетт кивнула Нойрбету, тот слегка удивился, но отчитался о своих опасениях. Герцогиня слышала их уже не в первый раз. Снова рутина. От рутины нужно избавляться и переходить к более важным делам.

— Такие глаза имел герцог Алукирт Саргинор, если кто-то забыл, — Нарнетт блестяла

изумрудными глазами. — Он умер семь с половиной лет назад, но всю свою жизнь Алукирт любил только свою супругу Филлевандию. А Табия вообще на них не похожа. Так что она не может быть дочерью старших Саргиноров.

— А внучкой, госпожа? — спросил нахальный егермейстер Нойрбет. — Я не скажу за Пасвара или Пальдерру Саргиноров, но их брат Дираммо — тот ещё любитель женщин! Может, какую-то свою незаконнорождённую дочь нашёл и отвёз на север, чтобы будущим законнорождённым детям не мешала!

— Да! — послышалось из глубины зала советов от пухловатого чиновника, служащего при дворе распорядителем. — Дираммо Саргинор похож на своего дедушку...

— Заткнитесь! — рявкнула Нарнетт. — Девочка останется у нас! И так решил не только мой отец, верховный герцог, но и я, замещающая его на время его пребывания в Гил Амасе!

— Но... — пытался вставить слово другой чиновник.

— Вопрос закрыт! — продолжала герцогиня. — Что будем делать с письмом из столицы?

Зал советов не проронил ни слова. Страх перед начинающейся в королевстве гражданской войной охватывал всех.

— Мы две предыдущие войны не вмешивались в конфликт, моя госпожа, поэтому... — задумался вслух Вольхат.

— Вольхат, в последнюю войну у нас полгерцогства горело, — обратился к тому военачальник герцогства по имени Бехауст, крепко сложенный, взгляда сурового, карающего подчинённых. — Наши бароны активно поддерживали принцессу Алетласту и её возлюбленного...

— Это конфликт другого рода, генерал, — ответил советник по финансам и по совместительству владелец единственного торгового флота в герцогстве. — В войну Сестёр мы сидели тише воды, ниже травы. И всё для нас закончилось успешно.

— Госпожа, насколько нам известно, — обратился генерал Бехауст к владычице, — Саргиноры несколько раз на север ходили, и королевский совет они хотят на это подбить! Может, они нам помогут с нашими горами разобраться? Может, вступить за Нортирар?

— Нас с юга подпирает герцогство Айрснерар, родина королевы. Вы в своём уме, генерал? — спросила Рилароя. — Наши южные бароны и так потеряли страх. От голода и безденежья они устраивают налёты на юг силами гончих, так нам ещё не хватало ссориться с короной!

— При том, что наше герцогство находится в упадке. И только благодаря морозам у нас всё более-менее стабилизировалось, — дополнила советницу сама герцогиня. — В общем, мои дорогие, я поняла, что вы руководствуетесь импульсами. Мой приказ будет таковым: на письмо никакого ответа. Бехауст, как руководитель наших военных сил, ты контролируешь лично. Ты и Нойрбет.

Темноволосый архиегерь переглянулся с лысым военачальником.

— Госпожа, но...

— Не стоит спорить, Бехауст, — перебила генерала Нарнетт. — Твои тревоги мне понятны, хоть я не военная. Ты бы с большим удовольствием выступил против короны, учитывая твою совместную службу с некоторыми офицерами мятежников. Но на первом месте у нас — безопасность родных земель.

— Виноват, владычица, — ответил он. — Сальвиар будет под защитой, верно. Нельзя выводить войско и оставлять земли на разграбление разбойникам или пиратам. Ваша

светлость, позвольте сменить тему?

Нарнетт кивнула, перелистнув страницу в своём рабочем дневнике.

— Мучающие вас и других знатных людей королевства кошмары связаны с мертвецами, так? — продолжал он. — Значит, разгадку нужно искать на севере! Нам нужен союз с Саргинорами! Они со своими ресурсами смогут подправить наше...

— Опять мятежники... — всё, что успела выдать Нарнетт до того, как её разум отключился.

На несколько мгновений герцогиня словно пропала сознанием из этой реальности. Девушка положила ладони на стол, явив придворным печатку с изображением гор (как на фамильном гербе) на указательном пальце левой руки и обручальное кольцо на правой. Она видела окружающих, видела шевелящиеся губы своего полководца. Видела, как вскакивает её советница Рилароя, которой без единого звука удаётся приземлить генерала обратно в кресло. Этот странный приступ повторяется с герцогиней не в первый раз. И его сущностью она поделилась только со знахарями, у которых пробыла последнюю неделю.

— ...нет никаких гарантий, Рилароя! — ответил на какой-то аргумент Бехауст.

— Вас не исправить, генерал! — прикрикнула канцлер. — Вы типичный солдафон!

— Прекратите! — вскочила герцогиня. — Столице ответим тоже, что и всегда: у нас беспорядки и голод, помощи оказать мы не можем. Вопросы будут?

— Но, моя госпожа, вы ведь сказали, что не будет ответа... — осеклась Рила.

— С кошмарами я сама разберусь, — не заметила Нарнетт замечания.

— Ваша светлость, вам уже пытался помочь герцог Валдис Унгартт год назад, — обратилась к Нарнетт мастер-волшебник герцогства Ольта. — Но никакого результата как не было, так и нет. Разумно ли будет...

— Валдис Унгартт не нашёл ответ, хоть он и является сильным магом. Но спустя год я начинаю чувствовать какие-то изменения. Не волнуйтесь, я контролирую этот процесс.

— Процесс чего? — недоумевающе поинтересовались сразу несколько членов совета.

Нарнетт окончательно вернулась в нашу реальность. И не могла понять, процесс чего ей нужно контролировать. Ответ придумала не очень оригинальный:

— Процесс своего выздоровления.

— Нам не следовало приезжать сюда, ваша светлость! — возмутился капитан герцогской гвардии. — В горах живут отшельники и чудовища, у нас небольшой отряд!

— Порлехт, ты бывал здесь и не один раз, — сказала герцогиня, похлопав по шее свою белоснежную кобылу по кличке Клива. — В чём причина твоей тревоги?

— Здесь недалеко Нэлвские места, госпожа. Тут недавно охотники пропали.

— Капитан, в Нэлвии постоянно кто-то пропадает уже тысячу лет как, — подметила Ольта. — Мы ведь туда не сунемся. Или я не права, моя госпожа?

— Человек, про которого мне рассказали, живёт чуть северо-восточнее Нэлвских земель. Нарт, — обратилась дворянка к лучшему придворному егерю и следопыту, — ты ведёшь нас по правильному пути? Во внутренних горах вообще ведь никто не живёт. Здесь только охотничьи стоянки должны быть. Почему тропа стоптана так, словно тут караваны ходят?

— Это странно, моя госпожа... — заметил егеря, что ехал чуть впереди. — Наш охотничий отряд работал гораздо западнее этой местности, недалеко от гор. Здесь я был месяц назад примерно, так тут на снегу едва заметные тропинки были, протоптанные не

иначе как нашими егерями. Но это... Смотрите, какие хаотичные следы...

Поляна была истоптана десятками — если не сотнями — странных человекоподобных следов.

— Либо эти существа хорошо мимикрируют под людей, либо это какие-нибудь кхабароны, — продолжал он. — Обезьяны такие есть. Следы-то с когтями.

— Откуда в северных широтах обезьяны? — удивилась волшебница.

— За сотни лет мы бы обезьян заметили, — проговорила Нарнетт. — Чёрт с ним. Абалтун живёт где-то в двух иттах к северу, если я правильно разобрала отметки на карте? Нарт, веди нас.

Примерно через итту странные следы ушли куда-то на северо-запад, в сторону внутренних гор. На северо-восток троп не было вовсе, поскольку возвышающийся впереди лес был очень густым и труднопроходимым.

— Малый лес, госпожа, — объявил Нарт, повернувшись в седле. — Судя по вашей карте, нам нужно пройти ещё политты в глубину.

— Лес слишком густой. Если там какие твари сидят, мы можем потеряться, споткнуться о корни или ещё чего, — осёкся капитан Порлехт. — Госпожа, давайте отправим Нарта и двух парней вглубь, они разведают, что там происходит вообще. Не нужно рисковать вашей светлостью.

— Я согласна с капитаном, — поддержала Ольта. — Чувствую... Какую-то постороннюю магию...

— Не мои кошмары? — спросила Нарнетт.

— Нет, ваша светлость. Ранее ведь я не чувствовала подобного. А этот вид магии я даже разобрать не могу... Странно...

— Я бывал в Малом лесу несколько раз, госпожа, — егерь вновь повернулся в седле. — Но ни разу не видел там каких-нибудь отшельников, хотя в течение последнего года не заходил вглубь. Вас не могли обмануть?

— Мне сказали, что этот человек поселился в лесу недавно.

— Если наши найдут его, они могут вывести его из леса, — заметил капитан, водя шлемом по сторонам. — И не нужно рисковать. Ваша светлость?

— Хорошо, Порлехт. Дай Нарту двух своих лучших людей.

— Кирек, Бальтон! — пробасил тот. — Отправитесь с Нартом вглубь леса! Слушайте его!

— Есть! — ответил один из бойцов.

Следующий час члены отряда тоскливо сидели у костра, прикрытого небольшим навесом. Привлекать лишнее внимание не хотел никто. Капитан обсуждал последние военные новости со всего королевства с оставшимися гвардейцами. Ольта собирала у лагеря какие-то коренья и грибы, которые, очевидно, планировала использовать в своих алхимических опытах. Трое слуг изучали содержимое походных сумок. Герцогиня же сидела в полудрёмном состоянии, опираясь спиной на сложенные друг на друга походные сумки.

— Один... Два... Нет, всё же их четверо, — проговорила Нарнетт в полудрёме.

— Госпожа? — удивилась служанка, что возилась с вертелом и старательно поправляла плащ.

— Где-то рядом, Бэльта, — обратилась к девушке Нара. — Я слышу тетеревов. Или это глухари. Не знаю. Но слышу чётко. А ещё кто-то поёт... Но где?..

Девушка оглянулась и пугливо уставилась на герцогиню. Она явно ничего не слышала.

Нарнетт имела стеклянный в свете фонаря и костра взгляд.

— Госпожа, прошу простить, я принесу ещё хвороста, — наконец сказала девица.

— Да, ступай, конечно, — герцогиня махнула рукой.

Малый лес слегка пугал Нарнетт. На памяти двадцатисемилетней герцогини это был единственный известный ей лес, в котором не было слышно даже птиц. Тетерева или глухари угугукали на юге, точно не в лесу. Гнетущая и ужасающая тишина, однако, могла быть гарантией того, что живущему здесь отшельнику должно быть комфортно заниматься своими таинствами. Нарнетт прижала колени к груди и обхватила их руками.

— Вокруг ни души, даже животных нет... — проговорила она. — Надеюсь, Абалтун — профессионал своего дела.

— Моя госпожа, вы что-то сказали? — подошёл капитан, в руке у него был вертел с кусочком крольчатины.

— Нет, отдыхайте... А где Ольта? Только что была в поле зрения.

— Мы не следили за ней, ваша светлость, — Порлехт покрутил головой. — Сейчас я соберу людей и...

— Тихо, капитан! — у соседнего костра вскочил один из бойцов. — Слышу какие-то крики приглушённые!

— Вечереет, Обрет, может, птицы? — спросил другой.

— Человеческий крик с криком животного не перепутаю! — тихо ответил тот. — Капитан?

Порлехт оглядывался, пытаясь найти источник крика. Но на внутригорные долины уверенными шагами наступала темнота.

— Мы почти час тут торчим, наши кричали или нет? — спросил ещё один боец. — Надо на помощь идти!

— Ваша светлость, я отправлю с вами четверых домой, а с остальными отправлюсь искать госпожу Ольту и наших парней...

— И речи быть не может! — тихо ответила капитану Нарнетт. — Я вас сюда притащила, я с вами и уйду отсюда. Со всеми. Порлехт, ищейки в отряде есть?

— Есть, государыня. Фарейх, ко мне!

— Капитан, может, за грифонами послать или за гончими, — ответил подбежавший гвардеец. — Куда мы в чащу вдесятером пойдём, если считать вооружённых?

— Для начала найдём Ольту, я её видел в последний раз между тех деревьев! — не заметил тревоги подчинённого Порлехт.

Фарейх, промолчав, кинулся в проём между двух старых сосен.

— Обрет, крик был женским или мужским? — спросил капитан.

— Не разобрал, но крик доносился из леса, это точно.

— Есть след! — отчитался Фарейх.

— Парни, собираем всё! — приказал капитан. — Моя госпожа, держитесь позади нас...

— Не впервой, Порлехт, — Нарнетт без помощи слуги натянула перчатки, жестом попросила подать лошадь. — Ведите.

Отряд собрался и конными двинулся сквозь сосновый бор. Малый лес пугал путников отсутствием всякого гостеприимства. И страшной тишиной. Лес был словно заколдован, даже лошади перестали фыркать. Люди поддавались этой магии, боясь на шуметь. Лишь неглубокий снег, ветки и сухие прошлогодние листья шелестели под копытами коней.

Сосновый бор постепенно превращался в ельник. Спустя пару мэрт* на некоторых

деревьях стали появляться знаки. Странные рунические символы всё больше и больше покрывали деревья вокруг. На некоторых соснах и елях были следы скобления, словно кому-то была противна эта магия. Кто-то пытался стереть эти символы, не сулившие их читателям ничего, кроме беды.

— Там огонёк впереди! — тихо объявил дозорный.

— Спешитесь всем! Слуги, следите за конями! — скомандовал капитан. — Ваша светлость, останьтесь здесь, чтобы...

— Я хочу своими глазами увидеть, что происходит в моём герцогстве.

— Госпожа, я...

— Всё же внутренняя часть гор тоже принадлежит нам, — продолжала Нарнетт. — И моим родителям, когда они вернутся с востока, будет интересно узнать, чем они правят. И что у нас на границах происходит. Веди, Порлехт.

— Слушаюсь, владычица.

Оставив коней со слугами, гвардейцы и герцогиня двинулись в сторону странного огонька, мелькающего в одной мэрге от места останковки. Малый лес потихоньку уходил в низины, открывая перед глазами открытое пространство, заполненное кустарником и поваленными деревьями. Чем ближе люди подбирались к таинственному огоньку, тем больше Малый лес стал походить на бурелом. Многие деревья были выкорчеваны с корнем, что не каждому чудовищу-бегемоту под силу.

— Кошмар, если остальной лес в порядке, то что здесь за существо жить может? — пугливо проворчал один из бойцов.

— Дисциплину соблюдаем! — тихо сказал капитан. — Ваша светлость, возможно, вам действительно стоит остаться у коней?

— Порлехт, я сама решу, где мне остаться. Если, не приведи Всеотец, что-то начнётся, я первая к лошадям побегу. Не волнуйся.

— Хорошо, госпожа... Койриз, пригнись! — приказал капитан дозорному. — Все за деревья, быстро!

Дозорный послушно бросился на промёрзлую землю, испуганно приподнял голову в надежде увидеть источник опасности.

— Что, что случилось? — спросила Нарнетт, боясь выглянуть из-за дерева.

— Силуэты какие-то у источника огня, — ответил капитан. — Огонь то появляется, то исчезает.

— Мы в темноте ведь, нас не видно, — заметила Нарнетт, выглянув из-за дерева.

— Всё равно, госпожа, вашей жизнью я не имею права рисковать.

— Я это ценю, Порлехт. Нужно подобраться поближе, может, это наши...

— Идём вприсядку, слышите все? — приказал командир гвардейцев. — Госпожа, что вы делаете?!

— Так и знала, что нужно было переодеться, — вслух объявила герцогиня, закатав вечернее платье под меховую шубу. — Не хочу порвать, одно из моих любимых.

— Женщины... — едва послышалось в стороне.

Порлехт двинулся вперёд, разводя мечом обильно растущий кустарник. Остальные полуприседом пошли за ним, выстроившись в две цепочки.

— Вижу хижину! — доложил Койриз. — Огонь у хижины!

— Посмотри, что там, мы подождём тебя здесь!

— Слушаюсь!

Испуганный разведчик не заставил себя долго ждать. Едва не выронив оружие из ножен, он буквально нырнул в овраг к командиру после разведки и доложил:

— Там это... Это... Капитан...

— Успокойся, ты наших видел? — спросил Порлехт.

— Я видел только Ольту, она с каким-то мужчиной хороводы вокруг костра водит!

— Какого дьявола? — выругалась герцогиня. — Я ей в лаборатории хоровод из ревизий устрою! Капитан, вперёд!

— Но, ваша светлость...

— Я сказала, вперёд!

Спустя несколько минут пути отряд увидел описанную дозорным картину. Никто не мог поверить своим глазам. Вокруг костра нарезал круги какой-то косматый оборванец вместе со старшей чародейкой герцогства.

— Так он сказал, так он сказал... Из Львиного утёса граф... — пропел он с лёгким акцентом. — С тех пор снега застилают гроб, земля забыла о нём...

— Я и позабыла эту песню, спасибо! Будет, что вспомнить во время наших гуляний при дворе! — отозвалась на песню неизвестного Ольта.

— Всегда пожалуйста, дорогуша! — также радостно ответил лесной житель. — А есть ещё такая песня... Хранимый богом, землёй, тяжёлым роком... Судьбой оберегаемый, искушение, прости, но ждёт покой!..

— Капитан, обоих лицами в грязь! — приказала Нарнетт, глядя на танцующих и поющих у костра отшельника и чародейку. — Что происходит вообще? И где пропавшая троица?

— Госпожа... Ольта ведь была трезвой, когда мы выезжали? — капитан жестом подозвал бойцов к себе, те обнажили оружие. — У неё ведь иногда случаются припадки.

— Припадки случаются, Порлехт, это верно. Но она не пьёт после того, как отец её публично прогнал плетью по Аргесалу.

— Может, наркотики какие? — прошептал кто-то. — Зачем она травы и грибы собирает-то?

— Не приведи Всеотец, Ольта, — выругалась Нарнетт, показавшись в полный рост из-за кустов. — Я в отличие от отца плетью не ограничусь.

— Дорогуша, у нас гости! — воскликнул горец, напоминающий оборванца в тряпье. — И их много... А... Что это я вижу такое? Оружие в нашем лесу? Мой властелин! У них оружие!

— Изъять! — послышалось из земляной хибары. — Всех в погреб!

— Стойте! Уберите оружие! — крикнула чародейка.

— Это тоже твои друзья, доченька? — спросил танцор и певец.

— Да, это мои друзья! — отвечала Ольта. — И они такие же безобидные!.. Проклятье...

Из-под земли вырвались корни, что сбили с ног вооружённых мечами и арбалетами гвардейцев в несколько секунд. Они схватили бойцов за руки и ноги и потащили в сторону хибары, а какая-то неведомая сила заткнула всем рты скомканными клочками листьев. Нарнетт не шевелилась, испуганно водя глазами по поляне.

— Моя госпожа, не бойтесь! — отозвалась Ольта. — Вы безоружны, вас не тронут!

Дворянка сменила испуг на гнев в считанные доли секунды.

— У тебя тоже есть повелитель? Точнее — повелительница? — хмыкнул незнакомец. — Значит, мы с тобой похожи ещё больше, чем ты рассказала!

— Что здесь происходит?! — очухалась Нарнетт. — И куда поволокли моих людей?

— Она мне или тебе, дорогуша? — спросил незнакомец.

— Мне кажется, что...

— А, впрочем, какая разница, — с лёгкой долей сарказма перебил Ольту косматый артист. — Нету твоих людей, девочка. И не будет.

— Девочка?! — чуть не сорвалась герцогиня. — Эта девочка может приказать спалить этот чёртов лес через неделю! Ты хочешь этого, СТАРИК?!

— Не кричи, дитя, я тоже кричать умею. А по поводу того, чтобы спалить лес... Ну со связанными руками и ногами тебе это будет сложно сделать...

Со стороны хибары показались две волны новых корней, словно земляные черви двинувшиеся в сторону Нарнетт.

— Госпожа, не грубите им! — возмолилась Ольта. — Они этого не любят!

— Норзе, прекрати свои игры, — послышалось из хибары. — Поразвлекался и хватит.

— Слушаюсь, повелитель, — поклонился хибаре чудак по имени Норзе.

Коренья резко пропали под землёй. Ольта и Нарнетт облегчённо вздохнули.

— С кем имею честь? — бросила герцогиня в сторону хибары.

— С тем, кого вы ищите. Я успел допросить ваших людей. Не бойтесь, можете войти.

Нарнетт, испуганно оглядываясь, направилась в сторону земляной хибары. Чудак провожал странноватым и насмешливым взглядом.

— Ольта, а ты? — спросила герцогиня.

— А она продолжит петь со мной! — ответил косматый. — Давай, девочка, потанцуем?

— У меня нет выбора, госпожа, — пожал плечами чародейка. — Давай, Норзе, новый круг!

— Только не на пустой желудок, дитя! — усмехнулся чудак, подняв из-за служащего скамьёй бревна бутылку со странным содержимым.

На гневный и непонимающий взгляд Нарнетт Ольта ответила новым пожиманием плеч.

Изнутри хибара соответствовала своему внешнему состоянию. Едкий букет из десятков и сотен видов трав и цветов не позволял определить, что конкретно готовится в этом доме. Повсюду стояли колбы и котлы, в половине из них что-то варилось. Было здесь и одно спальное место — мховая подушка и спрессованные листья, склеенные какими-то растворами. Нарнетт посчитала странным, что в небольшом доме, поделённом на прихожую в центре, лабораторию-кухню слева и «комнату» справа от входа всего одно спальное место. Хотя отшельник должен был жить со своим слугой под одной крышей.

— Вас зовут Абалтун? — обратилась дворянка к сидящему за грубо обструганным столом человеку в огромной меховой накидке.

С каждым шагом Нарнетт отшельник всё меньше походил на человека.

— Абалтун — моё имя для местных знахарей, дитя. Моё настоящее имя вы никогда не выговорите. Присаживайся, я не причиню тебе вреда.

— Где мои... О, Всевышний!

Лицо отшельника покрывали гнойные струпья. Кожа его краснела и шелушилась, а волосы под капюшоном были растрёпанными и связанными в несколько узелков какими-то странными нитями. Одежда тёмных тонов его, казалось, была грубо сшита из лоскутков и рваных лохмотьев. Нарнетт показалось, что лоскутки сшивались не единой нитью.

— Это конский волос, дитя. Я отказался от ваших благ давным-давно. У вас это называется, кажется, консерватизмом. За своих людей не волнуйся, они связаны, сидят у

меня в погребке. Пускай научатся сначала хорошим манерам, ведь можно мирно поинтересоваться, кто мы, а не выставлять арбалеты и мечи напоказ. Табурет, дитя. Садись.

Герцогиня послушалась, но удивления скрыть не могла:

— Вы... Не могу понять...

— Можешь обращаться ко мне на ты. В этих горах все равны. Плевать, герцогиня ты или старый отшельник. Да, я представитель лорунал, коренного народа людей этого материка. Поселился тут не так давно, раньше жил севернее. Ваши предки, морнцы, которых ассимилировали вайны, также в своё время переехали сюда из другого мира.

— Лорунар... В первый раз слышу... Почему мы раньше не знали про вас?

— Нас очень мало.

— Почему?

Отшельник не отрывал взгляда от миски, которая постепенно наполнялась странными травами и стеблями длинных растений, похожих на вырвиглазку.

— Потому что сначала нашу свободную страну уничтожили эльфы, когда они контролировали значительную часть этого материка, а затем нас добились негуры, величайшая нация людей этого мира. По правде сказать, мы сами никогда не считали себя людьми. И не бойся, мои болячки не заразны.

— А насколько вас мало? — герцогиня нарушила серьёзное правило этикета, без спроса взяв со стола несколько травинков и корешков для изучения.

— Тот, что похож на куриную лапу, — это ибитовый корень, — заметил отшельник. — Можешь съесть один, мне не жаль. Он помогает пищеварению. Растёт только в горах.

— У меня всё хорошо с пищеварением... — Нарнетт отложила травинки и корешки в сторону.

Она всё ещё боялась отшельника. И его мир.

— Твоё право, дитя. Отвечая на твой вопрос... До дюжины, возможно. Я, конечно, не лазал по горам Тахон, которые вы называете Морнгерос, но уверен, кто-то из моих родичей живёт на восточных побережьях Кахалари — или Апалаи, как говорят в вашей стране. Земли, между вашим королевством на юге и...

— ...королевством магов Акадар Фрадур на севере, я знаю.

— Там не только маги живут, — отшельник осмотрел содержимое котла, добавил туда настойку со стола. — Ещё гномы, гремлины, полурослики. Чудные коротышки такие.

— Чудные... Народ гномов зовётся мранками, их государство так и называется: Мранкирское царство. Хмм... Вы... То есть ты заговариваешь мне зубы?

— Разумеется. Я успокаиваю твою психику. Ты ведь напугана. Ожидала увидеть здесь очередного лесного колдуна, а нашла какое-то человекоподобное чудовище.

Нарнетт задумалась, ещё раз оглядела великана, напоминающего друида.

— Ты похож больше на человека, чем на монстра, — сказала она. — И в мыслях не было назвать тебя...

— Но это правда. Даже знахари, что отправили тебя ко мне, так считают. Я столько раз предлагал им переселяться ко мне в Дер'юхар. Но они всегда вежливо отказывались. Я бы защитил их, несмотря на опасности, что царят в вашем герцогстве. Навроде охоты на ведьм.

— А зачем они тебе здесь?

— Я хотел учить их постигать законы нашего мира. Законы сотворения первичной ткани. Не хотелось бы оскорблять вашу науку, но даже уничтоженный мой народ понимает в устройстве этого мира куда больше, чем все ваши развитые государства вместе взятые. Хотя

мы не строили университетов, как люди, не извлекали информацию из опыта горного и промышленного дела, как карлики, и не говорили с природой, как эльфы. Хотя многому эльфы научились как раз у нас.

— Вы бережёте свою мудрость из поколения в поколение?

— Можно и так сказать, — Абалтун продолжал размешивать травы в глиняной миске. — Но, уничтожив и ассимилировав остатки нашей цивилизации, вы, крупные народы людей и иных гуманоидов, потеряли духовного наставника в этом мире. Вы слепы, ибо вести вас некому.

— А ты? — Нарнетт оглядывала древесные полки. — Ты ведь тоже человек, почему говоришь в третьем лице?

— Больше не человек. И я один. Один не может изменить этот мир. Даже если бы я владел божественной силой. Здесь нужен круг богов, чтобы держать этот мир в узде. Ты всех богов знаешь, дитя?

— Всех. Но мы, вайны, ведь...

— Да, Пировинас'Актуарен, Чтец и Хранитель законов, является для вас отцом всего мира и других богов. Но он лишь один из братьев и сестёр по Ахаласте, Колизею миров. Вы за тысячи лет никак не развили свою религию, и Пир, то есть вы, стоит над другими богами. Как вы, люди, стоите над другими народами.

— Ахаласта? Колизей?.. А что это? — спросила девушка.

— Вечная стоянка богов. Там они остановились, когда сотворили жизнь и бытие в нашем мире. Оттуда они наблюдают за всем, что происходит в этом мире и в других, в которые они вдохнули жизнь и смерть. Да, девочка. Не удивляйся. Смерть — такая же часть сущего.

— Мертвецы... Часть нашего мира?..

— Так мы подходим к цели твоего появления здесь, Нарнетт, — заявил Абалтун, скинув намешанные травы в булькающий рядом со столом бульон. — Кошмары, что мучают тебя и десятки знатных людей по всему королевству. Я не знаю, кто их сотворяет, но знаю их природу. Знаю их сущность. И зачем они нужны.

— Знаешь? Откуда? — вновь спросила она.

— Так мне ответил этот мир. Я увидел это, взглянув на звёзды в одно из последних полнолуний. Увидел, взглянув на то, как изменяется течение одинокого ручья на западной границе Дер'юхара. Увидел, поговорив со своей умершей двести лет назад дочерью. Говорил я с ней год назад.

Нарнетт испуганно отодвинулась от отшельника. Ясность его звероподобных карих, но всё ещё человеческих глаз позволяла судить о том, что Абалтун был не безумен. Напротив. В его взгляде девушка видела целые поколения мудрости, накопленной его народом. Отшельник знал, о чём говорит.

— Твоя дочь... Ты говорил с её духом?

— В вашем понимании, да. Она поссорилась со мной и переехала жить на запад, в пустоши Кахалари, когда мы с ней жили на востоке. И стала ожившим мертвецом. А я попытался снять с неё клеймо некроманта, что убил её и зомбирова. У меня почти получилось. Её душу я почти вырвал. Даже успел поговорить с ней.

— И... Что... Не могу поверить...

— Я говорил не с мертвецом, дитя. Я говорил с духом своей дочери. Духи мёртвых пленяются в мёртвом измерении. Дочь рассказала мне, что терзающие вашу страну кошмары

насылаются каким-то могущественным существом. Потому что в измерении мёртвых она видела такие же кошмары. Как и другие души.

— Для чего, ради Всеотца?!

— Какое-то могущественное существо хочет перенастроить вас, людей. Хочет подчинить вас своей воле. Я полагаю, использовать ваше королевство в своих целях.

— Как это возможно? — спросила после недолгого молчания герцогиня. — Человек мёртв, его дух порабощён некромантом, и находится в параллельной нашей реальности. Но насылаемые кошмары видят все мертвецы и некоторые живые. Насколько мне известно, их видят многие значимые дворяне нашей страны. Ходят слухи, что даже королевская семья. Но только те, кто не имеет сильных магических способностей. Недуг избегает могучих магов. Почему такая избирательность?

— А ты не чувствовала ничего странного в последнее время?

— Откуда ты... — Нарнетт скрипнула табуретом. — Знаешь... Ты читаешь мысли?

— О, Наланна, охватывающая всё, нет, конечно. Но я слышал от своих друзей знахарей, которые общаются со знахарями других герцогств. А пара человек даже имеет связи с королевской гильдией. У каждого страдающего кошмарами разные симптомы. У тебя странные припадки, например. Которые, как ты, наверное, посчитала, стали новой стадией кошмаров. Но кошмары не имеют никакого отношения к твоим припадкам. Твоё сознание отключается на минуту, хотя организм работает. Это правда?

— Это тебе рассказала Тиланна, одна из знахарок, к которой я ездила две недели назад? Я ведь приказала ей держать язык за зубами.

— Не ругай её. Я видел огонь в её глазах, она искренне забеспокоилась о твоей жизни. Ты помогала ей последние два года. Но... Кошмары ведь мучают тебя несколько лет? Почему ты нашла меня только сейчас? Ведь про меня тебе должны были рассказать раньше... Пусть я поселился здесь не так давно, но со знахарями дружу уже целый год.

— Я боялась, Абалтун. Но пока рядом были мои родители, кошмары были не такими сильными.

— Ты переписываешься с ними? Их кошмары не...

— В этом-то и дело. В последних письмах двухмесячной давности и мама, и папа, и мой супруг уверяли меня, что их кошмары пропали и не беспокоят их больше месяца.

— То есть пропали они не сразу после высадки вашей экспедиции на востоке... — Абалтун знал явно больше, чем полагается отшельнику. — Это интересно... Кошмар действует как яд, который можно вывести... Можно вывести...

— Чем? — не выдержала Нарнетт.

— Переездом в другой мир.

Даже на поляне прекратились песни и танцы. Малый лес или Дер'юхар на языке лорунал окончательно превратился в промёрзшую пустыню, в которой только начали раскрываться первые почки на ветвях деревьев. Ни ветра, ни животных, ни танцующих у костра слышно не было. Это напугало Нарнетт в очередной раз. Но чувство быстро пропало.

— Crasar'c K'chtobiar. Numek ilzunu irgiba'chay, w'vena xtebua birete. Wae'chliste, or'me?

— Какого... — прошептала про себя она, услышав странные слова из уст Абалтуна.

— Кто хоть пальцем тронет её, я вас спалю вместе со всем вашим поганым лесом! — кричала женщина. — Мне маны хватит, можете не волноваться!

— Она очнулась! — воскликнул мужской голос. — Моя госпожа!

Нарнетт распознала в тумане Порлехта.

— Вы в порядке? Ваша светлость?

Она водила головой из стороны в сторону, пытаясь понять, что происходит вокруг. Скванность пожирала изнутри. Словно девушка не вставала с постели целую неделю. Её охватил паралич.

— Что происходит? — спросила дворянка у окружающих, пытаясь найти среди них Абалтуна. — Где отшельник?

— Отшельник пропал, госпожа, — ответил капитан. — Следом за ним пропал и его слуга, Норзе. С вами всё в порядке?

— Да... Что... Какого у меня так суставы ломит?.. Проклятье...

— Госпожа, вам нужно...

— Кто эти женщины вокруг... — герцогиня увидела среди гвардейцев несколько похожих на друидок женщин. — Инаиста, милостивые боги, это ты?!

— Ваша светлость, — поклонилась знакомая знахарка, — я сейчас вам всё объясню...

— На какое время я потеряла сознание?

— Вас не было с нами целые сутки, — ответил Порлехт. — Когда Ольта вбежала к вам, она увидела лишь вас, спящую, а...

— А когда я убедилась, что вы в порядке, и кинулась к Норзе, он также пропал. Испарился бесследно. Потом я побежала искать наших парней, освободила из погреба, мы привели сюда слуг с лошадьми. А эти, — белокурая чародейка показала кивком на знахарок, — пришли сюда несколько часов назад. Всё умоляли нас сберечь этот лес и не обижать Абалтуна, когда он вернётся. На ваше здоровье им наплевать.

— Неправда! — крикнула самая старшая на вид знахарка, к которой Нарнетт точно никогда не обращалась. — Мы увидели, что герцогиня здорова и её жизни ничего не угрожает! А жизням нашего друга Абалтуна и его служки теперь грозит опасность...

— Не угрожает?! — чуть не сорвалась Ольта. — А кошмары, которые её мучают несколько лет? Которые мучают почти всех дворян в стране? И решение от которых вы пытались найти, отправив свою владычицу сюда, к двум безумцам! Да я вас сейчас!..

Порлехт заломал Ольте руки и связал найденной ранее верёвкой так, чтобы ладони волшебницы оказались прижаты друг к другу.

— У нашей госпожи от твоих криков голова разболится, успокойся, — спокойно сказал капитан.

— Я тебе сейчас!..

Договорить Ольте помешал воткнутый в рот кляп.

— Ваша светлость, отвечу за это, когда вернёмся домой, — капитан передал Ольту в руки двум бойцам. — Я боялся, как бы она тут всё в припадке не спалила.

Чародейка вырвалась из рук гвардейцев и со всей силы пнула Порлехта между ног. Но это возымело лишь обратный эффект.

— У меня там бронепластика, Ольта, — усмехнулся капитан, глядя на танцующую на одной ноге волшебницу. — Парни, посадите её куда-нибудь, пускай успокоится!

— Есть!

— Ольта, успокойся, со мной всё в порядке... — заверила герцогиня. — Но мне нужно прийти в себя... Значит, я была без сознания сутки? И вы охраняли меня? Больше вы ничего не делали?

— Мы пытались найти следы отшельников. Но Ольта права. Они словно испарились.

Ведь они маги, возможно, аниморфы. Эти... Женщины... — капитан кивнул на десяток испуганных знахарок. — Подскажут точно...

— Инаиста... — обратилась Нарнетт к знакомой знахарке. — Что вы здесь делаете?

— Мы пришли на... На... На лекцию, ваша светлость!

— Да, да, Абалтун — великолепный рассказчик! — вторили Инаисте другие знахарки.

— Моя госпожа, мне кажется, они...

— Я вижу, Порлехт. А теперь слушайте меня. У меня здесь тринадцать человек с мечами и арбалетами. А там, — Нарнетт кивнула в сторону гневно осматривающей знахарок Ольты, — связанная волшебница-элементалист, эксперт в огненной, земляной и ледяной магии, которую можно сиюсекундно освободить. И которая не очень дружелюбно настроена к вам. Моё отношение к вам пока настороженное. Но оно может быстро поменяться. Второй раз повторять не буду. Правда. Я жду правду. От корки до корки.

Знахарки начали испуганно шushукаться, поглядывая на уничтожающую их взглядом магичку с кляпом во рту. Её они боялись больше, чем вооружённых гвардейцев.

— Хорошо, госпожа, — ответила самая старшая. — Слушайте.

В зале советов дворца было немногочисленно. Мастер-волшебник Ольта молчаливо наблюдала за тем, что происходит в городе. Северный фасад Приюта Единорога выходил аккуратно на главную улицу города, что тянулась к рынку. Герцогиня, её канцлер, старший егерь герцогства вели свои записи, сидя за столом. Капитан стражи игрался в стороне с малолетним сыном герцогини.

— С ума сойти! Дядя Порлехт, это правда?! — удивился семилетний Коленетт.

— Правда, мой маленький герцог, — светлоглазый капитан прислонил руки к голове. — А ещё у них были вот такие уши!

— На себе не показывай! — чародейка повернулась от окна и ехидно фыркнула. — А то до конца жизни будешь поросёночком!

— Дядя Порлехт хороший, Ольта! Не надо из него поросёнка делать! — мальчик прижался к колену капитана.

— Хороший, мой юный герцог, — отвечала чародейка. — Только вот иногда руки связывает да так, что!..

— Эй, я ведь извинился перед тобой! — капитан погладил мальчика по голове. — Месячное жалование на обновление твоей лаборатории выставил, этого мало?

— Мало! Будешь до конца года мне гербарий собирать! — чародейка недовольно повернулась к окну.

— Мой герцог, — наклонился к мальчику Порлехт, — вы говорили, что где-то нашли карту сокровищ? Может, покажете мне? Лучше уж найти сундук с золотом и отдать ей, чем пытаться разобраться, что такое чёрная беглянка и почему она...

— Не любит розовую! — усмехнулся Коленетт. — Конечно, дядя, пойдём!

— Испортит ведь ребёнка... — сказала Рилароя. — Моя герцогиня, как вы себя чувствуете? Вы не шевелите пером уже несколько минут.

— Рила, я в порядке, — заверила Нарнетт, теребя приколотую к груди брошь-единорога. — Просто задумалась.

— А почему вы раньше не сказали, что терзающие вас кошмары иногда выводят вас из адекватного состояния?

— Я не считала, что это взаимосвязано, — ответила герцогиня своей советнице-

канцлеру. — И продолжаю так считать. Мои помутнения рассудка... Чувствую интуитивно, что к кошмарам они не имеют ни малейшего отношения.

— Позвольте, я посмотрю, что вы написали, — советница взяла пергамент из ослабленной руки Нарнетт. — Да... Почерк у вас перестал быть... Каллиграфическим. Пишите, почти как ваш отец теперь.

— Это оскорбление, Рила? — легонько усмехнулась Нарнетт.

— Как можно, госпожа, — с улыбкой ответила Рилароя. — Вижу, что с эмоциями у вас всё в порядке. Это радует.

— А когда у меня были проблемы с эмоциями?

— Ну раньше вы не позволяли себе улыбаться. Всегда были серьёзной. Вообще, после вашего визита к отшельнику вас словно подменили.

Нарнетт задумалась. Она чувствовала себя также, как раньше. Но что-то в её восприятии мира поменялось. Пока Нара не могла понять, в чём именно состояли изменения. Но чувствовала, что ответ можно найти только в горах.

— Проклятые знахарки, столько всего наболтали, а ценной информации — ноль, — недовольно проговорила высокородная. — Рила, распорядись поймать кого-нибудь из них. Повесьте несколько в тех деревнях, в которых они останавливаются.

Канцлер вопросительно посмотрела на свою повелительницу.

— Показательность, ваша светлость? — уточнила Рилароя.

— Иначе они не поймут, насколько я серьёзна. Нойрбет, можно тебя? — обратилась Нарнетт к егермейстеру герцогства.

— Моя госпожа?

— Собери лучших егерей со всего герцогства, — сказала герцогиня. — Я прикажу Бехаусту собрать лучших гончих. Мы ещё раз отправимся туда. Но нас будет не пятнадцать человек. Нет...

— Ваша светлость, — начал Нойрбет, — неделю назад в горах пропали несколько охотников, которые пытались найти беглого рыцаря с украденной им баронской дочкой. Там было несколько отрядов общей численностью до ста человек. Вернувшиеся угрожали покинуть службу, если их ещё раз отправят на север.

— Я согласна, госпожа, — отвлеклась от очередной записи Рилароя. — Сейчас нам и так трудно: бандиты Старой ганзы свирепствуют в предгорьях, в Коллебте и Аркинзе голодные бунты, а на ристалище Девы-Защитницы две дюжины рыцарей из двух соседних графств устроили между собой потасовку. И они угрожают вновь собраться друг против друга. У нас будет много калек, пополнения же брать неоткуда, владычица.

Нойрбет утвердительно кивнул, соглашаясь с советницей.

— Что вы предлагаете в таком случае сделать? — спросила Нарнетт, нервно стуча ногтями по столу.

— У меня есть идея, моя герцогиня, — объявила Ольта, отвернувшись от окна.

Они шли почти четыре дня. Коней им запретили брать, чтобы их никто не увидел. Пять лучших и верных Аргесалу егеря двигались только лесами и топиями, стараясь избегать открытых пространств. Командовал ими Харбед, подчинялись ему четверо егерей из разных уголков герцогства. Ирван и Фирцек внешне были столь же неприметны, но крепки телом и духом. Среди этих егерей также была девица по имени Унна, служащая при дворе графов Аманесиров. И был пожилой волшебник Мальре, который считался лучшим егерем

герцогства из-за своих способностей к сокрытию и чтению следов.

Безымянные топи привели отряд аккуратно к шабашу местных знахарей. Лучшие егери герцогства отличались от лучших разведчиков не только тем, что могли разбираться в горной охоте и ночной слежке. Они умели разворачивать походный лагерь не на земле, а прямо на деревьях. Или на том, что попадалось на пути. Загвоздкой ранней весенней охоты было то, что деревья только начинали распускаться зеленью. Укрытий для охотников не хватало.

— Ирван, сколько насчитал? — спросил командир отряда, светлоглазый Харбед.

— Теперь уверен, что их пятнадцать, — отвечал вернувшийся следопыт. — Мужчин двое-трое, точно определить с расстояния невозможно из-за их манеры одеваться. Среди женщин половина молодые, половина — старухи.

Егерь-волшебник по имени Мальре недовольно хмыкнул. Унна, единственная девушка-егерь в отряде, улыбнулась.

— Они пешком двинут? — спросил Харбед. — Мы их догоним?

— Точно пешком, — проговорил Ирван, копаясь в своём походном мешке. — Откуда у них деньги на лошадей? Здесь места глухие, постоянных дворов и хозяйств в радиусе пяти итт в принципе нет. Тем более, они в основном на болотах живут... Фирцек, закончил?

— Да, Ирван, — отвечал Фирцек, последний член отряда, показавший остальным пять готовых для похода жердей. — Для трясины — самое то. А что касается знахарей... Возможно, по пути им попадутся хижины их друзей-колдунов. Иногда в этих землях бывают следы неподкованных копыт. Они ведь довольно быстро до гор добрались.

— Мы действительно сунемся в горы? — спросила Унна. — Я думала, только сообщим, что увидим, и всё.

— Приказ — есть приказ, — ответил командир Харбед юной блондинке. — Наши господа решили, что лучше рискнуть пятью лучшими ищейками, чем сотней дуболомов в доспехах или десятком психованных магов. Как наша мастер-волшебник, Ольта.

— Да, эта курица то грибы собирает, то истерики устраивает, — Фирцек раздал готовые жерди своим спутникам. — Мне старший наш, Нарт, рассказал, что с ними случилось там, в Малом лесу. Эта дура угрожала колдуньям местным лес сжечь. А то, что вместе с лесом сгорела бы и она, и герцогиня, ей было невдомёк.

— Так Ольту же держат при дворе как цепную собаку, Фирцек, — заявила собравшая вещи в сумку Унна. — Как Саргиноры держат у себя некую Аталлию, которая умеет сотни людей убивать.

— Да... Был в таверне «Кудрявая», что при дворе моих баронов, — тихо проговорил завязывающий поклажу старик Мальре. — Так там рассказывают, что эта Аталлия целый замок с сотнями людей одна спалила. А потом ещё почти тысячу королевских рыцарей из гвардии недалеко от Эльгдарского перевала.

— А вроде вся гвардия там полегла, нет? Тоже слышал что-то, — просопел Ирван, проверяя, не оставил ли его отряд каких-либо следов. — И генералов всех резануло.

— Не верю, — воспротивился командир. — Но чёрт с ними, что там северяне со столицей сделают, нас не касается. У нас есть задача поважнее. Все собрались? Слушаем тишину.

Отряд двигался несколько итт под защитой базовых чар сокрытия, которые умеет колдовать старый Мальре. За болотами следовали лесные просеки Балатасира, крупнейшего лесного массива северной части герцогства. Половина леса юридически не считалась частью

герцогства и королевства. Там найти следы отряда ведунов и лесных целителей было ещё проще, чем на болотах или равнинах. Потому что на протяжении всего пути следования знахари активно собирали дары природы, будь то грибы, ягоды, травы или корни.

— Смотри, Харбед, ещё один мешок. Сколько же они сушить собрались? — Ирван раскрыл плотный матерчатый мешок, наполненный грибами. — Может, пару штук позаимствуем? А то не всё же сухой паёк есть...

— Отставить, — отвечал командир. — Положи обратно, кто знает, может, они ядовитые грибы используют для своих ритуалов и алхимии. Наши харчи все из герцогских закромов.

— Ну как знаешь. Но это смугловик, он ведь не ядовит, — пояснил разведчик, положивший гриб обратно. — Пускай подавятся, хрен с ними. Так, а это что... Командир, глянь сюда!

— Что там?

— Кровь что ли? — задумался Мальре.

Под огромной елью рядом с очередным мешком была небольшая лужа с каплями вокруг.

— Дай, понюхаю, — Унна отодвинула сослуживца. — Хмм... Запаха железа не чувствую, но по консистенции похоже на кровь. И загустела. На сколько мы от них отстаём?

— Часа на два, — ответил Ирван. — Что тут могло произойти?

— Ах, вот оно что... — улыбнулась Унна. — А это ты видел?

С перчаток девушки стекло странное желеподобное вещество, смешанное с мелкими шкурками и семенами.

— Что это? — спросил Харбед.

— Земляника! — отвечала Унна. — А в мешке... Удивление, тоже земляника! Но чувствую... Да, голубика ещё есть...

— А лужа откуда? — спросил командир.

— Полагаю, у кого-то аллергия на ягоды... — юная блондинка почесала лоб под повязкой.

— Ты это руками трогала? — усмехнулся Фирцек. — Это же блевота!

— Я и не такое руками трогала, — серьёзно сказала Унна. — Что за мужчины пошли нынче?

— Так, давайте без шуток, — успокоил своих Харбед, что-то выводящий в дневнике. — Любая информация про этих людей нашим господам пригодится. Ун, что могло вызвать отравление? Ягоды — это не цитрусовые, на них аллергии быть не может.

— Понятия не имею, командир, — девушка поправила сумку с припасами.

— Ты ведь в лесах всё детство провела, из ручьёв воду пила, травы и ягоды ела, — продолжал Харбед. — Действительно не знаешь?

— Ну... Могу только предположить, что ягоды плохо усваиваются при...

— Воздействию чар, капитан, — прервал Унну Мальре. — Ягоды имеют реактивное свойство как сильный алхимический ингредиент. Если человек находится под воздействием чар, то он может употреблять только конкретные виды трав, ягод и всего прочего. Как и с целебными зельями. Если переборщить с дозой или смешать целительное зелье с другим, у человека начнёт бунтовать организм. Рвота — лишь самое мягкое явление. Может и до агонии дойти. А до смерти — раз плюнуть.

— Хорошо, что нам дали тебя в отряд, старик, — Харбед хлопнул того по плечу. — Но магия... Они ведь идут вперёд, в сторону своих друзей, зачем им сейчас колдовать?

— Я же говорю, их не четверо, а пятеро! — возмутилась Хиззар. — Просто девка маленькая совсем, её не видно почти! И маг с ними. Не знаю кто, но птицы говорят, что именно он колдует скрытностью на весь их отряд! Простой человек ни в жизнь не заметит их!

— Заведём к Стальным копиям? Пускай познакомятся с нашими пещерными друзьями, ха-ха-ха! — усмехнулась Мулея. — Нас-то наши деточки не тронут, а их разорвут, они и пикнуть не успеют!

— Зачем они вообще следят за нами? — спросила самая молодая знахарка Кербен. — У нас защита от самой герцогини! А дворяне ей не перечат вроде.

— Так сама герцогиня и следит! — отмахнулась говорящая с птицами Хиззар. — Вон какой отряд за нами послали, птицы говорят, ни следа за ними не остаётся. Уверена, лучшие ищейки идут за нами!

— Подойдём к Малому лесу ночью, братья и сёстры, — объявил седовласый Гирдас. — Ночью с ними разделяются горные твари.

— Но, Гирдас, ночью нас самих могут...

— Птицы защитят нас, Хиззар. Нужно добраться до Малого леса, — ответил старик, глядя в сторону возвышающейся на горизонте вершины Манборай.

— Грифоны потеряли их след, который они должны были оставлять на открытых местах, почти у самых Нэлвских мест, ваше сиятельство, — отчитался разведчик. — А ещё...

— Герцогиня мне башку оторвёт! — воскликнул граф Жарман Горэссир по прозвищу Старый Лис. — Ниларт, отправьте ещё одну эскадру!

— Господин, — осёкся полковник, — но у нас всего две эскадры! И обе рыщут по горам!

— Попросить помощи у Аманесиров? — спросил сын графа по имени Арлит.

— Чтобы они посмеялись над нами? Нет уж! — граф одёрнул коня. — Эти земли пусть и не закону, но наши! Нам за них отвечать!

— Владыка, — вновь обратился старший офицер, — возможно, стоит вернуться в Соловьиный утёс?

Жарман Горэссир по прозвищу Старый Лис задумчиво глянул на полковника Ниларта, тот пожал плечами. Жарман ещё мальчишкой излазил все южные отроги гор вплоть до Нэлвских мест. Ни про каких чудовищ он никогда не слышал. И таких крупных пропаж специально обученных для работы в горах людей седеющий граф также не помнил. Перспектива лично узнать, что происходит в горах, чтобы хотя бы частично снять с себя ответственность, переосиливала все страхи.

— Мартас, где мы сейчас? — обратился граф к одному из егерей.

— Примерно у северо-восточных отрогов Балатасира, ваше сиятельство. Следов егерей нет, но есть некие следы, указывающие на...

— Да, знаю, чёртовы ведуны собираются где-то к югу отсюда и идут большой группой на север, — вспыхнул Старый Лис. — Нам передали информацию из Аргесала, что отшельники на севере появились недавно. Но ведуны ходят на север очень давно. Почему мы раньше не обращали внимания на эти паломничества?

— Потому что ведуны никому не мешали, ваше сиятельство, — егерь указал на застывшую при сильных порывах ветра тучку вдалеке, над горами.

Следующие несколько итт вдоль Балатасира отряд гончих под предводительством самого графа и его старшего сына Арлита двигался на север по следам знахарей. На пути

группы встал настоящий фронт из застилающих небо чёрно-фиолетовых туч. Тучи тянулись до горизонта, вероятно, до самих Нэлвских земель и мест, где должны были быть пропавшие.

— Слава Всеотцу, — воскликнул Арлит, — в этом году засухи не будет. Бойцы, готовьте плащи и... Отец?

— Вижу движение впереди! — сообщил прискакавший дозорный.

— Оружие к бою! — приказал полковник Ниларт.

— Отставить! — ответил граф. — Дозорный, кто там?

— Не разобрать, господин! Но людей гораздо больше, чем нас! Медленно идут в нашу сторону!

— Медленно? — осёкся граф. — Неужели...

— Ваше сиятельство, сейчас ливень ударит, нужно отойти в безопасное место! — обратился к графу полковник Ниларт. — Нельзя вести бой, если до него дойдёт, в непогоду!

— Согласен, владыка! Если это колдуны, они нас и силой природы сразить могут! — поддержал офицера Мартас. — Скроемся в Балатасирском лесу?

— Нельзя, они ведь к нему и направляются! — отвечал Старый Лис.

— Тогда в другую сторону! — крикнул сын графа. — На востоке чащоба есть! Оттуда можно в случае чего на тракт и до Кларреля! А там в городском гарнизоне триста человек!

Жарман продолжал изучать горизонт в подзорную трубу. Из-за редких деревьев и лёгкого тумана, вызванного идущим на севере ливнем, граф не видел ничего.

— Сын, веди! — приказал он. — В укрытие, быстро!

— Господин, прошу простить, — обратился один из гончих, — но ведь...

— Боюсь, туман неестественен! — продолжал граф Горэссир. — Орбеут, у нас ведь один конь ногу подвернул? Идти не сможет?

— Так точно, повелитель! — ответил капитан конных. — Вы хотите...

— Привяжите его! Арлит, веди нас в чащобу! И не забывайте укрываться плащами! Если что, дадим дёру на юг!

— За мной! — крикнул молодой граф.

Отряд из пятидесяти всадников скрылся в небольшой чащобе в двух иттах от северо-восточных окраин Балатасирского леса. Редколесье, окружающее чащу, не могло вместить весь отряд. Прятаться в глубине же было нельзя, поэтому конные расположились в подлеске.

— Не спешиваться! — приказал капитан гончих Орбеут. — Успокойте коней! Нас издали слышно!

— С ума сойти, в собственном графстве прчемся от каких-то голодранцев? — удивился Арлит.

— Это не наша земля, сын мой, — граф осматривал в подзорную трубу горизонт на севере. — Чтобы не твердили наши герцоги, но все горы и предгорья на двадцать-тридцать итт к северу — не наши. Здесь не живут люди. Налоги отсюда не поступают. И воевать тут не за что.

— Отец, зачем же наши предки эти земли заняли? Беднее нашего герцогства ведь только наши западные соседи, Шолдерри! Которые теперь под ручку с северянами ходят...

— Где дозорный? — не услышал Жарнор своего сына. — Орбеут!

— Ваше сиятельство, дозорный впереди стоит. Я за ним наблюдаю.

— Узнай у него обстановку, — приказал граф. — Нам отсюда не видно ничего.

— Слушаюсь!

В следующие несколько минут отряд почувствовал на себе приход весны. Ливень ударил

неожиданно и сильно, вдавливая наездников в конские сёдла. Лёгкий ветер всё ещё отдавал морозом. Зима не стремилась уходить от жителей королевства, не попрощавшись с достоинством.

Туман медленно наступал на юг. Никто не знал, где природное явление остановится. Но спуск с предгорий в низины, в сторону основных земель графства Горэссиров, занимал несколько итт.

Испуганные капитан и его разведчик не заставили себя долго ждать.

— Орбеут! Что там?! — пытался перекричать дождь граф.

— Там сотни силуэтов! — отвечал капитан. — Это не люди!

— Почему? — воскликнул Арлит.

— Потому что от дождя не прячутся! Ни одного плаща нет! И походка у всех, как у... Всеотец, помилуй!..

Капитана прервал лошадиный стон. На мгновение Жарману показалось, что стонам предшествовали чавкающие звуки, он переспросил:

— Как у кого?!

— Нас заметили! — крикнул дозорный. — Они начали движение в нашу сторону!

— Ускоряются! — крикнул другой.

— Проклятье, уходим отсюда! — не выдержал граф. — Никакого рога, все на юг! Едем в Кларрель! Грифоны вернутся в Соловьиный утёс сами!

— Пошли, парни! Пошли!

Усиливающийся ливень дополнили нечеловеческие крики. Словно титан топтал сотни медведей, волков и лисиц. Блуждающий по полю между лесами вой эхом западал в сердца скачущих во всю прыть всадников. Эхом западал в сердца лошадей, заставляя их выжимать из себя все силы. Эхом западал в эти проклятые горы Морнгерос, рядом с которыми давным-давно не повезло поселиться людям.

— Моя госпожа, на стену физически не хватит средств! — слегка повысил голос на герцогиню архитектор герцогства Эллаиз. — Тем более, мы не знаем, умеют ли эти существа забираться по вертикальным препятствиям или нет!

— Нам все войска на север стянуть, ваша светлость? У нас сотни дезертиров, — напомнил генерал Бехауст. — А также скудные возможности обеспечения, всё из-за прошлогодней засухи.

Герцогиня продолжала теревить лоб ладонью.

— Жарман, — обратилась Нарнетт к правителю севера своего герцогства, — ты точно никого не потерял? Почему по нашим данным в вашем графстве за последние две недели пропало почти сто военнослужащих?

— Дезертиры, владычица, — ответил нервничающий граф. — Мы в ближайшие месяцы займёмся набором дополнительных...

— А сколько дезертировало из числа тех, кто отправился с вами на север?

Жарнор Горэссир по прозвищу Старый Лис стыдливо смотрел в пол, избегая диалога взглядов как с членами совета герцогства, так и с герцогиней. Длинная сидящая чёлка застилала его лоб так, что он периодически сдувал её.

— Сколько, ваше сиятельство? — повторила она.

— Дюжина. Включая двух грифоноводов вместе с животными. Информация от их сослуживцев, сбежавшие забрали с собой оружие и небольшие запасы продовольствия.

Нарнетт гневно стучала ногтями по столу. Недовольство вызывало неэффективное управление на местах. Важным фактором для управления герцогством или иным феодом всегда считалось сохранение военного сословия в полном составе. Герцогство Сальвиар является одним из самых негустонаселённых и бедных феодалов королевства. Наёмников найти очень тяжело.

— Жарнор, собирайте все ваши силы и выставляйте цепочкой постов вдоль официальной границы нашего герцогства и севера.

— Но, госпожа...

— Мы придём к вам позже. Не волнуйтесь. Вы живёте ближе всех к источнику потенциальной угрозы. И её нужно для начала локализовать. Рилароя, Бехауст, — обратилась Нарнетт к советнице и полководцу, — приказ по всему герцогству. Мальхеа, записываешь?

— Да, ваша светлость, — ответил пожилой писарь.

— Залил он влагой её уста, да так, что там пропала короста!

— Был таким молодцом, что все бордели знал юнцом!

Над округой доминировали флаги с хватающей перепела лисой, гербом Горэсиров, и флаги с двумя покосившимися горными вершинами. Герб самих герцогов Мэсиров. Лагерь гудел то песнями, то стонами, доносящимися из некоторых палаток, то гневными офицерами, пытающимися донести до своих подчинённых какие-то приказы. Сам лагерь производил неприятное впечатление: наспех сколоченные укрепления, неглубокий ров, отсутствие строевой муштры. Сказывалась спешка.

— Ненавижу эти песни... — проворчала Нарнетт. — Меня два раза отец на войну брал, когда руководили другие герцоги. Так там то же самое было.

— Это тоже своего рода дисциплина, ваша светлость, — ответил генерал Бехауст. — Люди развлекаются, как могут. Может, завтра кто-то из них умрёт. Кто знает. На военной службе разное бывает.

— Но у нас здесь не военная служба... Здесь ведь охранение...

— Охранение? — удивился лысый полководец. — Я думал, мы собираем всё герцогство и идём на север. Значит, вы подкорректировали наш план?

— Я думала над твоими словами два дня, Бехауст. Ты прав. Прости, что лезу в военные дела. Хотелось решить проблему наскоком, — она, увлечённая горными вершинами впереди, не заметила, как кивает подчинённый, и что к ним подошла старшая чародейка. — Солдаты и рыцари будут прикрывать наше герцогство. Вперёд же мы пойдём только чародейками. Ольта, ты здесь. Подкреплений не было?

— Приехали ещё двое, госпожа. Всего шестнадцать чародеев, из которых двое — боевые священники. Ещё шесть — маги поддержки, иллюзионисты и зачарователи. Остальные все элементалисты.

— Кто будет управлять ими, владычица? — спросил Бехауст.

— Бехауст, при всём уважении к твоим заслугам, ты воин, а не маг, — Нарнетт продолжала глядеть в сторону страшных предгорий. — Пускай Ольта занимается людьми, способности которых она знает.

— Прошу меня простить, моя герцогиня, — начал справедливо возмущаться генерал, — но как раз в данном случае нужен именно план военного. Потому что маги без дисциплины и последовательности действий будут лёгкой добычей не только для чужаков, но и для самих

себя. Они не заточены на ведение совместных действий друг с другом! Некоторые видят друг друга впервые в жизни!..

— Бехауст, я...

— ...но самое главное, — осмелился перебить дворянку Бехауст, — что их очень мало. Они не могут организовать настоящий фронт наступления. Всё наше герцогство не сможет, даже если бы не было дезертирств на фоне прошлогодней засухи! Мы идём в предгорную долину, расстояние от одного отрога гор до другого составляет почти сто ит. В любой точке горных долин мы будем отрезаны от герцогства.

— Генерал, но ведь есть Нэлвские места. Главное, дойти до них, — вступила Ольта. — Именно в тех местах и живут таинственные чудовища. А там расстояние между отрогами гор существенно ниже.

— И окружены мы будем со всех сторон. Вокруг пещеры и высокогорные долины. Все очевидцы говорят, что таинственных жителей гор несколько сотен. Мы не знаем их реальную силу. Даже если у нас получится в течение двух недель мобилизовать все наши силы, всё равно до регулярных десяти тысяч мы не дойдём. А одно чудовище, возможно, способно десяток людей порвать.

— Ольта, думаю, он прав. Но стоять на месте я тоже не намерена. Бехауст, а если не разведчики... Если начать с отшельника?

Генерал остановился, откашлялся. Взял подзорную трубу, поводит по горизонту и сказал:

— Такое возможно, госпожа. Но только если мы сможем быстро эвакуироваться к своим. С кадровой армией, понятное дело, такое невозможно.

— Ольта, телепортатор в нашем отряде есть?

— Есть, госпожа. Килина, сюда!

К ним подбежала молодая чародейка.

— Ваша светлость, моё почтение! — поклонилась она.

— Ты сможешь нас эвакуировать, если мы двинем вперёд, и на нас нападут?

— Да, моя владычица. Несколько человек за несколько подходов. Дальше мне потребуется восполнить ману, у меня с собой всегда несколько бутылей.

— Хорошо. Порлехт, бери своих лучших людей, — обратилась герцогиня к капитану.

— Ваша светлость, я правильно понимаю, что отговаривать вас...

— Вперёд! — яростно пригрозила Нарнетт.

— А я думал, вы в прошлый раз прекрасно поняли, что эти земли вам не принадлежат. Но вы продолжаете приходить сюда снова и снова, — объявил сидящий на пне отшельник. — Мои птицы увидели вас издалека, потому мы вышли, чтобы встретить вас. Приступите своих магов, герцогиня. Вы в моём лесу. Это на равнинах вы можете творить чудеса, испепелять сотни себе подобных существ. Здесь другие места. И другая магия.

Нарнетт гневно уничтожала взглядом Абалтуна. Норзе — больше похожий на обычного человека — стоял рядом с хозяином. Напоминал он выражением серьёзного лица дворецкого, закинувшего руки за спину.

Герцогские маги были построены в линию, ожидая сигнала. Два чародея прикрывали тыл, наблюдая за Нэлвскими местами к юго-западу от Малого леса. Ольта стояла рядом с Нарнетт с заряженной огненными искрами рукой. Бехауст, Порлехт и полтора десятка гвардейцев держали руки на рукоятках мечей и арбалетных ложах.

— Моя герцогиня, позвольте мне...

— Ольта, мы пришли сюда говорить, а не применять насилие, — осеклась Нарнетт. —

Порлехт, прикажи своим людям не дёргаться.

— Слушаюсь, ваша светлость, — нехотя выдавил капитан. — Отряд, смирно!

Гвардейцы замешкались, но исполнили приказ.

— Абалтун, мы пришли с миром и на твой лес не претендуем. Мы можем поговорить?

— Я вас в свой лес больше не пущу. Чтобы вы в припадке сами на себя кару не наслали.

Говори, герцогиня. Я слушаю.

Голос его источал спокойствие. И, что удивительно, он держал одну руку на другой, свесив с коленей. Почти как дворянин. Древние руки отшельника украшали лишь длинные необстриженные когти.

— Зачем ты усыпил меня? Я помню перед тем, как потерять сознание, ты прочитал какие-то чары. А глаза твои блестнули янтарём.

— Припадок. Подобные таинства, если ими не злоупотреблять, могут отсрочить неминуемое. И да, дитя. Меня пугают твои спящие способности. Потому мы и покинули вас. Благодарю, что вы не устроили в хижине беспорядок. Если хочешь узнать подробности о своём состоянии, то только наедине. Теперь — к сути.

Девушка молчала. Бехауст шепнул капитану, что не приемлет такого отношения к благородной госпоже, но тот отговорил его, пеняя на удалую чародейскую силу отшельника.

— Мы потеряли здесь несколько егерей. Куда они пропали? Ты пленил их?

Норзе удивлённо посмотрел на владыку, тот не заметил.

— Друзья-знахари доложили мне, Нарнетт, что за ними следовали какие-то люди, — ответил полужвериным голосом ведун. — Пять человек. Но у самой границы Нэлвии они потерялись, даже мои птицы не нашли. Ваши, я полагаю, лучшие люди следов не оставляют. Я знаю, какой магией владеют люди, вы можете просканировать весь лес, включая мою хижину. Там не будет ни одной живой души.

— Куда они могли пропасть?

— Дезертировали, девочка? — переспросил Норзе. — У вас ведь с этим делом беда, не любят ваши слуги господам задницы лизать. Особенно, когда свои задницы к костру подставлять приходится.

Абалтун вскинул руку в сторону слуги. Его рот моментально связался неведомо откуда взявшейся магической иглой, напоминающей огромную занозу. Уста чудака стали покрываться жуткими кровоподтёками.

Люди гневно и пугливо фыркали, особенно волшебники. Возобладал страх, что подобных игл из воздуха может появиться много.

— Прошу простить его. Норзе мне почти как сын, не изгонять же его. Кроме него в этих горах больше никого нет. Знахари разве что заходят и всё. Но я с ним согласен. Ваши люди могли дезертировать. Никакие деньги не стоят собственных жизней.

— Жизней? — переспросила Нарнетт, ещё не оправившись от увиденного наказания. — Что им угрожало здесь? Мы видели сотни следов, а мой граф еле спасся со своими людьми. Кто здесь живёт?

Абалтун глянул за спины своих гостей, словно ожидал кого-то увидеть там. В нескольких иттах к юго-западу начинались Нэльвские места, а по их правой кромке шли тропы с юга до Малого леса. Или Дер'юхайра, как лес называл Абалтун. Горизонт был чистым. Лишь где-то вдалеке пели оставшиеся на зиму в горах птицы, довольно редкое

явление.

— Я не знаю, кто это такие, Нарнетт. Знаю лишь то, что в мой лес они не заходят.

— Почему? Кто ты вообще такой?

— Боятся, — серьёзно ответил ведун. — Я связан с этим лесом могущественным колдовством. Если вам будет угодно, можете считать меня друидом. Но я лишь отдалённо похож на друида, потому что те защищают природу, а я — весь мир. В меру своих скудных сил. Лес — это лишь географический объект, к которому привязано моё колдовство. Если бы я жил в пещере, меня бы защищали подземные грибы, скалы, что угодно. Если бы я болтался в море, меня бы защищали водоросли, кораллы, остовы погибших кораблей. Меня бы защищало море. Здесь, в лесу, меня защищает лес. И я защищаю его в ответ. Поэтому я не допущу даже малейшей угрозы со стороны ваших магов или солдат с факелами. Может быть, я умру. Но с собой заберу многих. Знаешь, сколько мне лет, дитя? Понимаешь ли ты, что я старше любого эльфа, некоторые из которых старше вашего королевства?

Служилые начали сменять гнев на испуг и удивление.

— Но ведь ты поселился здесь несколько лет назад... — задумалась дворянка. — Как и странные символы в лесу стали появляться не так давно.

— Я десятки лет создавал рунические символы, дитя. Которые позже нанёс на деревья внутренней чащобы. Сразу, как только поселился здесь. У себя на севере я тоже наносил их, чтобы они защищали меня от нежити. Эти символы связаны с моей духовной энергией. Они связывают нас с Дер'юхайром или с другим природным объектом. Нас, то есть мой народ. Точнее, то, что от него осталось.

— Почему ты переселился сюда? Почему вступил в симбиоз с этим лесом? — спросила Ольта.

— Потому что меня изгнали с севера. Мертвецы, которых вы не добились четырёхсот лет назад. И которые появились из-за вас, людей. Помнишь, что я тебе рассказал во время нашего знакомства, Нарнетт? Смерть — часть этого мира. Рано или поздно она должна была обрести телесное воплощение... И это воплощение изгнало меня и уничтожило мой Цветник. Город-сад, за которым я один ухаживал почти триста лет. Они убили мою единственную дочь, превратив её в себе подобное чудовище. Однако сейчас я готов к бою. И отступать я не буду. Пускай они прорвутся через горы, я убью их столько, сколько не убил ни один ваш король за последние четыре сотни лет с момента окончания Великой войны.

Отшельник продолжал буквально вырывать свои слова, словно больной или раненый медведь. На окружающих это производило впечатление, близкое к уважению. Нарнетт не понимала, добрый или злой по своей натуре отшельник. Закралась мысль, что таким его воспитал окружающий мир. Мир варварства и отсутствия законов. Мир, когда магия правила миром, а не преподавалась в университетах. Абалтун одним своим голосом и спокойным внешним видом показывал, что за свои слова он готов ответить. Готов подтвердить их. Хотя ему этого и не хотелось.

— А твари, которые здесь обитают... Которых ты не пускаешь в лес... — протянула герцогиня. — Они не могут быть мертвецами?

— В центр этих гор попасть можно только с юга. Из земель вашего королевства. Отсюда на север не ведёт ни одной тропы, кроме скрытых, по одной из которых сюда попал я.

— Возможно, есть подземные ходы? — спросил генерал. — Наши карты в подробностях ограничиваются только официальными государственными границами. Внутригорные территории мы никогда не расписывали и не изучали досконально.

— Не смогу дать ответ, человек, — сказал ведун. — Но неужели ваши наездники на львах-орлах не видели ничего подозрительного в этих горах? Я стою на земле и вижу. Даже сейчас. Даже отсюда.

Люди крутили головами, пытаясь найти что-то постороннее. Что-то, что не соответствовало местному пейзажу. В радиусе многих итт вокруг возвышались Морнгеросские горы с редкими лесами.

— Малый лес мешает нам... Нужно отойти подальше?..

— Взгляни на звезду, Нарнетт, — ответил отшельник.

Начались споры о том, как в ясный и солнечный день можно увидеть звезду. Но это обращение было адресовано самой герцогине. Она моментально нашла то, что выбивалось из общей картины.

В нескольких иттах к западу между двумя горным вершинами виднелись какие-то руины, подсвечиваемые едва заметным огоньком. Огоньком неестественным.

— Вы не видите?! — дворянка ткнула туда. — Что это?

— Что там?! — причитали служилые.

— Ничего не вижу, госпожа! — ответила Ольта.

Первым сообразил капитан.

— Руины! Это сторожевая башня Рансдерх! — Порлехт уже крутил кольца на подзорной трубе. — Её забросили века назад, а после Великой войны в горах был оползень, к башне не подступиться. По всем горам разбросаны руины древних замков и укреплений, но строил их какой-то древний народ. Почему мы отсюда не видим башню, а наша госпожа видит?

— Потому что у вашей госпожи острое зрение, юноша, — ответил Абалтун. — Этот едва заметный огонёк может ослепить Нарнетт своей яркостью. Девочка, не смотри туда так пристально. Ты ещё не контролируешь свои способности, которые появились у тебя из-за воздействия припадков.

Нарнетт не слышала слова ведуна. Все её мысли были связаны с руинами.

— Порлехт, Нарт, что это ещё такое?! — чуть не сорвалась она. — Сторожевые посты в горах заброшены давным-давно! Столетия назад!

Люди с удивлением отнимали друг у друга подзорные трубы.

— Кажется, в башне два огонька... — проговорил один из магов.

— Все эти полуразрушенные башни и руины древних замков сокрыты зеленью, песком, горной породой и временем, — продолжал отшельник. — В тёмное время суток огоньки гаснут. Ни разу не видел, чтобы они горели.

— Не верю... — продолжал генерал. — Это отшельники. Но сколько их должно быть, чтобы напугать эскадрон рыцарей со слугами и перебить несколько охотников?

— Бехауст, созывай наездников, — приказала владычица, продолжая изучать руины уже в подзорную трубу.

— Я бы не советовал вам лезть туда, дитя. Даже если вы всё своё герцогство соберёте, там очень крутые подъёмы. Штурмовать их — почти невозможно. И это только одна из нескольких десятков горных крепостей. Я до сих пор не могу сосчитать, сколько их них ожили в последнее время.

— Не могу поверить, Абалтун, почему мы, постоянно забираясь в эти горы, ни разу не видели здесь чужаков?

— Я попробую узнать, Нарнетт. Но не могу ничего не обещать. При первой же опасности я кинусь в свой лес обратно. К сожалению, телепортацией я не владею, но быстро

бегать всё же умею. Быстрее, чем...

— Кто они? Ты сказал, что не знаешь точно. Но ведь ты видел их вблизи? Мы видели только силуэты и следы. Следы десятков человекоподобных существ. Судя по нашей информации, эти существа передвигаются только ночью...

— ...и в сильную непогоду, когда нет солнца, — закончил мысль герцогини Порлехт.

— Ты думаешь, что?.. — начала Ольта.

— Ночь надвигается... Сейчас ведь ещё полдень... — заметил капитан, глядя на надвигающиеся туман и тучу.

— Это непогода. Последний год весь материк от неё страдает. В вашем королевстве такая же беда, — заявил Абалтун, даже не взглянув на небо за деревьями. — Я считаю, что живущие здесь существа опасны, но погодой они не управляют. Погодой управляют северяне.

Вайны в очередной раз удивились, одарив отшельника своим вниманием.

— Северяне?

— Да, маги Акадар Фрадура. Насколько мне известно из уст моих друзей-знахарей, ваше герцогство Нортирар несколько раз ходило на север. Грабить мертвецов. Они были взбудоражены. И северяне, чтобы снизить агрессию мертвецов, стали насылать мощные погодные явления. Последнее время на море шторма, а на суше — метели и гром. Север материка буквально покрывают снега, что тают только летом. Со стороны Акадар Фрадура, крайней северной точки материка, чародеи направляют на юг видоизменённую природу. Чтобы успокоить мертвецов. И вас.

Отшельник взял прислонённый к камню посох с оленем на навершии, покрутил им в воздухе. Появился лёгкий туман, в тумане проплывали силуэты. Люди толпились, пытаясь рассмотреть, что происходит, но офицеры призвали к дисциплине. Только Нарнетт осмелилась подойти ближе и взглянуть в туман, напоминающий небольшое облако.

— Там... Какие-то люди? Что это, иллюзия?

— Реальность, дитя, — отвечал ведун. — Я проецирую то, что видит одна из моих птиц сейчас, на севере. В землях, которые вы называете Апалаи.

— О, милостивые боги! — воскликнула она. — Ты показываешь мертвецов?

— Смотри, как они себя ведут. Сейчас на севере не метёт, сугробы ещё не растаяли. Температура там очень низкая. Мёртвые находятся в полусонном состоянии.

Повисло молчание. Но вперёд вышла Ольта и начала говорить:

— Мертвые как спали, так и спят дальше. Даже если эта ерунда с погодой правда, то в Акадар Фрадуре живут миллионы людей, гремлинов, джиннов и бог знает кого ещё. Северяне, несмотря на свой изоляционизм, контактируют почти с половиной известного нам мира. Торгуют с нами и с империей как минимум. Невозможно оставить в тайне создание таких могущественных чар.

— А с чего ты взяла, что простой народ знает, что задумал Консерптон архимагов? Ведь погоду они насылают на юг, за пределы своего королевства.

— Ты это почувствовал, Абалтун? — спросила герцогиня.

— Так мне сказал этот мир, почувствовавший колебания. Северяне пытаются в очередной раз изменить уклад мира, и рано или поздно они поплатятся за это. Поверь, Нарнетт.

— Я продолжаю считать, что старик свихнулся, — услышала она шёпот Нарта, адресованный генералу.

Полководец молчал, обдумывая сказанное.

— А ведь когда начались первые осенние шторма, мы вообще кораблей акадарцев не видели! — осенило его. — В Гефритарском океане тонули наши, имперские и таресиорские корабли, в Тёмном океане тонули наши и эльфийские корабли! Но корабли северян, которые ещё в позапрошлом году бороздили просторы морей, в прошлом году вообще в порты нашего королевства не заходили! Кто-то ведь должен был заходить до начала штормов! Я изучал статистику по потопленным кораблям, когда проверял, сколько потеряли мы. И сверял с плановыми показателями по прибывшим. Только в наши порты в начале прошлого года, до штормов, должно было два крупных торговых флота из Акадар Фрадура прийти. Специи и алхимические реагенты, которые мы затем продаём в другие герцогства. Но ни одного корабля не было.

— Меня радует, что среди вас есть если не умные, то хотя бы наблюдательные люди, — подвёл черту отшельник.

Люди не верили сказанному, начались споры. Нарнетт почувствовала странные, спутанные мысли, будто чужак вновь пытается залезть в её голову.

— Значит, — попыталась расставить всё по полочкам девушка, — эти горные существа вылезают наружу из-за непогоды? Но ведь дожди были и раньше, почему раньше не было никаких следов присутствия этих тварей здесь? И ночью наши егери и охотники также рыщут в горах, не понимаю...

Ответить Абалтуну не дал прозвучавший нечеловеческий рык где-то на юге. Неведомо откуда прямо с юга навстречу северной двигалась ещё одна гигантская туча, заливающая восточную границу Нэлвских земель ливнем.

— Они почуяли вас... И отсекали от ваших войск на границе... — наконец удивился отшельник. — Возможно, я не прав, и погодой эти твари управлять умеют. Все в лес, не оставляйте коней. Ваш глупый дворянин неделю назад скормил им подбитую кобылу, останки которой нашли мои птицы. Твари могут узнать, где им можно достать пропитание.

Новый рык раздался словно ещё ближе, чем предыдущий.

— Быстро, в лес! — скомандовал отшельник. — Защитить я смогу вас только в глубине, а не на границе с пустошью!

— Килина! — крикнула Ольга волшебнице, владеющей заклинанием телепортации. — Возвращаемся в Соловьиный утёс! Давай!

— Нет! — рявкнула Нарнетт. — Идём за Абалтуном! И не спорь!

— Слушаюсь, госпожа! — Нарнетт увидела полный удивления взгляд Абалтуна, адресованный чародейке.

— Зарубки... Я помню, на деревьях были зарубки... — проворчала Нарнетт. — Кто-то пытался стереть его руны... Генерал, эти твари раньше пытались его достать. Пытались войти в лес и стереть эти охраняющие руны. Но у него получилось их отогнать. Значит, он всё же видел их раньше. Но не поделился с нами, кто это такие.

— Судя по стоящему в горных долинах рычанию, это точно не дружественные нам существа, госпожа, — полусонный Бехауст отдал подписанный приказ своему адъютанту и принялся расписывать новый.

Нарнетт взглянула в окно. Где-то там, в полусотне итт к северу, находились загадочные и ставшие страшными Нэлвские места.

— И про своё состояние я так и не узнала, — продолжала владычица вполголоса. —

Почему он просил меня приехать, когда проявятся физические симптомы? Тайна покрыта мраком, Всеотец, развеяй, молю всеми фибрами души.

Люди не слышали её. Зал советов шелестел листьями старых карт, книг, пергаментов, никто не позволял себе ни одной шуточки. Кто-то едва дремал за большим столом, укрывшись кипами рукописей, из-за чего таких было просто не видно ни Нарнетт, ни сидящим рядом.

— Я до сих пор не могу понять, почему раньше их никто не видел? — попыталась разбудить полусонных членов совета она. — Наши егери со времён основания герцогства в горы ходят! Даже после того, как земли Апалаи стали заселены мертвецами, в горах было спокойно! Но именно сейчас...

— Нашёл, моя герцогиня! — воскликнул егермейстер.

— Нойрбет, есть датировка?

— Ваша светлость, это карта гор от 975 г. Третьей эпохи!

К егерю подскочили почти все сидящие за столом члены совета, включая герцогиню. На большом дубовом столе Нойрбет расстелил огромное полотно, показывающее подробную карту северных гор.

— С ума сойти! — воскликнула Рилароя. — Сколько же их здесь?

— Я с детства изучал земли нашего герцогства и всё, с чем они граничат, — опомнился ото сна Бехауст. — Здесь в горах, получается, целая страна была?

Все горы Морнгерос наполняли точки, изображающие каменные строения. Самым интересным было то, что в Малом лесу также находились три точки, формирующих треугольник на границах леса. Лес был защищён с юго-запада, севера и юго-востока.

— Я читал доклад Нарта. Когда вы, ваша светлость, со своими подданными отправились в Малый лес, то никаких руин там не обнаружили. Судите сами, почти все руины располагаются в горах. А в Малом лесу целых три точки. И здесь, — Нойрбет ткнул пальцем прямо в сердце Нэлвских мест, — самая большая фигурка нарисована. Словно там раньше столица стояла. Но Нэлвские места — это холмистая внутригорная равнина. Там никаких следов цивилизации в принципе нет.

— Как давно у нас стали пропадать люди? — спросил Вольхат, один из глав торговой гильдии герцогства.

— Люди в горах пропадают постоянно. Но их тела раньше всегда находили, — ответил генерал. — Сейчас же мы следов пропавших вообще найти не можем.

Нарнетт вернулась к изучению карты.

— Пять лучших ищек герцогства... — констатировала она. — До сих пор не могу поверить. Матушка с отцом с детства рассказывали, что у нас лучшие разведчики, следопыты и диверсанты в королевстве.

— Потому что они должны от людей и животных прятаться, ваша светлость, — генерал одарил Нарнетт тяжёлым полусонным взглядом. — Живущие в горах существа — это что-то среднее между людьми и животными. Они похожи на зверей своим поведением, и в то же время живут в руинах. То есть ведут близкий к цивилизованному образ жизни.

— Почему после этой карты все эти замки и башни пропали? — спросила Нарнетт. — Возможно ли, что... Ольты здесь нет, но она рассказывала, что самая мощная магия способна разрушить замок и нанести серьёзный вред городу. Но не утащить тысячи тонн камня, песка, дерева и стекла под землю. Это под силу только богам.

— Мы витаем в догадках, госпожа, — сказал егермейстер. — Если не отправиться к

каким-нибудь руинам и не изучить, что там происходит, то мы так будем топтаться на месте.

— Нойрбет, 975 г. Третьей эпохи? То есть этой карте... Четыреста восемьдесят восемь лет?

— Да, владычица, — ответил главный егерь. — В ранних картах, как я глянул, также есть следы о каких-то постройках в горах. Но следующая карта датируется 996 г. Свести концы с концами тяжело, так как прошло целое поколение между составлением каждой карты.

— Но отталкиваться проще от 996 г. Кто правил герцогством в это время?

— Герцог Барателис, супругой у него была Ларатирра. Она была уроженкой севера, — сказала Рилароя. — К сожалению, имени советника и главного картографа и егеря по совместительству я не вспомню. Хотя должности главного егеря в те времена могло не быть. Нужно изучить седьмую главу тома Земель Морнских, где описаны деяния всех герцогов за последнюю тысячу лет с указанием их советников поимённо. Но вполне возможно, что герцог мог сам со своей женой эту карту составить, если хроника из вашей библиотеки, владычица.

— Подождите, ваша светлость, дамы и господа, — вступил Вольхат, — но ведь Барателис и его супруга правили герцогством почти сто лет... Говорят, эльфья кровь у супругов была.

В зале советов повисло гробовое молчание. Нарнетт почувствовала, как на неё стали накатывать новые волны апатии, которые, казалось, отступили на некоторое время. Советница-канцлер погладила лоб ладонью и сказала:

— Кажется, они правили восемьдесят шесть лет. Но умерли уже в преклонном возрасте.

— Одни из самых долгоживущих людей в стране были, Рилароя, — заметил Бехауст.

— Табия, тебе сюда нельзя! — послышалось из-за двери.

— Ищите любые зацепки, — приказала государыня. — Бехауст, те немногие запасы, что у нас есть, отправь на содержание вооружённой группировки, чтобы, наконец, сократить эти проклятые дезертирства. От гор наши земли отделяют две тысячи солдат, рыцарей и чародеев Горэссиров, Аманесиров и Венцулов в полевых укреплениях.

— Слушаюсь, ваша светлость, — генерал жадно впился в лежащее на столе полотно.

— Тётя Нарнетт! — за дверью нарастала истерика. — Отпусти меня, вредина!

— Они же должны заниматься, — проговорила Рила.

— Стража, впустить! — кинула Нарнетт.

За открытыми дверями чужеземная девочка по имени Табия пыталась вырваться из рук гувернантки молодого герцога.

— Эрвия, отпусти её! — крикнула герцогиня.

Табия кинулась на шею к «тётушке». Она ответила крепким объёмом и вопросительно взглянула на Эрвию.

— Ваша светлость, девочке приснился кошмар!

— Это было взаправду, не ври, Эрвия! — крикнула Табия.

— Успокойтесь! — рявкнула герцогиня. — Что случилось?

— Я видела своего папу! Он залез в мою комнату и пытался поговорить со мной!

— Но ведь твой папа умер, ты сама рассказывала нам, дитя...

— Ваша светлость, я же говорю... — продолжала тучная гувернантка.

— Эрвия, выйди отсюда! — взорвалась Нарнетт.

Люди испуганно взглянули на неё. Эрвия едва на расплакалась.

— Госпожа? — переспросила она у Нарнетт.

— Расскажешь после ужина, — спокойнее сказала владычица. — Ступай.

Расстроенная Эрвия поклонилась и вышла из зала советов.

— Тётя Нарнетт... Я не лгу... — заливалась слезами девочка. — Мой папа... Я не понимала его речь, но чувствовала, что ему стыдно...

— За что?

— За то, что он бросил меня...

Люди молчали. Ото сна пробудились все, даже генерал. Все со скептицизмом в глазах поглядывали на девочку.

— Ну-ка, пойдём в твою комнату, Таби.

Совет герцогства почти в полном составе остался работать дальше. Нарнетт, взяв Табию за руку, направилась в её покои. Сопровождали их Рилароя, генерал Бехауст, Порлехт и пара его гвардейцев. Комната девочки располагалась на третьем этаже главного дворцового корпуса, между палат придворных фрейлин. Герцогиня желала успокоить девочку. Её опекуны были обеспокоены её кошмарами. Нарнетт, хотя и настороженно относилась к Табии, но не хотела получать очередной нагоняй от родителей. Потому девочке требовалось показать, что она не чужая для них. Она часть их семьи. Так приказали родители.

Эрвия держалась позади, вне поля зрения Нарнетт и своей воспитанницы.

— Ну и где ты видела его? — спросила Рила.

— Здесь! — девочка показала пальцем на кровать. — Тётя Эрвия уснула, читая мне вот ту книжку...

На столе у кровати девочки лежала раскрытая книга с насыщенным яркими цветами переплётом.

— ...я тоже почти что дремала, но меня разбудил скрип. Кто-то ходил по полу. Хотя я никого не видела у дверей. Тогда я повернулась в сторону окна, то увидела его.

Ветер за открытым окном покачивал массивные узорчатые портьеры.

— Он прилетел сюда на грифоне, тётушка Нара! — воскликнула девочка. — Но я не слышала его грифона!

— На кого он был похож? — спросила Нарнетт.

— На человека! На нас с вами! Но у него были большие бело-голубые глаза! Как у меня! Так я и поняла, что это мой папа!

— Эрвия, иди отсюда! — послышалось от капитана. — Тебе герцогиня приказала!

— Порлехт, выведи её отсюда! — сказала Рила.

— Да, сейчас, госпожа, — отвечал он.

— Папа говорил с тобой? — спросила Нарнетт, глядя на окно.

— Да!.. Но я не понимала его речь. Он говорил тихо, чтобы не разбудить Эрвию.

— А какие ещё черты лица ты запомнила?

— Он был человеком, любезная тётушка! Обычным человеком! Но от него веяло и холодом, и теплом одновременно! Я... Я не знаю.

— Таби, дорогая, успокойся, — Нара взяла её за руки, необычайно холодные сейчас. — Как он выглядел?

— Ну... Большие и очень яркие бледные глаза. Очень большие, как у дракона... А зрачки, как у человека.

— Ты уже сказала про глаза. Что ещё? Ради Всеотца, успокойся, дитя... Говори.

— Чёрно-серые волосы... — продолжала воспитанница. — Острое лицо, как у дяди

Кибеана, который служит рыцарем. Да, папа похож на него!

— Это не мог быть Кибеан?

— Кибеан с вашими родителями и его светлостью на другом материке, госпожа, — ответила Ольта. — В сопровождении, он ведь опытный фехтовальщик.

— Точно, — выдохнула Нарнетт. — Я и забыла, кто с моими на восток уехал.

Рила взяла книжку, которую Эрвия читала девочке. Что-то выпало.

— Листок... Хмм... Это тоже относится к сказкам? — советница подняла и развернула в полный оборот наспех нарисованный рисунок.

— Горы?

— Не просто горы, ваша светлость. Это вершина Манборай. Одна из самых высоких точек гор. Вершина о двух пиках.

— Как ты узнал, Бехауст? — спросила Нарнетт.

— Видите, ручьи нарисованы с воротами? — генерал поводит пальцем по рисунку. — Истоки прямо в ледниках. Это запруженные реки Нилая и Ритас. Там в горах плотины пару сотен лет назад построили, потому что по весне реки выходили из берегов и подтапливали северные леса вроде Балатасира. Дикая животные кидались из лесов на юг, к деревням и городам, убивая людей и скот. Нам тогда корона средства выделила.

— Табия, что твой папа хотел показать этим рисунком? — Нарнетт повернулась к ребёнку. — Он нарисовал его, пока вы с Эрвией искали меня?

— Не знаю, не знаю, не знаю, тётушка!.. Может, он хотел забрать меня жить в горы?..

— Почему же не забрал, если у него есть грифон? — задумалась высокородная. — Он хотел что-то другое, дитя моё... Нам нужно выяснить, что именно.

— Тётушка... — вновь проскулила девочка.

— Табия, что ещё? Уши? Нос?

— Да, точно! Ушки у него маленькие, как у гномика! А нос... Нос какой-то странный, слегка приподнятый кверху так, что видно ноздри. И мне показалось, что его чистое и бледное лицо слегка съёжилось...

— Нет, нет, нет! Отойдите!

Генерал кинулся к воспитаннице, приподнял косу, осмотрел шею. Ничего подозрительного.

— Что ты хотел найти там?! — чуть не сорвалась Нарнетт, прижав к себе девочку.

— Укусы, госпожа. Четыреста лет назад, когда наши войска пересчитывали трупы разбитого войска мертвецов на севере, они насчитали очень немного вампиров.

— Потому что вампиров в армии мёртвых почти не было, господин генерал, — сказал капитан стражи, подойдя поближе. — Вампиры к нам на материк откуда-то с другого материка пришли и не стали каким-то массовым явлением.

— Вампиры? Кто это такие? — испуганно крутя головой, спросила Табия.

— Тихо, дорогая! — Нарнетт несколько отстранила девочку от себя. — Ты ведь покажешь мне свои зубки, дитя?

— Конечно, а зачем?

— Просто покажи, а я покажу тебе свои.

— Не понимаю, тётя Нарнетт... Но хорошо.

В широко раскрытой улыбке девочки окружающие не увидели ничего постороннего. Кроме того, что один зуб в нижнем ряду был слегка кривоват.

— А теперь ты, тётя Нарнетт!

— Ну хорошо...

Девочка чуть не забилась в подушку от страха.

— Шутница ты, однако! — трясущимся голосом сказала герцогиня, что сидела к окружающим спиной.

— Табия, не пугай нас так! На тебе же лица нет! — усмехнулась Рилароя. — Из тебя бы хорошая актриса для труппы бродячего театра Вирсера получилась!

— Но, тётя Рила, ведь тётя Нарнетт...

— Вышли отсюда, — приказала герцогиня. — Девочке нужен покой. Порлехт, под этими окнами, если я не ошибаюсь, дежурят рыцари с чародеем, допроси их. Грифона бы точно кто-то увидел. В садах Нэльции, что разбиты у этой стены, есть место, куда можно приземлиться. И крышу осмотрите заодно.

— Слушаюсь! — капитан гвардии поклонился и направился прочь со стражниками.

— Рила, через неделю проведём совет, отправь послания всем графствам. Будем решать, что делать с горами. На северян и столицу пока не смотрим. Пускай грызутся.

— Поняла, владычица, — советница достала блокнот, взяла перо со столика Табии, обмакнула в чернильницу и сделала пометку.

— Но, ваша светлость... — начал было Бехауст.

— Точка, генерал. Я закончила своё предложение.

— Исполняю, госпожа, — поклонился он.

Когда Нара выходила, Табия подбежала к ней, схватила за подол рукава платья. Герцогиня нагнулась, словно та хотела поведать сокровенную тайну.

— Не хочу на север! Не хочу к ним!

— К кому, к ним?

Девочка истерично задрожала, указав на рисунок в руках Риларои, и сказала:

— К семье.

Нарнетт ничего не поняла, пожелала девочке отдохнуть, считая, что та бредит от кошмаров. После того, как все вышли из комнаты Табии, герцогиня отправилась в свои покои. Следовавшую за собой Рилу она довольно резко послала заниматься делами, а не донимать её светлость.

В покоях герцогини на туалетном столике стояло большое зеркало, богато украшенное резным орнаментом. Нарнетт испуганно взглянула в него. Да, её дворянскую улыбку украшали четыре мощных клыка: поднялись обычные резцы так, что дёсны герцогини кровоточили в местах прорастания. Хотя раньше Нарнетт не чувствовала ничего странного.

— Всеотец, не таков был уговор... — услышала герцогиня перед тем, как потерять сознание.

Выехали до первых лучей солнца. Галопом добрались до границы, дождались разведчиков, двинулись дальше. Всю дорогу Нарнетт оглядывалась. Новообретённое зрение пока не слушалось её, как бы она ни напрягалась. Никаких руин в округе девушка не видела, а командующий отрядом сир Кэрвдон довольно резко подгонял отстающих. Свою хозяйку и её спутника суровый придворный рыцарь подгонял вежливо.

Малый лес раскинулся перед ними. С момента последней поездки тут ничего не поменялось. Ветер завывал во внутригорных долинах, отражаясь смеющимся эхом. Эхом, что насмеялось над потерянной герцогиней. Но на этот раз она была не одна. Её единственный друг при дворе наконец-то вернулся с охоты, и только рядом с ним она могла чувствовать

себя в безопасности.

Мэльдан был великаном и напоминал брата-близнеца Нарнетт с густой рыжей шевелюрой, аккуратным носом и тонкими чертами лица. Был он моложе подруги на два года, но в свои двадцать пять лет давал фору многим именитым рыцарям герцогства как в скачках, так и на охоте. Третий сын бедного барона, что подчинялся напрямую Нарнетт и её родителям, воспитывался при дворе, и дружба между ним и юной герцогиней крепла из года в год. Вернувшись с охоты, юный барон немедленно напросился на очередной поход своей подруги. Весь путь он допрашивал её, узнавал детали о её знакомстве с отшельником. И Нарнетт отвечала, чувствуя, что он может помочь советом. Как близкий человек, знакомый с малолетства.

— Как ты? — спросил Мэльдан.

— Всё также, словно меня сбросили в компостную кучу, а сверху поработали кони с грифонами, — отшутилась она. — Примерно как ты, вернувшись со своей двухнедельной охоты ни с чем. Не спрашивай.

— Главное, держись в седле, — серьёзно сказал он. — Справляешься без посторонней помощи.

— Не подлизывайся, дорогой. Не то я пожалуюсь супругу.

— От страха сковало лёгкие, ваша светлость... Но!

Снова Нарнетт слышала грязные перешёптывания позади себя, но командир отряда приструнил рыцарей и чародеев. При дворе молодого барона Мэльдана Кортуллы, коего отдали на воспитание герцогу Млабиурту, отцу Нарнетт, в течение последних лет считали любовником герцогини. Почва для слухов росла не из-за того, что они были ровестниками и буквально росли под одной крышей, а из-за того, что с остролицым рыжим великаном — словно старшим братом миниатюрной герцогини — Нарнетт проводила гораздо больше времени, чем с мужем, за которого она вышла в неполные девятнадцать. Даже консумация брака, официально заверенная церковью, не помогала против сплетников. Помогла природа. Чем взрослее становился Коленетт, сын Нарнетт, тем меньше коридоры, залы, сады и трактиры наполняли строптивые басни и сказки. Мальчик с младенчества копировал официального отца, этого было достаточно многим.

Сейчас же Нарнетт — одинокая, без близких родных, а придворных воспринимающая исключительно как льстецов и торгашей — находила утешение именно рядом с другом детства, к которому, что также удивляло дворец, хорошо и без опаски относился любимый супруг. Каждое его приближение, каждая совместная охота, совместный танец на балу, даже попытка подружиться с юным герцогом, всё это оживляло грязные слухи, как сухой хворост, брошенный в тлеющий костерок. Сама Нарнетт, хотя и привыкла к этому, всё же при случае не упускала момента критически ответить кому-нибудь, чей язык доводил окружающих до яростного смеха. После этого залы и сады дворца и окрестностей наполнял могильный шёпот. Ни родители, ни муж никак не препятствовали этому. А сам Мэльдан только улыбался, ибо кровь проливал не он. Со сплетниками удавалось расправляться чужими руками.

Не спешиваясь, отряд двигался сквозь чащу. Разведчики — несколько оруженосцев, конных сержантов — постоянно петляли впереди, предупреждая о препятствиях на пути. Добрались до бурелома, Нарнетт приказала сиру Кэрдону ставить лагерь, а сама с неродным братом отправилась к мелькающей среди деревьев хижине. Девушка огляделась. Её невероятное зрение, казалось, давало импульс мозгу. Нарнетт посчитала, будто в прошлый раз на деревьях было меньше зарубок. Со спутником, что держал меч наготове, она

решила не делиться своими наблюдениями.

Из хижины вышел Норзе, поклонился герцогине, но чужака окинул оценивающим взглядом.

— Прощу оружие, — сказал он и протянул руку.

Барон увидел кивок спутницы, расстегнул ремень и передал клинок с кинжалом чудаку. Тот отложил вооружение к потушенному костру и принялся нащупывать мужчину.

— А это обязательно?

— Серьёзные люди всегда оружие прозапас носят. По глазам видно, что ты серьёзный человек. Видно, сейчас зрение обмануло меня. Проходите.

Абалтун, как и при первой встрече, проводил время за котлами. Но в этот раз он суетился, быстро передвигался между полок и грубо обструганных столов. Для своей громоздкости и косолапости двигался ведун быстро и плавно.

— Рад встрече, дитя. Присаживайся.

— Это его благородие... То есть просто Мэльдан. Один из ближайших для меня...

— Прощу, девочка, не отвлекай. Скоро закончу.

Варево было зверски пахучим, воняло гнилью и навозом. Гости достали платки и прижали к носам, ибо вдыхаемый букет буквально разрывал лёгкие.

— Мы подождём снаружи... — едва протянула Нарнетт.

— Сейчас запах пропадёт, — отвечал ведун.

Он закинул очередной ингредиент в самый большой котёл, началась реакция. Бульканье переросло в яростное кваканье, будто ведун живьём варил целый выводок лягушек или жаб. Квакать перестало, котёл зашипел и постепенно успокоился. Из соседних котлов вылетали редкие искры. Очевидно, старик понимал, что ему нужно для выживания в этом суровом краю.

— Названия этих эликсиров не дадут вам никакой информации, — сказал Абалтун, вытирая косматые и когтистые руки грязным полотенцем и садясь напротив гостей. — Но именно они помогают мне наносить руны. Это зачарование, если объяснить простым языком. Заговор рун с использованием даров природы.

— Что-то близкое к шаманизму? — спросила девушка.

— В вашей трактовке — да. Благородие? Ты тоже придворный, мальчик?

Мэльдан удивился, что некто называет его не по титулу. Но всё же взял себя в руки, словив кивок Нарнетт:

— Мы росли вместе. Удивительно, обычно незнакомцы называют меня старшим братом Нарнетт, но никак не...

— Я не вижу в вас родственной связи. Любовная — возможно.

Нарнетт отвернулась к окну — пустому проёму размером с форточку. Но краем глаза увидела, как её спутник стыдливо почесал голову.

— Человеческие отношения для меня загадка. Когда я был молод, отношения в наших кланах были куда проще. И более... Не помню, как называется это слово в вашем языке.

— Прозаичны, — герцогиня повернулась к отшельнику.

— Возможно, — кивнул он. — Значит, Нарнетт, симптоматика прояснилась? Так быстро? Ты была у меня четыре дня назад.

— Это произошло в тот же вечер, когда мы... Телепортировались в лагерь, а оттуда поехали домой.

— Я не буду ругать тебя за твой маленький обман, когда выяснилось, что в твоём отряде

была чародейка-телепортатор.

Нарнетт стыдливо взглянула на спутника, тот молча разглядывал полки на стенах.

— Дальше? — спросил отшельник.

— Вечером... Когда я подошла к зеркалу... Я...

Она растерялась. Мэльдэн решил взять инициативу:

— У неё появились четыре маленьких клыка, как у вампира. Проросли из родных, да ещё наточенные такие. Она в течение следующего дня тайно пыталась в городском крематории вынудить своего придворного волшебника прочитать чары обнаружения жизни, используя для этого тело убитого пару дней назад охотника. А я стоял рядом с ножом для того, чтобы...

— Такие детали мне не нужны. То есть... Ваш чародей определил в тебе жизнь, дитя? — спросил Абалтун, на что получил два кивка. — Трансформация проходит быстро, это правда. Но не сразу.

— Что со мной происходит? В кого я превращаюсь? — взмолилась она. — И почему? За какие грехи?

— Я живу здесь не так давно, девочка, — он чуть пододвинулся, рассмотрел резцы девушки и жестом призвал закрыть рот. — Не могу знать всё с великой уверенностью. Но могу предположить, что да, ты действительно превращаешься в вампира, в мертвеца. Пока ты живая. И я не могу сказать, существует ли такой вид вампиров, что невидим для чаровства. Мои таинства бы не смогли определить это.

— Как же ты определил, что мы не родня? — спросил барон.

— Вы смотрите друг на друга не как друзья или родственники. За год у меня побывало много знахарей, бывали егери, что охотились семьями и не служат вашему герцогству. Я понимаю, о чём говорю. Лучше расскажи в подробностях, Нарнетт, о том случае, в прошлом или в позапрошлом году.

Она выпрямилась. Закинула голову: под потолком висели многочисленные верёвки, на которых сушились грибы, травы и шкурки мелких животных.

— Как ты знаешь, в нашем королевстве двенадцать герцогств, одним из которых владеет мой отец. Пока родители и мой супруг работают на востоке над заключением важного торгового контракта для постройки судоверфей и нового порта, а также выступают в роли... Гхм...

— Это долгая история, — процедил Мэльдэн.

— Точно, — выдохнула девушка. — Суть в том, что наше герцогство бедное, не имеет влияния в королевстве. Больше года назад через наши земли на север, в земли мёртвых, проезжал герцог Валдис Унгартт. Среди всех герцогов он самый сильный чародей, наверное, в принципе один из сильнейших, но...

— Он поклонник этой самой нежити, — продолжал спутник герцогини. — Последние столетия многих высокородных дворян королевства, включая королевскую семью, мучают страшные кошмары. Внеземные сущности, пожирающие космическое пространство, моря крови, изуродованные тела, шеренги мёртвых, что сталкивают немногих живых с обрыва в пугающую пустоту. У Нарнетт и её родителей было то же самое.

— Я помню об этом. Хотя и не в таких красочных деталях. Что Валдис?

— Являясь оккультистом, он в течение последних десяти лет изучал нежить, — сказала Нара. — И год назад ездил в земли нежити через наше герцогство и Нэлвские места. Якобы где-то через небольшой перевал и горный лабиринт можно попасть в Апалаи...

— Кахалари, — едва слышно поправил кудесник. — Допускаю, что небольшой отряд пройдёт через горные перевалы к северо-западу отсюда. Но войско — никогда. Там тропы на очень крутых склонах.

— ...когда он вернулся из своей экспедиции, — продолжала Нарнетт, — то клялся, что нашёл способ исцеления кошмаров. Сам он таковые не видел. Ты помнишь, Абалтун?

— Значимых чародеев они не затрагивают. Продолжай.

— Он проводил на мне какие-то опыты. Нет, не физические. Магические. Хорлан, придворный чародей, рассказал после отъезда Валдиса, что тот словно пытался пробиться через мою человеческую оболочку. Пытался вложить в меня что-то...

— Магическое семя, — недовольно сказал барон.

— Таких вещей не существует, юноша. Какие-то изменения после опытов у тебя были, дитя?

Нарнетт обхватила лицо ладонями, словно желала забыть пройденные испытания. Словно стыдилась чего-то.

— Я не чужак, — проговорил ведун серьёзно. — Быть может, по не по доброй воле, ибо я не до конца понимаю ваши принципы, но всё же я могу помочь. Если хочешь, пусть твой спутник покинет нас.

— Нет, он это всё знает... В общем, всё началось с изменения менструального цикла... Ты знаешь, что это?

— Рассказывали девицы-знахарки.

— Обычно он длился в течение недели. Но с течением месяцев он начал сокращаться до нескольких дней, затем до суток. Сейчас я не вспомню, когда у меня было «это» в последний раз. У меня также начала ломаться психика. Я несколько раз набрасывалась на придворных, желая выцарапать им лица за малейшие провинности, которые казались мне чем-то, что может нести угрозу моему дому, моей семье. В гневе я испоганила несколько важных приказов, однажды умудрилась сжечь важные военные ведомости, которые мой военачальник был вынужден восстанавливать по черновикам и заметкам своих адъютантов. Мэльдан... Покажи.

Барон приподнял прядь волос, явив отшельнику огромный шрам от уха до середины лба.

— Канделябр. Источник света.

— Железка? — уточнил Абалтун, прислонив палец к шраму гостя. — Попала почти туда, откуда человек отправляется к праотцам. Крепкий юноша.

— Благодарю за комплимент, — процедил тот.

— В основном меняется поведение, — продолжала дворянка. — Я стала более рассеянной в быту, но на охоте перее егеря могу увидеть или услышать дичь. Недавно моя советница заметила, что у меня стал меняться почерк. Но о главном я поведала тебе ранее и напомним сейчас: моё сознание иногда пропадает. Словно я впадаю в сон. И окружающие говорят, что в этот момент я дышу, моргаю, двигаюсь. Но не реагирую на касания или звуки.

Ведун пододвинулся на грубом табурете чуть ближе. Бесцеремонно двумя руками, умудрившись не поцарапать грязным когтями, раскрыл веки.

— Удивительно, — пробормотал он. — У знахарок и деревенских ведьм либо карие, либо серые, либо янтарные глаза. Но у тебя, благородной госпожи, самые что ни на есть ведьминские изумруды. Ранее не замечал, всё же с возрастом зрение, как и у простых смертных, ухудшается даже у нас.

— Я понимаю, что тебе чужда наша культура, — вступился молодой дворянин. — Но

всё же нельзя вот так прикасаться к...

Перед его лицом появилась магическая игла. Вблизи подтвердилось, что она состояла из древесной щепы, а не какого-либо металла. Нарнетт ещё сильнее раскрыла глаза и взвигнула:

— Молчи! Молчи!

Абалтун отстранился, встал, обошёл один из небольших котлов. Оглядел полки, нашёл что-то, отсчитал несколько ингредиентов, похожих на ледяные алмазы, и бросил в чан. Забулькало. Мэльдан и Нарнетт продолжали молчаливо наблюдать за танцующей перед их глазами иглой. Отшельника осенило. Он порывлся в самодельном — достаточно трухлявом, проеденном жучками, как и многое в хижине — сундучке, достал две колбы, откупорил и вылил содержимое в чан. Взмах рукой, игла исчезла также внезапно, как и появилась.

— Подойди, дитя. Не волнуйся.

Она увидела своё отражение в котле. Эссенция колосилась волнами, будто внутри началась какая-то реакция. А потому достаточно приятное лицо приобретало плавающие черты, будто Нарнетт смотрела в кривое зеркало. На какой-то момент показалось, что на неё смотрит не она, а кто-то другой. Другая женщина, с горящими светлым пламенем глазами. Женщина улыбалась, улыбка её постоянно менялась на реальное выражение лица девушки. Будто в одном изображении существовали две проекции.

— Ты видишь её, Абалтун?! — едва не взревела герцогиня.

Отшельник и барон посмотрели на её отражение, переглянулись.

— Нет. Её видит только твоё сознание. Я всего лишь попытался установить с помощью тайнства твой контакт с ней. Боюсь, Нарнетт, такое чаровство мне незнакомо. Я не могу помочь тебе уничтожить твою вторую личность. Но я могу помочь тебе подчинить её, чтобы она не начала крушить всё вокруг, ибо она дика, незнакома с вашим миром. И одинока. Я уверен в этом.

Гости переглянулись. Нарнетт увидела тоску на лице спутника.

— После каждой серьёзной вспышки агрессии или каждого пропадания из нашей реальности, если это понесёт какие-то последствия, приезжай ко мне. Я поговорю с ушедшими, возможно, они подскажут, что можно сделать. Надеюсь, к следующему твоему визиту удастся установить с ней контакт.

— Ты не можешь переселиться к нам? — спросил барон. — Тебе гарантируют безопасность и...

— Связь с этим лесом нерушима. Вне него я потеряю свои силы.

Нарнетт увидела, что на поверхности мутноватой жёлто-оранжевой жижи осталось только её собственное лицо, вернулась на табурет и облокотилась спиной о рабочий стол отшельника. Хотелось плакать от осознания собственной беспомощности.

— Эту дрянь не могут побороть ни лучшие умы королевства, ни могущественный ведун-отшельник, чьи способности выходят за пределы нашего сознания, — сквозь боль и гнев проговорила она. — Что это может быть, Абалтун? Ты говорил что-то о существе, которое...

— Скорее не существе, а сущности, древней и могущественной, как мне нашептали предки и великие духи. Они всегда говорят загадками, не дают точного ответа. Не знаю, что это, — ведун закинул в котёл какие-то травы, начал помешивать. — Но это что-то словно хочет вырвать людей из-под пяты Колизея богов. Желание его — отречь вас от божьих принципов, пробудить и поощрить в вас животную сущность. Пока это мои домыслы. Важно то, что с твоими сверхспособностями и трансформацией это не связано. Как и с твоей

второй сущностью. Где живёт этот Валдис?

— На юге королевства, — отвечала девушка. — Он попал в королевскую опалу, поддержал мятежников-северян.

— Ах, люди, ни одного столетия без свары прожить не можете, — серьёзно сказал Абалтун, потушив пламя под чаном для прорицания. — Полагаю, поймать его и доставить ко мне у тебя нет возможности?

— Скорее нужно благодарить Пантеон богов, что он далеко от меня. От него веело могильным холодом и взглядом человека, который больше не человек. Но в любом случае найти его почти невозможно. Боюсь, привести его сюда можно только тогда, когда закончится гражданская война. А она только начинает набирать обороты.

— Если он останется жив, — поправил Мэльдэн, а Нарнетт кивнула.

Где-то громыхнуло. В лесу послышались ругань и топот, что постепенно приближались.

— Абалтун, могу ли я ездить к тебе независимо от своих приступов? Например, раз в месяц?

— Боюсь, дитя, — он медленно встал с табурета, достал из-под стола посох длиной в полтораручный меч и направился к выходу, — ко мне лучше не ездить без острой необходимости. Даже с помощью твоей чародейки с телепортами.

Послышался лязг железа, Нарнетт выглянула в окошко, рыцари подняли споткнувшегося сослуживца. Кони не слушались, вырывались. Даже белоснежная Клива, породистая кобыла герцогини.

— Хозяин, опять дикари лезут, — сказал раскрывший дверь Норзе.

Все вышли наружу, рыцари и чародеи согнали слуг и лошадей к хижине, сами построились против бурелома на юго-западе.

— Та девица в твоей свите? — спросил ведун совершенно спокойно.

— Килина? Нет, она сегодня работает в гильдии, а с их главой я не ссорюсь!..

— Госпожа, — обратился сир Кэрвдон, — мы потеряли двух сержантов из охранения, нас окружают! Нужно стегать коней и вырываться на восток!

— Сколько их? — спросила Нара.

— Всех не перебить, дитя, уходите отсюда! — Абалтун, второй раз с момента знакомства с герцогиней, проявил эмоции.

Мэльдэн, уже вооружившись, подвёл Кливу к подруге и госпоже, повышенным тоном приказал:

— Слушай стариков! Уходим отсюда!

Чувство самосохранения внутри неё боролось с любопытством. Она не хотела упускать саму возможность узреть вблизи таинственных горных жителей. За деревьями началось движение. Двигались существа крайне диковато, прерывисто и очень быстро. Абалтун что-то промышчал. Впереди замерцало. Начали работать его руны. Раздались вопли. Не человеческие и не животные, а вопли демонических отродий, отвергаемых Пантеоном и самой Матерью-Природой. Зашелестели деревья, заскрипела древесина. Корни деревьев впереди начали оживать, уподобляясь ветвям. Друидизм отшельников выступил против неведомого зла. Люди не скрывали своего удивления, как и сама владычица. Она понимала, что для уничтожения Абалтуна будет мало войска при поддержке магии. Потребуется смекалка, одно из важнейших человеческих качеств, которого лишены шипящие в лесу создания.

— Скажи наконец, кто это такие?! — герцогиня грозно прошагала к ведуну, но Мэльдэн удержал её.

— Заберите свою госпожу отсюда. Сейчас она не контролирует себя, — Абалтун воткнул посох в землю и направил на сира Кэрвдона, что направлялся к нему. — Нарнетт, моё предостережение для тебя! Не подчиняйся своей второй сущности!

— Стреляй! В голову, Брелет, в голову, сука!

Нарнетт повернулась в сторону рыцарей: из леса несло самое странное и удивительное существо, каких она могла представить себе. Облачено оно было в лохмотья, пустые глазницы давали существу лик ожившего мертвеца, а на голове у него колосьями копошились копны травоподобных чёрно-серых волос. Арбалетный болт одного из боевых слуг пробил чудовищу череп, оно рухнуло на спину, издав протяжный животноподобный стон. Нарнетт хотела растолкать своих людей, но с одной стороны её удержал Мэльдэн, с другой стороны Абалтун стукнул посохом, корни устремились к павшему и забрали его под землю в считанные секунды.

— Старик, что ты делаешь?! — взревела она.

— Я вижу в твоём взгляде другую Нарнетт! — в третий раз его переполняли эмоции гнева. — Уходите отсюда! Возвращайтесь только при острой нужде! Возвращайся, когда приведёшь свой разум в порядок!

Он демонстративно стукнул посохом, направил его в сторону девушки. Из посоха потянулась тонкая струйка энергии, прерванная чародеями. Нарнетт потеряла дар речи, будто чары Абалтуна парализовали её язык. По команде чародеи нацелили на него своё оружие. Мэльдэн, держа одной рукой Нарнетт и прикрывая её телом, другую руку с клинком направил на отшельника. Его слуга имел вид совершенно безмятежный и спокойный. Оба отступали спиной к хижине. Громыкнуло. Руны на деревьях успокоились, словно твари отступили. Раскрылась дверь, отшельники нырнули внутрь, в уши ударил треск дверного засова. Один из рыцарей выбил дверь, но внутри оказалось пусто. Они сорвали со стен всё, что было приколочено и прибито, побили мебель, вскрыли трухлявые полы. Некоторые обошли хижину, забрались в погреб, разгромили всё и там. Тщетно, как доложил сир Кэрвдон. Отшельники испарились. В лесу, на юго-западе, продолжали истошно вопить. Словно существа ожидали, когда их жертвы уйдут из-под охраны рун.

— У меня... Нет слов... — Нарнетт взглянула на трясущиеся руки. — Который раз он оставляет меня в дураках?

— Ехать сможет, господин барон? — спросил командир отряда.

— Я поеду с ней, возьмите её кобылу, — отвечал Мэльдэн. — Командуй, Кэрвдон.

— Охранение, вперёд! — приказал старый рыцарь. — Едем на юго-восток и защиhares герцогwante' vilar! Estae remasa c'alita!

Новая потеря сознания, мелькнуло в голове Нарнетт.

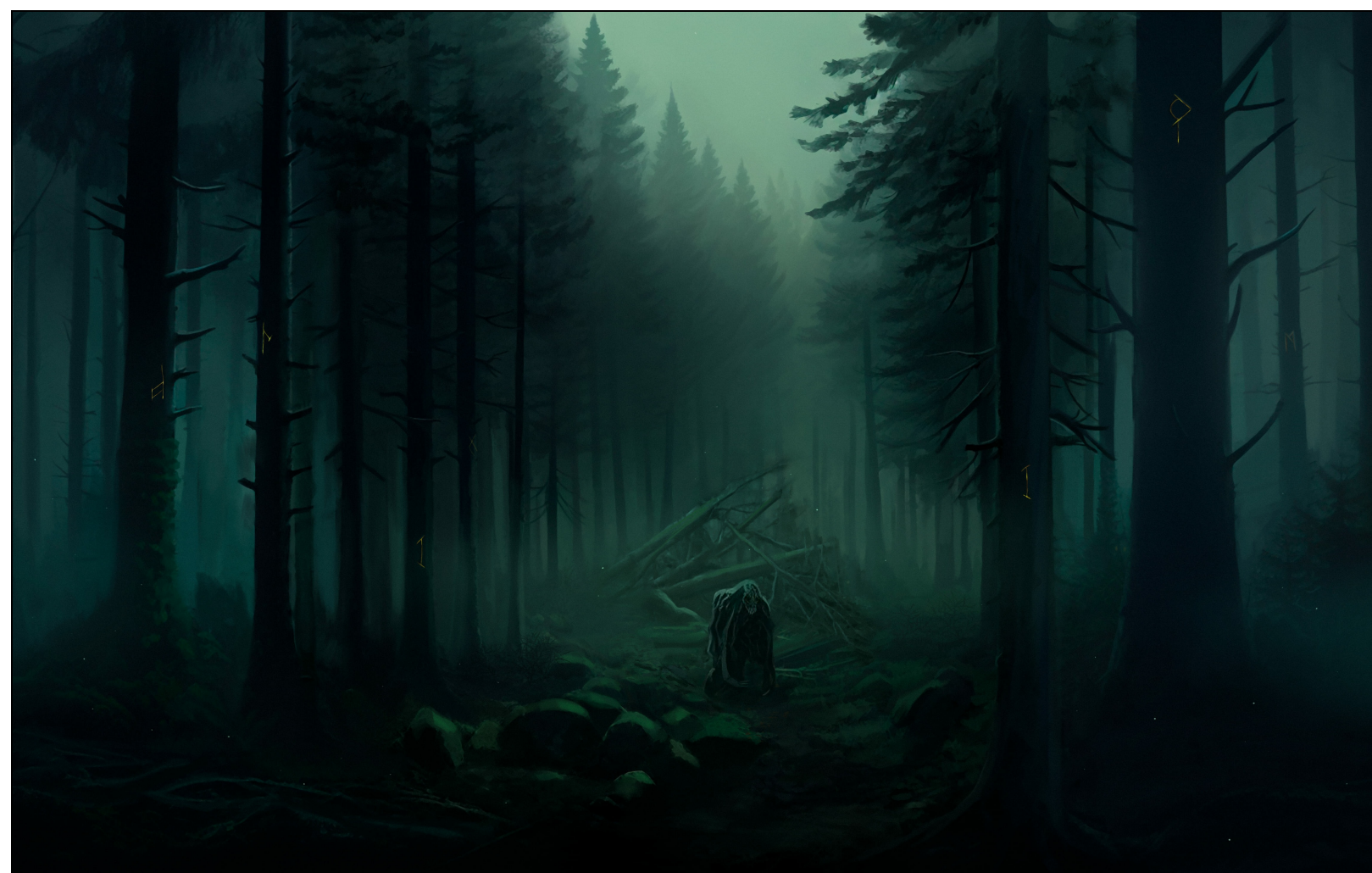

Рисунок 2 — Малый лес (худ. Катерина Ридус)

Глава 2. Интуиция и обман

С каждой неделей Нарнетт всё больше привыкала к своему состоянию. Клыки не беспокоили её, их можно было спутать со слегка наточенными обычными человеческими зубами. Отключение сознания происходило спонтанно: утром, днём или перед сном. Оно могло застать её в уборной или в господской банной под присмотром служанок, могло помешать ей во время очередного собрания в зале советов или во время общения с сыном.

Иногда, когда она подписывала указ или расписывала письмо родным или подданным, сознание отключалось, а пробуждалась она, видя вслед за своим почерком несколько строк на незнакомом языке, почерка совершенно другого. Через силу борясь с искушением вернуться в проклятый лес к проклятому отшельнику, она сжигала «порченные» бумаги и писала по новой. Иногда не по одному разу. Камин в её рабочем кабинете, как она услышала от слуг в коридоре, иногда горел без их помощи.

Раздался скрип. Она подняла глаза, стук в дверь. Снова. И снова.

— Опять вне себя? — едва тихо послышалось из-за двери.

— Входите!

Мэльдан и генерал Бехауст уступили дорогу Риларое. Нарнетт пригласила их в кресла.

— Ваша светлость, я... — Нарнетт оглядела Рилу, она подрагивала. — Дело в том, что...

— Госпожа, — вступил Бехауст, — барон Ломергур начал смуту. Он заступил на пограничное дежурство три недели назад и за это время успел посеять зёрна сомнения в наших рядах.

— Мне докладывали. Но, Бехауст, вы с Мэльданом ездили в ставку к графу Горэссиру пару дней назад. Неужели ни о чём не договорились?

— Никак нет, владычица, — по-солдатски ответил военачальник. — Все договорённости были на словах, как я и докладывал ранее. Но на глазах его людей.

— Для дворянина запятнать честь — равно смерть, — добавил Мэльдан. — Но у Ломергура все люди запачканы. Это сброд, а не военные. Даже рыцари и чародеи.

— Прошлогодня засуха, господин, — напомнил генерал, — раскрыла многое о нас.

— Потери?

— За вчерашний день, ваша светлость, ставку покинули до восьмидесяти солдат и отряд рыцарей. Они забрали не только боевых слуг и запасных коней, но даже уговорили некоторых мелких дворян. К концу июня, боюсь, потеряем ещё несколько сотен. Дальше разойдутся остальные.

— Работы над укреплениями завершены? — продолжала спрашивать Нарнетт.

— Частокол, вал в полтора метра, утыканный кольями... — отчитался генерал, подняв взгляд на висящую сбоку картину. — Но в длину это всё занимает всего три итты от Балатасирского леса на восток. В самом Балатасире навалены деревья, но толку немного, госпожа. Линия укреплений кончается на заставе в четырёх иттах от Соловьиного утёса.

— Продолжайте укрепления от Соловьиного утёса на восток, Бехауст. Удвоить жалование дворянскому корпусу и офицерам, Рила, отвечаешь за это. Боюсь, придётся открывать резервную казну.

— Ваша светлость, как можно?! — возмутилась канцлер.

— Работы нужно завершить. А мы иным способом, кроме как золотом, удержать своих людей не можем! Хватит с нас дезертирств и выяснений отношений между рыцарями!

Организованного бунта мы не потерпим!

Советница оглядела генерала и барона, словно искала у них поддержки, но те кивнули ей, соглашаясь с герцогиней. Рилароя достала дневник, начала выводить заметки.

— Людей нужно занимать мероприятием, походом, если угодно, — сказал Мэльдан. — Мы собирали их для защиты герцогства, но таинственные горные твари не лезут к нам. Вообще ведут себя тихо. Хотя в горах то и дело тучи магические появляются.

— Ольта со своими чародеями не выходила на сеанс ментальной связи, госпожа?

— Нет, Бехауст, — отвечала Нара военачальнику. — Последний раз был три дня назад, когда они приехали к подножию вершины Манробай. Интересно, что с ними... Надеюсь, бутылки с маной не закончились.

Лория в конце концов истекла кровью. Ольта закрыла ей глаза, положила голову на каменный пол, тоскливо оглядела подчинённых. Спокойствие и выдержку сохранял самый старший и умудрённый чародей в отряде — Андалф, длиннородый старик в серой мантии, больше похожий на затворника, чем на гильдейского учёного.

— Если не выбраться сейчас, Белис также истечёт кровью, — сказал старик озлобленно. — Ольта, не упрямься, этот риск оправдан!

— Мы не до конца восстановили ману, Андалф! Дай ещё пару дней! — отвечала мастер-волшебник. — Без маны нас разорвут, одними посохами не отобьёмся!

Остальные не слышали их и не видели уже мёртвой спутницы. Многие дрожали, казематы наполняло яростное клацанье зубов. Ольта проверила посох, от лёгкого стука по каменному полу пробежали искры, навершие посоха замерцало. Старшая волшебница повернулась к ответственному за припасы и спросила:

— Грэлис, сколько у нас осталось сухого пайка и воды?

Укутанный плащом чародей гневно зыркнул из-под капюшона на лидера экспедиции и отмолчался.

— Почти закончилось и то, и другое, Ольта, — пробубнил Андалф. — А ману, судя по всему, мы действительно восстановили не полностью, учитывая, что большая часть бутылков разбилась, а остальное мы уже выпили. Правда, Килина?

Ольта взглянула на спасительницу чародеев, что по своей глупости оказалась их тюремщицей. Девушка не реагировала. Несколько раз, страшно напугавшись, она пыталась спасти себя саму, но спутники прерывали трансляцию заклинания, из-за чего она истратила всю ману. И перестала развязывать путы.

— Андалф, ты готов пойти впереди, если мы разберём завал? — спросила мастер-волшебник.

— Я не герой, моя дорогая Ольта. Реакция уже не та. Готов сам прикрывать, но кого? Я вижу помимо нас двоих шестерых детей, которые без мамки ничего не могут. Никогда бы не подумал, что боязнь замкнутых пространств так может изменить даже сильных чародеев.

— Какая боязнь, старик?! — взорвался Грэлис. — Здесь воздух заканчивается! Мы три дня в тупике, не знаем, что делать! Так и погрём здесь, как Лория!

Старик подступил к юноше и засадил ему пощёчину. Тот злобно отвернулся к стене камеры.

— Я пойду впереди, Андалф. Главное, определить, есть ли кто-то за завалами. А человек, который владеет такими чарами, — Ольта кивнула на раненую Белис, — сейчас бесполезен. Но ты... Как ты прикроешь и меня, и их?

— Не бросайте нас! — рявкнула самая молодая участница экспедиции. — Магушка не переживёт моей смерти! И так отец оставил нас два года как!

— Айлис, хотя бы ты вменяема, уже хорошо, — констатировала мастер-волшебник. — Прикроешь меня? Ты знаешь боевые заклятья.

— Даже не уговаривай! Готова замыкать группу, подгонять отстающих, но идти впереди, в крошечной тьме глубокого подземелья богами закрытого замка? Ни за что!..

— Решено, — сказал старик. — Ольта, я прикрываю тебя, Айлис замыкает группу. Эй, юноша, прости мою дерзость. Возьми припасы, прошу тебя.

Грэлис взглянул на два походных мешочка с бурдюками и пайком. Нехотя кивнул. Завал разбирали долгих два часа, что казались Ольте вечностью. В процессе разбора нашлась поломанная решётка-дверь. С трудом, используя брань и тяжёлый посох для придания ускорения, но Андалф с молодыми разобрали груды камней и земли, что удалось навалить вдоль стены. Ольта, прикрывая спутников смертною ладонью и не менее опасным посохом, в очередной раз удивилась тому, насколько глубоко проложены подземелья замка, если над подземным коридором находится не кладка, а обычная земля.

Коридор уходил дальше. Именно там от действий боевой магии затряслись стены, именно там произошёл основной завал, что вынудил группу нырнуть в камеру и обречь себя на трёхдневное одичание. Или спасение. Грэлис убрал пару камней, протолкнул в соседнюю камеру. Под завалом оказался один из преследователей.

— Я их даже разглядеть не успела... Что это, летучая мышь? Или человек? — опомнилась от страха Килина.

— Вампир, что пытался трансформацией спастись от обвала, — констатировал Андалф, ткнув в остывшее нечто концом посоха.

Ольта оглядела существо. Не больше подростка. Одежды оно не носило. Судя по мускулатуре, мужчина. В правом ухе у него от огонька посоха блестели две золотые серьги. Из разможжённой камнепадом головы торчали короткие острые уши, какие не следует путать с эльфскими. То, что осталось от тела, имело серую кожу, растительность только на остатках черепа. Между пальцами ног и рук местами проглядывали перепонки, как у лягушек. Такое создание опытная чародейка видела впервые, ибо во время погони она так и не запомнила их.

— Ольта, идёшь вперёд? — напомнил старик.

Они поднялись по винтовой лестнице на следующий этаж. Судя по всему, коридоры находились не друг на другом, ибо здесь не было провалов. Хотя стены и получили ущерб. Где-то наверху зазвенела клетка камеры, Ольта прижала посох к подмышке, взяла из-за пояса кинжал в левую руку. Серебром запаслась только она. Остальные проигнорировали приказ.

Молча двинулись вперёд, снова лестница. Камеры были пустыми, хотя в некоторых лежали древние скелеты. Гримасы вечного ужаса застыли в их опустошённых ликах. Казалось, они предостерегали: «Отсюда нет выхода живым».

— Так, Айлис, куда пропал этот негодяй? — послышался шёпот позади.

— Кажется, он вернулся назад! Возвращаемся?

— Почему не удержала? — взмолилась Килина.

— Тише, чёрт бы вас побрал! — шепнула Ольта. — Наверху кто-то есть! Забудьте о Грэлисе! Нужно добраться до лошадей, если их не сожрали твари! Иначе двинем к Абалтуну!

— Он нас изгонит! — послышался прерывистый голос.

— Молчать, Белис! — рявкнула мастер-волшебник. — Выберемся, потом поговорим!..

Поднялись на новый уровень. Позади послышались шаги, вернулся Грэлис. Килина хотела кинуться на него с кулаками, но остальные удержали. Ольта активировала посох, тихо прочла заклятье, бросила в коридор осветительный шар. Шар летел медленно, показывая, что коридор гораздо длиннее нижних уровней. Пугающе скрипевшая клеть камеры находилась здесь, об неё пыталась поточить когти довольно рослая крыса. Увидев свет, крыса скрылась в камере, шорохи исчезли.

— Сколько всего было этажей, никто не помнит?

— Айлис, кажется, пять, — сказал Грэлис. — Но это нижние уровни. А верхние как смотреть?.. Там лабиринт, точно помню...

— Это небольшой замок, — перебила Ольта. — Мы не заблудимся, главное... Тихо, слышите?

Падение камней предвещали странные звуки, будто кто-то говорил с кем-то на непонятном языке.

— Нас заваливают?! — взмолилась одна из девушек.

— Тихо! Это впереди... — прошептал один из мужчин.

— Посохи к бою, — прорычал Андалф. — Я намерен умереть в постели, а не в мертвецких казематах!

В конце коридора, у лестницы, мелькнула тень. На этот раз гуманоид, низкорослый. Один из посохов пустил вперёд шаровую молнию, коридор завибрировал. Снова непонятная речь.

— Без приказа не атаковать! — повернулся к остальным старик.

— Боятся огня? — спросила Килина.

— Вперёд, держаться вместе! — приказала Ольта, ибо Андалф вселил в неё уверенность.

Следующая лестница была развилкой, либо вниз, либо вверх. Тайнственная тень ушла вниз. Но там, откуда она пришла, могли оставаться иные тени. Волшебники поднялись по лестнице на пару этажей, боясь соваться в коридоры, что были куда длиннее предыдущих. Наверху оказался тёмный зал неопределённых размеров. Ольта, неверующая по своей природе, в сердцах помолилась и запустила вперёд «светлячка». Помещение было огромным, его наполняли клетки, пыточные столы, побитые инструменты и посуда. Где-то в углу стояли чаны, стену в том месте украшали какие-то бумаги.

— Мы бежали не тут, — констатировал Андалф. — Я только навскидку прикину здесь пять входов. И где та тень, что напугала нас?

— Не знаю, — шепнула Ольта в ответ.

Айлис подошла к одной из клеток, показала остальным человекоподобный скелет, который буквально рвал свою грудь. Череп более вытянутый, чем у людей, изящный, но в то же время ужасающий. Пустые глазницы словно наполнял потусторонний ужас.

Гроыхнуло. Эхо раздалось со всех сторон, трудно было понять, где опасность.

— Кто-нибудь чувствует ветер?

Никто не ответил Ольте. Все озирались по сторонам. Место пугало ещё сильнее, чем три дня в заваленной камере. Послышался шёпот. Ласковый, будто говорили дети. Но язык не напоминал человеческий. Ольта, увидев что-то впереди, активировала посох и пустила ещё одного «светлячка». Девушки позади охнули от испуга.

У одного из выходов стояли две девочки в рванине. Они крутили головами, как птицы, таинственно изучая чужаков. Глаза их напоминали ожившие рубины, что мерцанием своим

отбивали всякое желание их своровать. Одна прошептала что-то, другая обнажила небольшие клыки — не вполне человеческие. Казалось, она улыбнулась. Андалф не выдержал и пустил шаровую молнию. Когда дым рассеялся, все подошли поближе. На месте обожжённой стены не было ни следа местных.

— Хватит с меня! Держась вместе, мы вместе и умрём! — пробурчал Грэлис и скрылся прочь.

— Стой! Ублюдох, оставь еду! — тихо ругнулись остальные.

— Куда, в какой коридор он пошёл?

— Уже всё равно, Ольта, — Андалф показал посохом. — Смотри.

У лестницы, с которой они пришли, стояли ещё две таинственно улыбающиеся девочки. Уже другие. Ольта пригляделась. Нет, вторая девочка оказалась мальчиком, но с длинными волосами.

Держа посохи готовым, они направились в один из боковых коридоров. Шёпот начал преследовать их.

Попали в какое-то складское помещение. Древние полки были вырезаны прямо в стенах подземелья. На двух стояли гробы. Пустые, как доложил весьма осторожно ведущий себя Андалф. Позади раздались мужские крики. Послышалось чавканье.

— Идиот, о, Всеотец, ниспослал ты с нами идиота! — прорычал Андалф. — Эй держите Белис, стукнется головой!

Вторая по старшинству после Андалфа участница экспедиции выпала из рук двух оставшихся помимо старика мужчин. Один рухнул следом, второй пытался поднять его.

— Лихорадка, чтоб его... — констатировал он. — Из-за сырости, клянусь богиней магии!

— Не плети чушь, Эндор, — спокойно сказала Ольта. — Поднимайте её. Андалф, прикрывай. Есть у меня одна идея...

— Мы остались без еды, — отвечал старик. — Кажется, нас хотят заманить в какой-то тупик. Что ты придумала?

— Мана. Килина, ты потратила всю ману, сколько тебе нужно для сотворения портала?

Все взглянули на девушку. Даже полуживая Белис, лицом напоминающая покойника.

— Неделя в лучшем случае, — сказала Килина. — Я не мастер, во мне нет высших познаний и навыков ускоренного накопления.

— Возвращаемся. Ищем Грэлиса. Если придётся, будем драться за его тело.

— Ольта, что ты несёшь?! — рявкнул Андалф без конспирации. — Есть другие способы!

— Ты сам сказал, что не хочешь помирать в подземелье! Ответишь за свои слова, мой старый друг?

— Может, используем хотя бы Лорию? — спросил тот, что пытался привести в чувства павшего.

— Нас уже отрезали от неё, — отвечала главная чародейка.

Никто не спорил. Чародеев охватила злоба, Килину покорила нечеловеческий испуг. Только Ольта старалась не давать волю эмоциям.

Вернулись в пыточный зал. Несколько «светлячков» полетели между колонн. В коридоре напротив зоркий Эндор, что поддерживал раненую и не страдал «лихорадкой», увидел блеск на полу. Подойдя поближе и ожидая появления новых кровососов, чародеи заметили свежие следы крови. Следы вели в пугающую темноту. Ольта взяла посох Айлис в левую руку, постучала по полу, вперёд устремилась серия блуждающих огоньков, что летели

вдоль пола, стен и потолка.

Из одного дверного проёма выглядывали знакомые сапоги. Тело дёргалось, казалось, пирующие не слышали голосов и стука посоха, как и не видели, что недалеко от них в коридоре зависло несколько небольших шариков. Ольга рванула вперёд и вслепую разрядила оба посоха в сидящих на Грэлисе существ. Двоих откинуло, но между ними был третий. Девочка-вампир бросилась на чародейку, вцепилась окровавленными клыками в один посох, второй выпал из руки чародейки. Андалф подскочил, стукнул её по голове, девочка упала, кинулась уже на чародея, но тот удержал дистанцию, прислонив посох к шее, стремясь оттолкнуть чудовище. Из комнаты выскочил мальчик, что прижал взрослую чародейку к стене, пытаясь дотянуться до шеи.

— Килина, Эндор, убейте её! — рявкнул Андалф.

На детёнышей со всех сторон посыпались удары. Магию посохов чародеи боялись использовать, чтобы в свалке не задеть своих. Самой Ольге несколько раз прилетало наверху, в момент она едва не потеряла сознание, ибо могучий телом Эндор вошёл в раж и начал лупить всех окружающих.

Всё закончилось быстро. Андалф отделался покусанной рукой, что помогла быстро перевязать Айлис. Килина, сама Айлис и Ольга получили много синяков от посохов. В комнате Ольга насчитала четырёх убитых детёнышей, кажется, тех самых — двое сгорели, остальных забили посохами так, что их истерзанные тела было не узнать. Килина наклонилась над Грэлисом, её испуганный взгляд обратился на спутников. Каменную кладку под мёртвым застилала кровь, судя по всему, четвёртый детёныш слизывал её прямо с пола.

— Давай, пока мана из его крови не высохла! — приказала Ольга.

Тела детёнышей сложили кучей, на них вниз головой положили убитого чародея. Килина сквозь слёзы и фырканье присосалась к его шее. Огненные капли, пронизанные крупинками маны, стекали по её подбородку. Она заплакала, отстранилась в сторону.

— Не могу! Не могу!

Ольга кивнула Эндору, тот за шкуру прислонил кровопийцу к Грэлису.

— От переизбытка крови у неё рвота начнётся, — заметил Андалф, что поглядывал в конец коридора, откуда они пришли.

— Всё нужно сделать быстро... — сказала Ольга и наклонилась к девушке. — Не торопись, глотками, вот так.

— Тебе легко говорить, дрянь безумная! — взорвалась Килина, а видом стала напоминать убитых детёнышей.

— Жаль, я знаю только боевую магию, — спокойно ответила старшая. — Всего одно заклятье дурмана, быстро бы твои мысли в порядок привела. Пей!

Где-то вдалеке послышалось шипение. Короткое. Словно призыв.

— Килина, не останавливайся! — продолжала Айлис. — Пей!

Чародейка упала навзничь. Глаза её светились ярким светом, по щекам стекали слёзы, что смешивались с кровью Грэлиса у подбородка. Чародейка осмотрела свои руки и сказала:

— Вы чувствуете? Эта жажда...

— Дайте ей воды! Где сумка Грэлиса?

— У меня в бурдюке осталось немного! — ответил Ольге Эндор.

— Нельзя воду, её точно вырвет! — громыхнул старик.

— Андалф, что с её лицом? — спросила Ольга. — Откуда морщины?

Килина преображалась на глазах. На её прекрасном белокуром личике, какие Ольга

часто видела на балах во дворце, стали появляться рытвины, щеки слегка впали, обнажились скулы. Она начала нашёптывать заклятья. Ольта услышала знакомые слова, какие произносятся при сотворении порталного окна. Но девушка каверкала их, словно правильный порядок и морфология позабылись ею. Словно она забыла годы обучения в академии, годы практики и навыки.

— Дай... Посох... — прошептала Килина.

— Она хочет запутать нас! — рявкнула Айлис. — В последний момент произнесёт заклятье одиночного телепорта, спасётся сама, а нас съедят!

— Посох! — повторила кровопийца.

Правая ладонь девушки начала заряжаться, в левую она взяла посох. На этот раз заклятье было прочитано точно. Из правой руки в стену направилась волна света, посох в левой руке сформировал контуры портала, чуть меньше дверного проёма.

— Уходите!.. Кровь... Хочу вашу кровь!..

— Она превращается, чёрт бы вас побрал! — рявкнул Андалф. — Свяжите её!

— Мана заканчивается! — прервала Ольта, увидев мерцание волны. — Быстрее!

Айлис первая нырнула туда, спустя несколько секунд вернулась обратно.

— Там лес! Не знаю, какой, но вроде безопасно!

Новое шипение. Оно приближалось.

Следом за Айлис нырнули лихорадочник и здоровяк, которые умудрились протиснуться вместе с полуживой Белис. Андалф подошёл к Килине, но та попыталась укусить его, старик отпрыгнул весьма ловко для своих лет.

— Ольта... — пробубнил он. — Что мы наделали?

Чародейка подошла поближе к подопечной. Слезы прекратились. Она крутила головой, как те маленькие вампириши. Словно разглядывала добычу. Мерцание ослабело. Портал начал сужаться.

— Прости.

Серебряный кинжал вошёл через подбородок, возможно, достал до мозга. Ольта схватила посох и, обнявшись со стариком, бросилась в портал. За спиной раздалось остервенелое шипение.

Портал, что выпустил их из могучей лиственницы, закрылся. Остальные пугливо переглянулись. С руки Ольты стекала кровь. Чародейка отряхнулась, вытерлась о листья куста у дерева, грозно оглядела остальных.

— Неужели не было шанса вытащить её? — спросила полуживая Белис.

— Она себя с трудом сдерживала, чтобы не кинуться на нас.

— Серьёзно, Ольта? — съехидничала та. — Тебе бы только перед герцогиней выслужиться! Мы для тебя — куски мяса с посохами! Это по твоей глупости мы туда попали! Это!..

Ольта взвела посох прямо к лицу раненой. Остальные крутили головами, но молчали.

— Прекрати, — отозвался Андалф и опустил её посох. — Хватит на сегодня смертей и насилия.

— А если... А если эта зараза передаётся через укусы? — спросила Айлис.

— Сядем на карантин, — отрезала старшая. — Доклад герцогине только после многочисленных проверок. Отдайте мне свои посохи. Андалф, возьми половину.

— Это ещё зачем? — возмутился Эндор.

— Для нашей безопасности. Не спорьте.

Поругались между собой. Но подчинились.

— Что это за лес? — спросил лихорадочник, оглядываясь. — Балатасир?

Ольта осмотрелась. Хотя она периодически и выходила в леса собирать свои бесконечные гербарии и алхимические наборы, но все леса севера герцогства и те, что лежат дальше, были для неё одинаковы. Она доложила:

— Солнце проглядывает между крон... Там вижу... Если не ошибаюсь, вершина Манробай. Значит, юг там. Идёмте. На севере остались только горы и... Смерть.

— Ольта, но как наши кони и Коллис с Генвером?

— Надеюсь, Андалф, они спаслись сами. Больше рисковать не будем.

Спустя час ходьбы Айлис упала в ознобе. Ольта взяла посохи у Андалфа, он, с трудом удерживая зачаровательницу, поплёлся позади, пока не отстал. Догнал только к сумеркам.

Из леса вышли почти в полной темноте. От жажды спас лесной ручеёк, но голод давал знать о себе всем и каждому. На горизонте, к югу, замаячили огоньки. Ольта, боясь ночевать в незнакомом лесу, активировала посох и запустила в воздух две шаровые молнии.

— Что ты делаешь? Если это бандиты?

— Это не бандиты, Андалф.

Спустя несколько минут послышался цокот копыт. К воткнутому в землю посоху, из которого Ольта сделала фонарь, подъехали конные в цветах графа Горэссира.

— Госпожа... Айлис?

— Рэндок, слава богам! — оживилась девушка. — Капитан, верните нас домой, прошу!

— У нас раненая, капитан, — добавила старшая. — Будьте осторожнее. И... Старайтесь не прикасаться к нам. Лучше дайте нам отдельных коней.

Тусклое пламя от посоха и фонарей всадников позволило увидеть скептицизм в глазах офицера, но здравый смысл взял своё.

— Парни, по двое на коней! Четверых отдаём им!

— Ольта, а как ты поняла, что это свои? — спросил Андалф, глядя, как Эндор усаживается в седло вместе с Белис.

— Никак. Интуиция.

— Отвечаешь головой, Барет! — прорычал Порлехт на чародея.

— Капитан, оставь показушность, — сказала герцогиня. — Мне точно бояться нечего.

— Почему, ваша светлость?

— Интуиция, — шутливо пролепетала Нарнетт.

Дверь вела в подземные палаты, сооружённые в давние времена специально для знатных преступников и провинившихся. Едва войдя, герцогиня увидела, как Ольта положила трактат, поднялась и поклонилась.

— Карантин можно снимать. Всё в порядке, Ольта. Вы люди. Пришёл ответ из гильдии. А вот... Результаты крови с твоей руки... — Нарнетт присела за стол в соседнее кресло, сцепила руки в замок и положила на них подбородок. — Как такое возможно? У замка негативная аура, которая превращает каннибалов в чудовищ?

— Возможно, древнее проклятье, госпожа.

— Мы здесь вдвоём, они нас не услышат. Говори без официозности.

Она кивнула.

— Ты потеряла одну из трёх чародеев-телепортаторов нашего герцогства. Двух других графы не отдадут мне ни под каким предлогом, о вашем походе узнало всё герцогство.

— Земля слухами полнится, как говорят в народе.

— Теперь ты расскажешь в подробностях, что случилось? В официальной реляции есть пара несостыковок. Словно ты что-то скрыла. Я прочитала между строк. Ведь летописец записал всё слово в слово, а ты всегда, несмотря на свои странности, была красноречива.

Чародейка рассказала. О двух днях плутаний в горах. О том, что у подножия каждого замка находились довольно свежие следы какой-то активной жизнедеятельности. О колодце маны, о том, как одна чародейка подвернула ногу, а затем, словно по злему року, едва не сломала вторую. О том, что ночью в горах не стихал вой. О погоне, загнавшей их в глубокие казематы, о завале, об осознании того, что нужно выбираться, хотя ману явно восстановили не до конца, требовались ещё дни. Об убитых чародеях, о детях-вампирах. Но что-то осталось. Что-то чародейка скрывала.

— Ольта?

— Всё, госпожа.

— Я же сказала — без официозности.

— Больше ничего, Нарнетт.

Герцогиня наклонилась в кресле, чародейка уставилась на неё. Нарнетт слегка улыбнулась, так, чтобы показались резцы. Ольту впечатало в кресло, она задрожала.

— Вы... Госпожа, что это?..

— Это магия. Которую можно применить на любом человеке, особенно на том, что скрывает многое от своей госпожи.

Ольта закрыла глаза, Нарнетт показалось, что она представила ситуацию как сон.

— Килину не загрызли перед тем, как мы скрылись. Я убила её. Чтобы она не бросилась следом за нами в портал. Она говорила о крови. Хотела попробовать нас. Я поняла. Поэтому стала слабеть её магия. Маны в ней было много от убитого чародея. Дикость начинала брать своё. Предполагаю, Нарнетт, что вампиры не умеют пользоваться магией. Их трансформации — это что-то другое. Что-то, близкое к биологическим процессам.

— Я услышала достаточно.

Она встала и направилась к выходу. Ольта бросилась следом.

— Госпожа... То есть Нарнетт, что со мной?

Герцогиня повернулась вполборота.

— За убийство военнослужащей и за принятие нерациональных решений тебя ждёт суд, Ольта. Юридические тонкости уладит канцлер по праву. Прощай.

За дверью Нарнетт услышала рыданье взахлёб.

В её кабинете сидела Табия. Девочка улыбнулась ей, Нарнетт прошла мимо, стараясь не смотреть на неё.

— Как прошёл твой день, тётушка?

— Скверно. Бумаги, придворные, слуги, которых приходится отучивать следовать за моей тенью. Как твои занятия с Эрвией?

— Я уже знаю, что в королевстве больше восьмисот баронств, семьдесят два графства и двенадцать маркитанств!

— Как и герцогств, да. А сколько графств и баронств в моём герцогстве? Коленетт знает.

Девочка закатила глаза к люстре. Постучала пальцами по губам.

— Четыре графства. И... Сорок три баронства?..

— Сорок два. Одно этой зимой соединилось с соседом в рамках личной унии. Не

осталось дворян мужского пола, одни женщины. Эрвия часто это забывает.

— Как интересно, — проговорила она. — А ты возьмёшь меня на объезд своих владений?

— Я объезжаю владения только с Коленеттом, ты ведь знаешь. Он будущий герцог. И должен с малых лет учиться править. Правда, сейчас на дорогах опаснее, чем пару лет назад. Колен пока будет дома.

— Эрвия рассказывает, что он не хочет править... Он хочет балы-маскарады, хочет танцевать, петь, рисовать и участвовать в скачках с девочками и прекрасными рыцарями! А уж сколько раз он хотел на драконах полетать, Эрвия сбилась со счёта!

— Уже хочет показать себя, весь в отца, — улыбнулась Нарнетт. — А что ты делала в моём кабинете? И как попала сюда? Страже приказано не пускать сюда никого, кроме меня и Рилы, конечно.

— Я волшебница. Вместо Ольты. У меня свои секреты, тётушка.

Нарнетт увидела странную искру в глазах девочки. Словно она иронизировала.

Следующим утром герцогиня со свитой направилась в городок Корбайт, что находился в полудне езды от Аргесала. На постоях и в дороге она размышляла над словами Порлехта. Тот допросил своих людей: они не спали, а кабинет герцогини находился на третьем этаже, туда было не забраться одиннадцатилетней девочке. Ни карниза, ни тайного хода, кабинет был тупиковым помещением. Нарнетт пришпорила кобылу и легонько стукнула себя ладонью по лбу, стараясь изгнать дурные мысли.

Делегацию разместили со всеми почестями. После официального приёма, на котором подданные графа Жарнора Горэссира изложили свои проблемы и клятвенно заверили в благочестивости и отеческой заботливости о подданных Старого Лиса, сам Лис остался с госпожой наедине. Слуги и стража покинули зал.

— Нарнетт, когда мы наконец разберёмся с этими проклятыми горами?

— Жар, каждая наша разведка в эти места оканчивается потерями. А крупницы информации не дают ощутимой пользы. Вопрос придётся решать только одним путём. Наши охотничьи угодья на севере в любом случае оскудели, поэтому...

— Они оскудели именно из-за новых поселенцев! Что это за твари? В молодости я, если помнишь, воевал в Нидарийских землях, ходил на восточный материк в составе эскадры королевского флота, сколько диковинных созданий мне удалось повидать, не хватит жизни для описания. Но это?.. Словно адский зверинец пробудился от векового сна в преисподней и явился к нам собирать кровавый урожай!..

Она позабыла, что старик несколько регилиозен. Старый Лис верует во Всеотца, а также в одну из сильнейших илтатрий, великих небесных существ, правящих Небесами наравне с Всевышним. Лартахалио — илтатрия единения мира сущего с миром высшим, Земли и Небес. Верующие в неё — ярые ненавистники демонов и прочих противных Всеотцу существ и явлений. На какой-то момент герцогиню охватил лёгкий озноб, проступили мурашки: за поясом у графа висел массивный посеребрённый стилет. Она боялась показать свои пока небольшие клыки.

— Какие у тебя планы? — продолжал он. — Последний месяц ты ведёшь себя так, словно ничего не случилось.

— Тебе напомнить, что происходит в королевстве? Прошлогодня засуха, из-за которой подорвалась кормовая база по всему королевству; мятеж самого сильного герцогства. Ты

знаешь, что они стоят под столицей, а я проигнорировала несколько писем от королевского совета? Я не говорю о том, что периодически наша мелкая знать выясняет отношения, словно окружающие почувствовали силу! Словно поняли спустя год после отъезда папы, что я — не его продолжение. Что я неуверенна, слаба, импульсивна. Что я скорее делегирую власть вниз, откуплюсь от ответственности, чем постараюсь наладить всё сама. А я пытаюсь. Учусь. Отец воспитывал меня как правящую герцогиню, а не как герцогиню-мать или девицу для балов. Но мне всегда чего-то не хватало...

— У тебя есть любимый сын, мы, графы, верные не только твоему отцу, но и тебе. Есть сильнейшая чародейка в герцогстве... Кстати, почему она не приехала? Обычно ты берёшь её с собой.

— Ольта... Приболела после своей экспедиции. Сидит на карантине.

Граф что-то заподозрил, но не подал виду. Нарнетт задумалась. И начала говорить:

— Жарнор... Если я попрошу тебя выставить в поход все свои силы, сколько ты соберёшь? Нет, я говорю не про списки, что мы получили. А про реальные цифры.

— Что ты задумала, милая Нарнетт? — слегка удивился Лис.

— Собрать всех, кто способен держать оружие, снарядить осадные орудия и уничтожить всякое свидетельство существования жизни в горах. Готова открыть нашу резервную казну, нанять чудодейственных магов с далёкого юга... — Нара сама не верила в то, что говорит. — Никто не разубедит меня в том, что эти горы должны умолкнуть. Никакого воя, никаких страхов. Это наше и точка.

— Ты не хочешь дожидаться возвращения своей семьи? Хочешь сделать сама?

— У меня есть двоюродный дядя, троюродная тётка, несколько далёких кузенов...

— Дядя — старик, его дети — бароны-шалопай. Тётка монахиня, а далёкие кузены — мелкие орденские рыцари. Это не семья.

Нарнетт постучала ногтями по столу. Заметила, как странно выглядят складки на её пальцах. Местами кожа начала трескаться, чего она не видела с подростковых лет. Нервы изменяли её.

— Гхм... Хочу решить проблему грубой силой. Ибо аккуратно — ничего не получается.

— Не убивай нас, дорогая, — граф пододвинулся в кресле, взял её левую руку. — обратись за помощью к сильным мира сего. Пусть сюда явятся мятежники. Если их мотивы, о чём говорят в тавернах, гильдиях, орденах, университетах и замках хоть на какую-то долю правдивы, то благородства им не занимать.

— Сожжённый дотла замок с истреблением целой высокородной семьи?.. — процедила она. — Уничтоженная конная гвардия?.. Эти люди — мясники. Я никогда не обращусь к ним за помощью. Сколько сил, мой милый друг? Прости за настойчивость.

Мелкий рубец на её указательном пальце лопнул. Из него сочилась странная, подобная гною жидкость. Она немедленно достала платок, обмотала им ладонь.

— Двести восемнадцать рыцарей и оруженосцев, включая баронских. Но их никто никогда не соберёт в полном составе. По крайней мере, если не будет прямой угрозы. А многим плевать на горы, ещё и погибнуть можно, ничем не поживившись. Тайна пугает людей, Нарнетт. Что там происходит — одним богам известно. Если Всеотец не отвечает на наши молитвы, значит... Разумно ли будет оградиться от севера с проснувшимся там злом?

— Мы уже два месяца строим засечную черту, — отвечала герцогиня.

— Я не о физической составляющей.

Нарнетт задумалась. Развернула платок, рубец зажил. Осталась лишь мелкая точка,

словно укол.

— Береги тех, кто есть. Кажется, я знаю, что нужно делать. И как по-настоящему провести границу между двумя мирами. Сегодня ночью у вас, с первыми лучами возвращаюсь домой. Остальные графы подождут.

Она встала и направилась к выходу. Граф остался в глубоких раздумьях.

Три дня подготовки, отмена всех поездок. Приказ по всей земле, приказ по Аргесалу и окрестным городишкам: прибыть в назначенный день конно и оружно, с боевыми слугами, если таковые имеются. Только профессионалы, никакого ополчения. Для чародеев отдельное упоминание — взять запасы бутыльков маны в ударостойких колбах. Таковые, если у кого-то не было, можно было получить в герцогской лаборатории. Ольте они уже были не нужны.

За ворота снова выехали до рассвета. Двигались два дня. Несколько привалов, две подвернувшие ногу лошади, постоянные доклады от охранения и грифоньих наездников. Нарнетт боялась, но страх тот был иррациональным. Абалтун что-то скрывал, потому не рассказывал больше, чем позволено знать простым смертным.

Птицы кружили над отрядом. Герцогиня насчитала не меньше двух десятков: вороны, сойки, дрозды, горные вьюны. Абалтун или его «слушатели» совершенно не боялись обнаружения, ибо птицы вели себя весьма хамовато. Один из рыцарей пожаловался на то, что у него вырвали трубку прямо из рук, а другой стряхнул с подшлемной шапки что-то белое.

Осторожно, получая доклады от разведки, отряд въехал в лесок. Доехали почти до склона больших гор. Там, наверху, меж крон деревьев мелькала вершина Манробай о двух пиках-близнецах. Красовавшуюся на гербе герцогства вершину Нара никогда не любила, ибо она олицетворяла собой фальшивость фамильного герба. Эти земли давным-давно были отвергнуты от герцогства Сальвиар по причине малонаселённости и труднодоступности, потому Мэссиры носили на одеждах и стягах знак, на который никак не могли претендовать.

Конные остановились, Нарнетт пропустили вперёд. Девушка увидела между деревьев остывшую от крови землю, останки одежды и кости. Нарнетт насчитала несколько конских черепов, а также два человеческих скелета.

— Это те, кто за лошадьми следил, — пояснил окружающим Андалф. — Патруль их обнаружил следующим утром после того, как проводил нас в безопасное место.

Капитан Порлехт и генерал Бехауст, словно сговорившись, в очередной раз окружили герцогиню и взмолились, желая оставить её хотя бы рядом с укреплениями. Очередной отказ, очередная едва слышимая ругань в отдалении. Они не знали, насколько в последние недели обострился слух их госпожи.

— Андалф, прости за напоминание, но проверь ещё раз посохи, — приказала она, едва старый чародей вновь подъехал к ней.

— Только что, ваша светлость. Мы готовы к бою. Но... Госпожа, вы взяли только домашних рыцарей, гвардейцев и чародеев. Ни одно графское знамя, ни один ваш верноподданный барон...

— Не следует обсуждать решения вышестоящей власти, чародей, — услышал он в ответ.

Впереди показался крутой подъём. Оттуда спустилась тройка лихих разведчиков, что едва не сломали строй.

— Наверху дозоры, ваша светлость, — доложил капитан разведчиков. — Никаких

следов чудовищ.

Послышались повышенные тона. Нарнетт обернулась, несколько рыцарей, спешившись, ругались друг с другом. Она слышала скептицизм, выражаемый самым могучим на вид великаном, слышала, как его пытается уговорить Мэльдэн, а затем и Бехауст. Но за гиганта заступались другие. Постепенно отряд делился. Только чародеи сохраняли нейтралитет и разведчики, что продолжали в подзорные трубы оглядывать округу.

— Заяц, оседлавший улитку, — заметила Нара. — Что за прекрасный сир носит сей прекрасный герб, Мэль?

— Сир Орто, — отвечал друг герцогини. — Победитель трёх престижнейших турниров герцогства.

— Кажется, припоминаю. Странно, что такой великан позабылся.

— Он приносил присягу вашей светлости два года назад, владычица, — сказал генерал, отойдя от спорящих. — Как и вашим родителям до этого.

Нарнетт подъехала поближе, желая рассмотреть смутьяна. Лицо принадлежало не человеку, но медведю. Щетина, отметины, родимые пятна, между морщин гуляли большие хищные серые глаза. Мордой сероглазый медведь смерял окружающих взглядом осуждающим и презрительным. Хотя трусом в данной ситуации был именно он и его поддерживавшие.

— Гербы весьма обманчивы, сир Орто, — сказала герцогиня, а окружающие поклонились. — Вы позабыли, перед кем целовали перст? Из трёх десятков мужчин только вы не удостоили поклоном нашу светлость.

— В данной ситуации, госпожа, ни титулы, ни почёт не играют большой роли, — отвечал рыцарь со странным гербом. — Только здравый смысл. Весь путь до этих гор я уговаривал спутников выступить с обращением. Попытаться образумить вас.

— Как можно! — взмолился один из лоялистов. — Ваша светлость, позвольте мне побеседовать с сиром Орто! Я!..

— Мой клинок в вашем распоряжении, владычица! — вторил другой.

Медведь отошёл назад, расстегнул ремень на груди, подхватил щит и обнажил клинок. Защитники герцогини не дёрнулись, только крутили шлемами. К рыцарям подбежали гвардейцы.

— Прошу убрать оружие! — рявкнул Порлехт. — Вы находитесь при благородной госпоже, сир Орто!

— Успокойтесь. Я его не боюсь.

Нарнетт без помощи перепуганного слуги слезла с лошади, подошла к рыцарю-зайцу, на чьём гербе было бы разумнее нарисовать медведя. Он пристально смотрел на неё, но клинка не отводил. Пока клинок не коснулся её кафтана.

— Убери оружие, иначе спишем за боевые потери, — процедил Мэльдэн сбоку, а Нарнетт увидела краем глаза арбалетное ложе.

Она подошла поближе, медведь отвернул остриё в сторону. Встала так близко, что разглядела в его глазах не злобу, но тоску. Словно он заранее хоронил и себя, и окружающих. И пытался хоть как-то донести до окружающих свои мысли.

— Ваша светлость, готов ответить за своё хамство при дворе. Я...

— С детства меня учили, что рыцари не боятся ничего, — она почувствовала лёгкое жжение в глазах. — Вы опора и становой хребет нашего королевства. Первые в бою, последние на пиру. Сир Орто, я призываю вас вернуться к исполнению вашей клятвы. Этого

врага можно победить. Он смертен. Но достичь его смерти можно только нашим единством. Именно единством человечество побеждало великие цивилизации древности, а также подчиняло окружающий мир. Не нарушайте его.

Никто не заметил, как блеснули её глаза. Рыцарь замер как вкопанный. Нарнетт пыталась понять, что она с ним делает. Опустила арбалет Мэльдана и спросила у него:

— Что с ним?

— Зомбирован, — пояснил спутник. — Взгляд как у слабоумного. Эй, сир Орто!

Он не отреагировал. Окружающие удивлённо взглянули на герцогиню. Но рыцарь спас ситуацию.

— Прошу прощения, владычица, — сир Орто схватился за голову и пал на колени. — Тёмные бесы явились воочию, подвели меня к котлу в преисподней!..

— Что за чушь? — удивился Мэльдан.

— Мы теряем время, — сказал капитан разведки. — Ваша светлость, прошу прощения за этот демарш, но подъём наверх может занять не меньше получаса!

Нарнетт взяла себя в руки, отдышалась, погладила щетину медведя. Его взгляд прояснился, от удивления ему перехватило дыхание. Герцогиня прислонилась к самому его уху и прошептала:

— Будь осторожен, в этих горах очень опасно.

Часть коней с охраной и дозорами оставили внизу. На удивление поднялись быстро, особенно Нарнетт, что весь путь держала подол одежды в руках. Герцогиня рвалась вперёд, а Мэльдан и Порлехт постоянно удерживали её от этого. Дозорные вокруг крутили головами, искали потенциального противника. Чародеи расположились между нескольких башен и одного замка, приступили к сооружению приготовленного заранее устройства. Из седельных сумок начали доставать какие-то чародейские приборы. Нарнетт издали посматривала за подготовкой, но не понимала назначения этих колб, трубок и небольших чайников, напоминающих крошечные печки. Особенно удивляли стёкла, размером с зеркала туалетных столиков. Неприязненно к обстановке относился и сир Орто, что с опаской поглядывал на герцогиню и её спутников издали.

Волшебники закончили, Нарнетт отдала приказ. Чары нескольких посохов, а также из ладоней самых даровитых и способных магов начали работать по зеркалам. Лучи магии, отражаясь от стекла, превращались в волны подобной целительной магии, светлые, тёплые, обнадеживающие. Лучи облепили древние окна и распахнутые двери в окружающих небольшое плато постройках, забрались внутрь. Андалф, что командовал своими сослуживцами по посоху и боевому свитку, впал в транс. Глаза его налились белым светом, а уста произносили нечеловеческие слова.

Что-то мелькнуло, Нарнетт присмотрелась к развалинам замка. Зрение не подвело, краем глаза она уловила нечеловеческую тень в одном из окон. Послышался лязг стали, рыцари и гвардейцы окружили чародеев и герцогиню.

— Не могу! — рявкнул Андалф, глаза его продолжали изливаться магию. — Кто-то хватает меня! Кто-то пытается перетянуть чары на себя! Обратись против нас!

Нарнетт осматривалась. Увидела неподвижный силуэт на одной из башен. Казалось, другие не видели его. Нечеловеческое зрение позволило распознать ей черты лица этого существа. Черты лица одного придворного рыцаря, что служит её родным на далёком востоке.

— Давайте в ту башню!

— Ваша светлость, зачем?

— Наверху, кажется, я заметила обсерваторию! Порлехт, собери отряд. Осмотрим оттуда округу! Сир Кэрвдон, стойте с рыцарями здесь!

— Ваша светлость, я настоятельно рекомендую вам!.. — воспротивился командир рыцарей.

— Собраться и покончить с этим безумием, Кэрвдон! — взорвалась она. — Раз и навсегда!

Пока основной отряд продолжал держаться во всеоружии против невидимого противника, который, возможно, и не планировал атаковать, небольшой отряд бросился в неприметную на фоне других башню. Разведчиков ждали долго, двоих не дождались вовсе — тех, что отправились проверить подземелья. Двери вниз Нарнетт распорядилась запереть и поставить тут стражу. Таинственный шёпот в голове звал её именно наверх. Она выглянула в одно из окон, снаружи ничего не поменялось, рыцари и чародеи были начеку, магия из странного прибора продолжала попытки проникнуть в окрестные постройки и просканировать их на наличие здесь органической материи.

— Мэль, я слышу его голос внутри... — проговорила Нарнетт, осторожно ступая за гвардейцами по мрачному коридору. — Он зовёт меня к себе. Хочет поговорить. Внушает это, ибо язык его мне непонятен.

— Это галлюцинации, дорогая, — отмахнулся её друг. — У меня тоже от наших фонарей помутнения какие-то, призраки мерещиться стали и... О, Всеотец!

Идущие впереди повернулись, Мэль заслонил Нарнетт так, чтобы они не увидели её, и пояснил:

— Всё в порядке, идите, я кое-что забыл рассказать нашей владычице...

Как только гвардейцы прошли в следующий тёмный коридор, Мэль прижал Нарнетт к стене, поднёс к её лицу фонарь. Она не двигалась, не понимая, что он делает.

— Клянусь всеми богами и илтатриями, Нара, когда я взглянул в твои глаза, на меня смотрела не ты... В темноте твои глаза слегка подсвечиваются. Раньше не видел такого.

— Что?! — удивилась она. — Это огоньки фонарей отражаются!

— Я не спутаю мутацию с физическим явлением! Твоя трансформация проходит слишком быстро! Нужно срочно явиться к этому ублюдку-отшельнику, пускай останавливает развитие!

— Ваша светлость! — послышалось позади. — Всё ли в порядке?

— Всё хорошо, дайте нам поговорить. Мэль, я к нему ни в жизнь не вернусь! Он из меня психического инвалида сделает!

— Лучше остаться инвалидом, чем живым мертвецом! Ты пока дышишь, пока любишь, сочувствуешь, но в тебе всё больше агрессии! Не такой, как раньше, не женской агрессии. А животной!

— Ваша светлость! Кто-нибудь?! — послышалось уже впереди.

— И что ты сделала с этим оболтусом полчаса назад внизу? Словно ты подчинила его себе, хотя с детства придворные чародеи изучили тебя. Нет в тебе способностей к магии, нету!

— Я не знаю... — растерянно отвечала она. — Не понимаю, что со мной происходит. И боюсь понимать. Пойми, что мне некому довериться, кроме тебя, родителей и мужа. Уверена, они бы подсказали, нашли бы выход. Думаю...

— Мне показалось или?.. Слышишь? Грохот.

— Это впереди.

Мэльдан обнажил оружие, снял круглый щит с ремня на спине, взял в руку, прикрывая спутницу.

— Куда они пропали? — спросил он. — Возвращайся к тем, кто остался позади. Я проверю. Если что, беги, не оглядывайся. Мы попали в ловушку по твоей воле, дорогая.

Нарнетт застыла на месте, держа фонарь перед собой. Её друг детства исчез. Впереди раздавался шум, словно гвардейцы сцепились с кем-то. Или пытались выбраться из-под завала.

— О, Всеотец, какая же я дура! — прошептала она. — Привела своих людей в логово к чудовищам! Осадные орудия! Нужно было превратить эти развалины в труху, а... Мэль?

В дверном проёме, где пропал барон, стоял неподвижный силуэт. Не столь великий, как Мэльдан. Нарнетт попыталась назад, упёрлась в запертую решётку. Попыталась открыть, но слышала, как кто-то звенит связкой ключей.

— Это ты звал меня в моей голове? — обратилась она к незнакомцу.

— Мне тяжела ваша речь, женщина. Ближе.

Она не тронулась с места, готовясь ударить его фонарём.

— Почему нет крика, — прозвучало не как вопрос, а утверждение. — Тогда подойти надо мне.

В доли секунды перед её фонарём оказался худощавый мужчина, чуть старше её самой. Глаза его — бледно-слепые, цвета выпавшего снега. Нос — узкий, ноздри приподняты вверх. Уши слегка торчали вверх, словно у него была эльфья кровь. Одет в лохмотья не по размеру, на пальцах что-то похожее на перепонки. Вместо человеческих ногтей: когти невиданного лесному зверью размера.

— Это ты прилетел к Табии? — борясь с дрожью в голосе, спросила она.

— Кто Табия.

— Девочка с такими же, как у тебя глазами.

— Я не умею летать.

Нарнетт не сводила взгляда с двух неморгающих точек, что буквально истязали её. Он стоял не больше, чем на расстоянии вытянутой руки от неё.

— Ты вампир?

— Кто есть вампир.

— Чудовище, что питается кровью, — с неприязнью выдавила она.

— Не нужно крови.

— Кто ты такой?

— Нет.

— Что нет?

— Нет, — он слегка наклонил голову, эмоций на страшном лице не было вовсе.

— Как с тобой разговаривать, если ты меня почти не понимаешь? Ох, начну сначала...

Ты звал меня, видимо, увидел сверху, как и я тебя.

— Тебе принадлежит наше зрение. Ты часть нашей семьи.

— Я не мертвец! Нет! Я живая!

— До каких пор, — снова утверждение, а не вопрос.

Нарнетт подскосило, она рухнула на пол, прижалась к решётке.

— Что тебе от меня нужно? Зачем ты звал меня? — сдерживая слёзы, спросила она.

Он наклонился, присел на корточки, обхватил колени когтистыми руками и начал

говорить:

— Тебе рано приходить сюда, в родной дом. Герцогиня. Ты одно лицо прабабка Эндаррия.

— Откуда ты знаешь её? Она умерла почти сто лет назад.

— Покой её в одной из соседних башен.

Нарнетт охватила лицо от ужаса. Он улыбнулся, зубы его — наточенные клыки, все до единого.

— Моя прабабка... Тоже из вас?

— Ты из нас также.

— Как? Но почему? За что?!

Кто-то услышал её крик, но ответный крик был слишком далёким. Несмотря на разруху, стены давали драгоценную тишину и покой обитателям.

— Морны. Морнги... — он пытался подобрать нужное слово, но не мог выговорить одну букву. — Моргунеры. Нет. Сложное слово. И такое простое.

— Ты можешь позвать кого-то, кто лучше понимает нашу речь?

Он вновь наклонил голову, встал, обратил взор в дальний конец коридора. Снаружи слышались свист, грохот, громкая ругань. Рыцари явно пытались вломиться в башню, но кто-то не пускал их. Нарнетт не успела опомниться, как почувствовала дуновение. За спиной незнакомца выросла фигура ещё более изящная, обмотанная богатыми лохмотьями. Пленница поднесла фонарь и сразу выронила его. Незнакомец поднял, дал ей в руки. Над его плечом на герцогиню смотрела её копия, ещё более страшная, таинственная и безэмоциональная.

— Рада знакомству, правнучка.

Нарнетт охватила истерика. Чем ближе её пожилая копия приближалась к ней, тем сильнее она хотела умереть и никогда не видеть её.

— Не бойся. Мы не причиним вреда, — говорила она почти неотличимо от человека. — Ты наша кровь.

— Вы... Вампиры, о, Всеотец?!

— Забудь это имя, дитя, — старуха показала на свету обоюдоострые когти. — В этих горах другие боги.

— Кто вы, раздери вас Пантеон?!

— Твои предки, — отвечала она. — Не все. Но многие.

Нарнетт оглянулась, свет не пробивался далеко в коридор за решёткой. Девушка хотела закричать, позвать своих, но боялась полуфутовых когтей мужчины и чуть менее коротких когтей своей пожилой копии.

— Ты должна понять, что все проходили через это. Все из нашего рода. Герцоги Мэссиры независимо от пола и наличия в себе крови чужеземцев всегда стоят перед выбором. Стать одним из нас, если угодно — вампиром, или остаться человеком. Я, к примеру, приняла выбор в старости, потому законсервировалась такой. А с тобой... Проблема в том, дорогая правнучка, что за тебя кто-то сделал выбор. Кто-то опасный, кому подвластна магия, выходящая за пределы нашего понимания.

— Откуда вы это знаете?..

— Из опыта. Несколько раз королевские чародеи вмешивались в естественный процесс роста. Роста нашего сообщества. Кто-то из них также присоединился к нам. Кто-то остался в казематах в качестве источника пищи, пока его тело не остывало.

— Значит... — она всё ещё не могла прийти в себя, дыхание сводило, слова терялись. —

Наш род — проклят?

— Не совсем, — продолжала Эндаррия. — Кто-то называет это даром. Кто-то — погибелью. Кто-то — естественным порядком вещей или мерой необходимости. Род морнцев, первых людей, населивших этот материк, изначально был «с изюминкой». Вполне возможно, что это тлетворное влияние одной из тех сущностей, каким молятся великие народы.

— А моя семья?

— Твоя мать — не наша кровь. А отец в своё время сделал выбор. Отказался от дара. Предпочёл удел смертного.

— А дедушка, твой сын?

— Кринцет также отказался.

— Но почему ты согласилась? — Нарнетт слегка успокоилась, но сердце продолжало яростно вырываться из груди.

— Люблю нашу семью. И тебя считаю частью её. Мы не чувствуем, но что-то на инстинктивном уровне во мне осталось. Надеюсь, это то чувство.

— Мои люди внизу... И я, мы все живые. Почему вы не нападаете?

— Высшим, что созданы с помощью ритуала, не нужны плоть и кровь, — отвечала Эндаррия. — А низшие, более дикие, не нападают из-за тебя.

— Из-за меня?

— В тебе чуют родную кровь, кровь вожака. Монстра, если угодно. Ты обладаешь таким же запахом, как твои люди. Их много, хорошо вооружены. Но диких ещё больше. Однако многие спят, потому не волнуйся за свою охрану.

— Руины давно заброшены, откуда здесь целый выводок упырей? Вас ведь истребили в Великую войну!

— Наш род, высших, обладающих разумом, не связан с обычными упырями, дитя, — отвечала прабабка. — Эти и иные руины в горах заброшены долгие века. После Великой войны тут были только часовые посты, что со временем оказались заброшены. А низших здесь появилось много как раз после окончания войны, так они спасались от копий Коалиции, что разгромила королевство мёртвых. Мы вступили с низшими в некий симбиоз. И они приняли нас, как старших.

— О, милостивые боги, значит, руины в горах не заброшены?

— Не все, но во многих высокогорных башнях и замках обитаем мы. Многие спят вечным сном, включая верховного лорда. Кто-то спит мало, как я и мой спутник.

Тот прошипел, словно поддержал. Вдалеке раздались знакомые голоса. Судя по грохоту, рыцари всё же смогли выбить массивную, окованную железом дверь.

— Вы можете обратить этот процесс вспять? — возмолилась девушка. — Моя трансформация в последний год проходит очень быстро! Пропадает аппетит, вино усыпляет, постоянно хочется чего-то другого, но сама не знаю, чего! Слуги пускают слухи, что я брожу по кухне в поисках крови, что осталась от разделки звериных туш! У меня подорвалась психика, а моё дитя перестаёт улыбаться мне и... Подожди, бабушка, моего сына ждёт тот же выбор?

— Когда-нибудь.

Она сжала кулаки, прижала голову к стене. Бонет и капюшон пропускали ледяной холод, что ударил под самые виски.

— Я не отдам вам своего сына! — прервала Нара молчание.

— Это не тебе решать, а ему.

— Нет! Вы не заберёте его у меня!

Герцогиня вскочила и угрожающе выставила фонарь вперёд. Вампиры сверкнули глазами, две пары рубинов какое-то время рассматривали её из-за мерцающего огонька. Меняли цвет глаз чудовища в доли секунды.

— Дитя, ты причинишь вред криками и эмоциями и себе, и своим близким, — сказала Эндаррия.

— Вы не моя семья... Я не хочу быть чудовищем! Превратите меня обратно в человека! Как это можно сделать?

Они уставились друг на друга, прошипели что-то, словно кошки.

— Есть ритуал. Но он требует жертвоприношения. Реши, готова ли ты пожертвовать кем-то, кто дорог для тебя.

— То есть?.. Убийство?

— В каком-то смысле. Должна быть уплачена кровь, близкая кровь. Иначе илтатрия крови соберёт свой урожай с нас.

Нарнетт покрутила головой, не веря сказанному.

— Илтатрия крови? — спросила она. — Мэледенне? Один из духов света покровительствует вампирам, живым мертвецам?!

— Не она создала нас, но под её священным крылом мы нашли приют. Эта илтатрия официально не служит Небесам, — ответила старуха, черты её лица слегка очеловечились, пропали скулы, а в глазах проявилась радужка, также вернулся болотный цвет. — Она, если угодно, проводница из одного мира в другой. Мы, вампиры, хранители этого пути. Когда-то, когда вайев, из крови которых наш род состоит наполовину, не было здесь, как и их королевства. Этот мир принадлежал куда более могущественным силам. В том числе — силам мёртвых.

— Недавно один мудрец рассказал мне, что смерть — такая же часть всего сущего, как и жизнь.

— Мудрецы часто витают в облаках, — отвечала правнучке её старая близняшка. — Но в его словах есть доля правды.

— Нет, никакой жертвы, должен быть другой путь! Никто не должен страдать из-за нашего проклятья!

Умолкли. Незнакомец продолжал молчать, изредка поворачивая голову к старухе. Нарнетт поняла, что они умеют общаться ментально, а шипение используют для обозначения целей.

— Как проходит ритуал? — спросила наконец девушка.

— Его может провести любой из старших, не я. Например, верховный лорд. Или кто-то из лордов второго порядка.

— Святые души, у вас есть свой... Герцог? У него свои подданные?

— Не герцог, но старший, самый древний среди всех нас. Но пока он пребывает в вековечном сне. Восстанавливает силы.

— После чего?

— После Великой войны.

Нарнетт обомлела.

— И на чьей стороне он сражался? — после молчания спросила она.

— Ни на чьей. Он сражался за наш дом, за эти горы. А за кого и против кого — не имеет значения.

— Всеотец, прости, что я не верю в тебя... Уведи меня отсюда, ущипни, скажи, что это всего лишь сон...

— Моя дорогая, тебе следует знать, что...

Эндаррию прервал грохот, треснуло дерево. В коридор хлынул поток воздуха.

— Это мои люди. Им нельзя увидеть вас!

— Я найду тебя, дитя. Обещаю, — сказала старушка, и оба горных жителя скрылись в темноте коридора.

— Ваша светлость, вы в порядке? — за решёткой позади показался Бехауст. — На вас лица нет!

— Генерал, где наши люди? Что происходит?

— Эти руины зачарованы! Двери закрываются сами собой! По пути сюда произошло несколько обвалов... а где ваше сопровождение?

— Выломайте дверь, они прошли дальше!

Два крепких рыцаря с нескольких ударов вынесли решётку, Нарнетт бросилась на шею к генералу и нервным тоном сказала:

— Мэльдан, Порлехт и его люди там... Нужно найти их.

Они прошли дальше, выбили ещё две двери. Поднялись по лестнице, у третьей двери сняли засов.

— Они были здесь, ваша светлость. Прошу, останьтесь позади. У меня дурное предчувствие.

— Генерал, поверьте, самое страшное, что могло случиться, уже произошло. Я не боюсь того, что впереди.

— Прошу простить за бестактность, — сказал Бехауст чуть тише, — но вы дрожите, у вас лёгкий озноб. И, кажется, стучат и... Кровоточат зубы.

Нарнетт прикрылась ладонью, достала платок.

— В самом деле. Вперёд, генерал. Доберёмся до верха и найдём наших.

Очередная дверь, заперта на засов. За ней оживлённые беседы.

— Нара! — воскликнул Мэльдан. — Эй, убрать оружие! Совсем перепугались что ли? Это свои!

— Мэль, вы целы?

— Целы, нас кто-то запер! Не иначе как привидения здесь водятся! Нужно было подниматься с чародеями, а не твоими дуболомами, — на этих словах капитан позади недовольно сплюнул. — Я сверху видел, как пытались дверь выломать. Башня дрожать начала! Нас бы тут похоронить могло!

— Поверь, эта башня гораздо крепче, чем кажется на первый взгляд, — заметила девушка. — Вы никого не видели, не слышали?

— Слышали какой-то бубнёж из трещин в кладке. Но кто и откуда, не знаю.

— Кажется, там лестница. Посмотрели, что там?

— Да, она ведёт наверх, повсюду пустые комнаты, вместо мебели — дрова, — отвечал герцогине Мэльдан. — Здесь же проход на крышу. Или на то, что от неё осталось.

— То есть?..

Поднявшись наверх, Нарнетт чуть не провалилась. Лестница заканчивалась провалом под самым парапетом крыши. Мэль удержал подругу за талию. Он был единственным, кому

она позволяла такое. Хотя кто-то, судя по глумливым всхлипываниям позади, всё же увидел это.

— Держись за меня. Осмотрись, тут красиво, если не считать этих зазнаек внизу, у которых то чары, то посохи не работают.

Она огляделась. Горный ветер словно в назидание ударил в лицо, зашелестели редкие деревья на этом плато, заговорили мрачным воющим тоном трещины в стенах башен и замка. Горы вокруг блестели белизной ледников, а всего в паре итт над головами красовалась вершина Манробай, там же виднелась старая плотина. Люди внизу успокоились, чары прекратились. Чудовища так и не напали на незваных гостей.

— Ты бы хотела, чтобы эти места были частью вашего герцогства? — спросил Мэль.

— Да, хотела бы. Нужно обыскать другие постройки, пока ещё полдень. К закату мы должны собраться и убраться отсюда.

— Думаешь, эти существа, что напали на нас у Абалтуна, активничают только ночью?

— Не хочу проверять, — отвечала Нара. — Ищите следы. Спускаемся.

Поиски не увенчались успехом. Нашлись те самые двое разведчиков, которые на самом деле заблудились в подземельях. Они доложили, что довольно небольшая башня имеет весьма обширные подземелья, а генерал заключил, что вся эта оборонительная система в горах связана между собой. Нарнетт задумалась, побродила возле отдыхающих у костра рыцарей и чародеев, после подошла к военачальнику.

— Получается, эти туннели нужны для обороны? Как у вас это называется?

— Продвинутая многоуровневая система защиты, ваша светлость, — отвечал Бехауст. — Если возьмут одну башню, гарнизон по туннелям может отступить в другие, а за собой завалить ход. Я видел что-то похожее в Нидарии, крепость Орусне. Она огромная, там гарнизон в тысячу человек размещается, много башен. Но всё же это единое оборонительное сооружение.

— Может ли такое быть, — задумалась она, глядя на подошедшего Мэльдана, — что это башни и донжон огромной высокогорной крепости? А стены её засыпаны либо чьей-то рукой, либо временем.

— Кому может прийти в голову строить здесь такое сооружение, — возмутился молодой барон, — если внизу склон градусов в тридцать? Одна засечная черта, даже стен не понадобится!

— Ваше благородие, предполагаю, что склоны могли соорудить рукотворно. В далёкие времена западное герцогство с помощью могущественных южных магов опустилось с утёса к берегу, так появились крупнейшие порты королевства.

— Я не верю в эти байки, генерал, — не согласился Мэльдан.

— А что, если... — задумалась вслух Нарнетт. — Укрепления нужны не против осады с земли, а против нападения с воздуха?

Мужчины переглянулись.

— Помните доклад от гончего отряда? — продолжала она. — Пульсирующая сотнями точек туча застыла над горами в нескольких иттах к северу отсюда. Что, если эти упыри умеют летать?

— Госпожа, горы спали целые века, — воспротивился Бехауст. — Упыри же появились совсем недавно. Эти руины древнее нашего королевства, скорее всего построены снакрами, людьми, что жили здесь до нас. Прошу прощения. Я забыл, что вы наполовину морнка, а морнцы древнее снакров.

— Я вайнка, генерал. Прошу быть внимательнее, — поправила она, а тот поклонился. — Что ж... Вот и он.

Старший чародей поклонился, развернул перед государыней пергамент со светящимися отметками и начал отчитываться:

— Ваша светлость, мы закончили. Много посторонней энергии, происхождение незнакомо. Живой материи тут нет, но есть много мёртвой. Гхм...

— Андалф? — уточнила она.

— Вы сказали, что нашли в той башне несколько скелетов, верно?

— Древних, правильно сказать.

— Проблема наших исследований в том, что магия не делит неживую материю на собственно окончательно прекратившую подавать признаки активности и материю оживших мертвецов. Мы с вами, ваша светлость, ваше благородие, господин генерал, разбили лагерь над настоящим могильником.

Мэльдан рефлекторно посмотрел под ноги, генерал и Нарнетт оглядели руины.

— А призраков ваша магия чувствует?

— Нет, господин барон, — отвечал старик. — Призраки с физической точки зрения пребывают в потусторонней реальности. Поэтому с ними тяжело сражаться. Возможно, тут обитают именно они, у нас нет уверенности.

— Отряд Ольты пропал именно в самом замке, — констатировала девушка. — И до самых глубин их преследовали эти твари... Но это были вампиры, а не упыри. Я запомнила, как выглядело то чудовище в лесу, перед тем, как Абалтун забрал его тело к земле. Оно выглядело как безглазое, аморфное нечто с длинными конечностями, одетое в лохмотья.

— А вместо волос — чёрная солома колосьями, — дополнил Мэль.

— Ваша светлость, — обратился Бехаус, — мы не осматривали именно замок. Вы хотите?..

— Нет, генерал. Я решила окончательно. Это опасное место. Если отряд опытных чароделов выбрался отсюда с большими потерями и угрозой заражения, то что говорить о нас?

— У нас здесь сто двенадцать рыцарей с оруженосцами, восемь чароделов и рота гвардейцев, — заметил барон. — Генерал, вы более сведующи в военном деле. Реально ли зачистить главный корпус нашими силами?

Бехауст оглядел руины, покрутил пальцем усы и сказал:

— Рыцари пригодны для конного боя, чародеи для работы на открытых пространствах. А гвардейцы, прошу простить вашу светлость, годятся только для парадных смотров. Здесь нужны другие люди. Егеря, сапёры. Возможно, бронированная коробка пехотинцев с башенными щитами и коротким оружием смогла бы что-то сделать. Но я боюсь хоронить их здесь.

— Значит, тупик, уважаемые господа, — объявила герцогиня слегка высокопарно. — Что же касается экспедиции чароделов, Андалф, ты помнишь?..

Её прервали крики снизу. Люди оглянулись, схватили оружие. По склону на плато поднялся, загоня вусмерть жеребца, юный разведчик.

— Ваша светлость, генерал! — начал он, едва остановившись рядом. — Дозор обнаружил скопление каких-то существ в небольшой пригорной долине! Вон там, за хребтом!

— Расстояние?

— От нас где-то три итты, генерал!

— Не учуяли? Интересно, — подметил Мэльдэн. — Нарнетт, вижу по искрам в твоих глазах, что отговаривать тебя бесполезно. Но доверь это дело мне, хотя бы раз.

Он схватил её за руку, окружающие испуганно переглянулись. Она грозно сверкнула не своими глазами, глядя на него. Мэль с лёгкой улыбкой ответил:

— Не такая уж ты и страшная, госпожа, особенно в гневе. Роцек, Виглахт, снимайте доспехи! Собрать ещё троих, посмотрим на таинственных горных жителей поближе!

— Я приказываю оставаться здесь! — воспротивилась герцогиня.

— За нарушение приказа отвечу по прибытии, — ответил он и с помощью оруженосца сел на коня.

Нарнетт едва не покраснела от злости. Мало было слухов, потоков лжи, что лились из каждой дверной щели дворца и каждой сточной канавы Аргесала, но теперь на глазах подданных кто-то нарушает её приказ. Кто-то близкий.

— Госпожа, ехать за ними? — Бехауст вырвал её из оцепенения, адъютант уже подал ему лошадь. — Прикажете чародеям, возможно...

— Нам не хватало ещё драться между собой. Пусть едет. Надеюсь, разум его вернётся на место. Сворачивайте лагерь, подождём их внизу.

Наступали сумерки. Загукали первые совы. Слуги обустроили костры и фонари под навесами. Нарнетт выкинула кусок запечённой на углях утки, тошнота отводила аппетит. Слуга-виночерпий поклонился, указал пальцем на драгоценное мясо, получил кивок, подобрал добычу и спрятался за деревом, прихватив бурдюк.

Нарнетт засыпала. Перед её глазами проплывала картинная галерея. Она узнала место, увидела себя, цокающую по коридору, увидела плетущихся позади слуг и стражников, кланяющихся по пути советников. Внезапно её образ остановился напротив одной из картин. На ней в атласном платье с оборками и с окантованной жемчугами и сапфирами диадеме изображалась прабабушка Эндаррия. Нарнетт-образ долго осматривала её, слуги позади тихонько перешёптывались, стражники угрюмо переглядывались.

Внезапно картина ожила, красивое лицо ещё молодой Эндаррии преобразилось, обнажились скулы, в ухмылке появились клыки. Десятки маленьких клыков. Глаза покраснели, их наполнила нечеловеческая ярость. Картина заговорила с миром живых, пыталась что-то внушить герцогине из образа. Реальная Нарнетт не могла пошевелиться, подать голос. Она пыталась окликнуть застывшую себя, люди позади продолжали вести себя как ни в чём не бывало. Только Нарнетт-образ и реальная Нарнетт видели демоническое преображение. Наконец, близняшка реальной Нарнетт повернулась и улыбнулась. Два изумруда превратились в неприятные агаты. Пропали щёки, тон кожи слегка посерел. Вместо аккуратного маникюра — когти как у ленивца, но более тонкие, изящные, острые. Готовые распороть человека живьём. Нарнетт-образ замахнулась на свою реальную сестру. Дальше — пустота.

— Эй, проснись! Да не лей ты больше, у неё кожа потрескается!

Нарнетт пыталась оглядеться, перед ней плавали туманные силуэты. Голоса сбивались в единый ритм.

— Ваша светлость, моя госпожа!

— Где я? — спросила Нара. — Что произошло?.. Воды, дайте воды, Всеотцом молю!

Кто-то прислонил к её губам бурдюк, она в несколько глотков наполовину осушила его.

И осмелилась, осознавая внешнюю бесцеремонность, вылить остаток жидкости себе на лицо. Кто-то сразу же, без разрешения, принялся вытирать её.

— Как больно, милостивые боги! Мэ... Мэльдан, это ты?

— Остальные трусят тебя трогать, моя герцогиня, — гул голосов позволил разобрать знакомый, если не родной. — Эй, чародейка, у тебя было карманное зеркальце. Подай госпоже.

В её руку что-то всунули. Нарнетт взглянула на своё отражение и ужаснулась. На лице появился шрам, словно когтистая лапа из сна схватила её и попыталась сдавить. Словно Нарнетт-образ хотела взять её с собой или просто изуверски принудить к чему-то.

— Что со мной произошло?!

— Когда я приехал, они и двух слов связать не могли, — Мэльдан кивнул на слуг и гвардейцев, чьи перепуганные лица Нарнетт смогла узнать. — Тыкали друг на друга пальцем, обвиняли, что это кто-то из них оставил тебя одну на несколько минут в полудрёме. Такое чувство, что ты во сне к вон тому кусту прислонилась. Но след всё равно странный... Жива, это главное.

— Ваша светлость, — через толпу протолкнулся Андалф, — мы обработали ваши раны, жжение пройдёт через день-два. Но шрамы могут остаться надолго. Ваш слуга обнаружил вас в спокойном положении, словно после падения вы в бессознательном состоянии вернулись в позу покоя.

Нарнетт ладонями приладила лицо, мельком заметила под ногтями кровоподтёки. Через пальцы увидела сурового сира Орто, чьё медвежье лицо изображало тонкую улыбку, непривычную для человека подобного характера и достоинства.

— Мэль... Что вы узнали?

— Поехали домой. Долгий рассказ.

Приехали на следующий день затемно. Нарнетт хотела, чтобы их видели как можно меньше людей, потому во дворец заехали через подземный ход, недалеко от городских стен.

Ни один из бесконечных обитателей дворца не удостоился даже взгляда своей герцогини. Мэль вёл её под руку, она держала глаза в пол, словно стыдилась своего нового облика. Герцогиня, заплутавшая в кошмарах и ставшая жертвой одного из них. Она так и не поняла, что с ней происходит и за какие прегрешения. Но поняла одно: Абалтун со своими загадками здесь не помощник. Нужно ждать весточку от прабабушки. Если она, конечно, не оказалась плодом её воображения.

Коленетт, что нетипично для него, не прыгнул в объятия матери. Остановившись в паре метров от неё, он испугался: деревянный рыцарь выпал из его руки, служанка немедленно подобрала.

— Матушка... Что же это, кто это тебя так?.. — едва не хныча, начал сын.

— Дорогой, я рада тебя видеть. Со мной случилось неприятное приключение. Прошу, не бойся. Целители помогут мне. Дядюшка Анлест и его гильдия уже собираются к нам.

— Кто, мама?! Скажи, кто?! Я позову дядю Порлехта и господина Бехауста, мы подождём, когда Ольте можно будет выйти из лечебницы и!..

— Успокойся, родной. Сэви, отведи его в палаты, — приказала Нарнетт служанке сына. — Пора спать, луна за окном.

— Слушаюсь, ваша светлость. Идёмте, мой герцог...

В зале советов горели несколько свечей на столе. Нарнетт жестом выгнала всех слуг,

села в центральное кресло. Холодало. Хотя начинался июнь и окна третьего этажа пажи открывали настежь, впуская внутрь духоту и насекомых, герцогиню бросило в озноб. Наконец, спустя несколько недель, она перестала себя жалеть. Позабыла об уехавшей в дальние края семье, о чудовищных метаморфозах своего организма, о том, что сын в последние недели стал хуже учиться и больше поясничать. Семью в её сознании внезапно заменил долг. В королевстве с новой искрой разгоралась смута, повсюду расползлись слухи — которые проникли даже во дворец — о том, что Нарнетт выбрала сторону мятежников, и сейчас она выжидает, когда можно будет проревансировать новому королю.

— Ты всегда так одинока? В окружении верных и любящих людей?

Женский голос не насмехался, а давал утешения. Нарнетт оглянулась: на одном из окон сидела женщина, что старательно укутывала себя остатками одежды. Глаза её сверкали, хотя из-за темноты герцогиня не определила цвет.

— Кто ты? Как попала сюда?

— Та, с кем ты беседовала вчера днём, — отвечала фигура в рванье.

— Прабабушка Эндаррия?..

Незнакомка вспорхнула с окна легко, словно лепесток. Бесшумно пробежала (или, показалось Нарнетт, пролевитировала) к ближайшему креслу. Уселась, Нарнетт в свете огоньков увидела её первый, более страшный образ.

— Ты умеешь трансформироваться в упыря, верно?

— Летучая мышь, если быть корректнее.

— Значит, если я изберу ваш путь, то научусь этому?

— Пока ты и есть на нашем пути, дорогая правнучка. Как тебе сойти с него — я поведала ранее.

— А сколько? — Нарнетт слегка растерялась, оглядела руки и едва заметные шрамы на пальцах. — Сколько занимает трансформация? Если выбор уже сделан.

— Зависит от метаболизма. Прости, раньше любила читать научную и медицинскую литературу. От индивидуальных характеристик каждого человека. Полагаю, если ты похожа на меня, то думаешь, что у нас с тобой одинаковые организмы? Отнюдь. При жизни я любила верховую езду, скачки наперегонки, упражнялась со шпагой, даже лазала на деревья, хотя то было только в подростковом возрасте. Ты же доморощенный, безобидный цветок. Тебя поливают, ты не видела крови и страданий.

— Неправда...

— Назови самое страшное, что случилось в твоей жизни? Быть может, несколько вещей.

Нарнетт взглянула на руки. Потрогала лицо. Достала зеркальце, зажгла пару свечей, открыла рот и увидела небольшие кровоточащие клыки. Положила зеркальце, взялась за приколотую к верху кафтана брошь — по серебряному единорогу бегали полоски света. Схватила амулет, раскрыла, на маленькой картинке — она с мужем и сыном. На другой стороне — маленькую девочку качает на руках мужчина, рядом улыбается миниатюрная женщина.

— Семья покинула меня. Без опоры я действительно слаба.

— С опорой ты слаба, — заверила Эндаррия. — Без опоры — бесполезна, прости за горькую правду.

— Но я ведь больше года управляю нашим герцогством единолично, я помирила двух баронов, распорядилась укрепить нашу официальную границу с дикими горными долинами, а мой сын...

— Ты до сих пор не приняла решения, хочешь ли остаться человеком или нет. Ты несамостоятельна, тебе нужен толчок.

— Не так просто лишить кого-то жизни! Особенно — близкого человека!

Эндаррия покачала головой. Видимо, подобные и однозначные решения она в своей жизни делала часто.

— А ты можешь рассказать, как тебе дался этот выбор?

— Это будет равно оказанию помощи, дитя.

Молчали какое-то время. Нарнетт не понимала, заметила ли Эндаррия её новую отметку или нет. Но поняла, что она проверяет её, как она реагирует, что говорит. Возможно, в горный клан отбирали только тех, от кого могла быть польза.

— Давай сменим тему? — прервала молчание правнучка. — Расскажи о вашем образе жизни. Сколько вас, чем питаетесь, почему о вас стало слышно только сейчас.

— Никто не слышал о нас, дитя. Кроме наследников.

— Но это ведь вы бродите по горным долинам, вы убиваете наших людей, разве нет?

Старуха округлила глаза, даже при тусклом свете Нарнетт разглядела границу между радужкой и склерой. Хотя и то, и то было цвета лавового потока.

— Наш род в последний раз выходил из гор триста семьдесят лет назад, дитя, когда Третья Эпоха сменилась Четвёртой. Когда появилась могущественная Коалиция, которая ценой невероятных усилий уничтожила тот ужас, что живёт там, за горами. Мы же в далёкие времена уничтожали ужас, что обитал тут ещё до первых поселенцев. Тысячи лет назад, когда материки выглядели по-другому. Хотя этого даже мы не упомним, ибо никогда не владели способностью к картографии и астрономии.

— Когда наше королевство в союзе с южанами уничтожило королевство мертвецов, на чьей стороне воевали вы? Прошу, ответь.

— Опять слабость. Герцогиня не должна просить.

Нарнетт до боли в ладонях сжала кулаки, прикусила губу. Но быстро успокоилась.

— Ответь.

— Тебе это знать ни к чему.

— Если ты скрываешь это, значит, вы воевали за мертвецов, ведь вампиры тоже относятся к нежити!

— Всё гораздо сложнее, чем ты думаешь. Мы воевали за себя и только за своё сохранение. Могу тебе сказать, что нам пришлось сделать выбор. Меньшее и большее зло. Именно большее зло, если бы нас обнаружило, решило бы истребить нас под корень. А меньшее — захотело бы подчинить, уничтожив только нашу правящую верхушку. Твоего далёкого прадеда и его ближайших потомков. Пришлось пробивать себе третий вариант.

— Вы... — Нарнетт проглатывала слова от удивления. — Вы воевали против обеих сторон? Зачем, о, великие илтатрии?!

— Ради выживания.

Вновь замолчали. Эндаррия наклонилась над столом, словно огонь свечей должен был что-то подсказать ей. Как поняла Нарнетт, вампирша продолжала проверять её, потому ожидала поток новых вопросов.

— Если наш род поколениями отселялся в горы, значит, это мы построили так много укреплений там?

Старуха кивнула. Прядь седых волос едва коснулась свечи, она когтистой ладонью потушила загоревшиеся волоски.

— Ради выживания, верно?

Новый кивок.

— А почему ты сказала о том, что вы не покидаете горы последние столетия? Это ведь ваш почерк, это вы нападаете на людей в долинах.

— Это не мы, дитя. Они поселились тут год назад. Сначала истребили животных, затем отшельников. Нам для выживания, вопреки заблуждениям, не требуется кровь или плоть. Достаточно находиться в состоянии покоя, организм восстановится сам даже после тяжёлых травм. Эти существа другие, другой вид.

— Почему не нападают на герцогство? Они ведут себя так, словно отгоняют нас от своих угодий.

— Значит, им приказано не нападать. Есть какая-то сила, что надзирает за ними.

Нарнетт обхватила лицо руками, прижала ладони к носу. Глубоко вздохнула.

— Полагаю, вы не сталкивались с ними?

— Без верховного нельзя лезть вниз, моя дорогая правнучка. Если он узнает, что я беседую здесь с тобой, то останусь для тебя только картиной.

Нарнетт вжалась в кресло.

— Ты знаешь?! О моём кошмаре?!

— Нет.

— Тогда откуда?..

— Я каждый год прилетаю сюда и притворяюсь слугой. Подолгу останавливаюсь у своего портрета в одном из коридоров неподалёку отсюда. Самое моё хорошее изображение. В родовой энциклопедии изобразили не меня, а мою сестру. Она была более симпатична. И потому вы, наши потомки, ошибочно полагаете, что мы близняшки.

— Гхм... Так кто же это такие? Я видела вблизи только одного. Он напоминал смесь живого человека и ожившего мертвеца, куда страшнее вас. Прости за сравнение.

— А тот рыжеволосый великан случайно не отправился в разведку? — спросила прабабка.

— Дозорные к северу отсюда заметили орду упырей. Мой давний друг Мэльдан со своими рыцарями и оруженосцами действительно отправился на разведку. Они шли по пятам около двадцати итт, словно твари заманивали их. Достигли каньона где-то на крайнем севере гор. Но чудища испарились. Им пришлось спешиться, забраться наверх. В поисках провели до наступления темноты, пока одному из слуг Мэльдана не пришла в голову мысль.

— Твари живут не в горах, а под горами.

— Точно, — согласилась Нарнетт. — Они обнаружили пещеры, но догадались не заходить внутрь. Значит, ты выбираешься следить и за горными бестиями?

— Изредка. Они не поднимаются к нам, думаю, не знают о нас. Их вкусовые рецепторы... То есть их обоняние работает с живыми, а не с мёртвыми. Я понимаю, Нарнетт, что тяжёлые решения даются тебе очень трудно. Но сейчас мне бы хотелось дать тебе совет.

Эндаррия пододвинулась чуть ближе. В дверь постучали, но девушка не ответила. Уставилась на прабабушку. Та погасила свечи своей могучей ладонью и пропала из поля зрения.

— Если они не лезут в герцогство, то и ты не лезь к ним. Забудьте о горных долинах. Возможно, со временем эти существа соорудят себе подземные залы со склепами, и, как и мы, падут в вечном сне. Пока кто-то не призовет их дать бой новому могущественному врагу.

Новый стук, Нарнетт отмолчалась. Заметила, как пропал силуэт перед ней. Мельком увидела, как скользнула небольшая крылатая тень в лохмотьях в то же самое окно.

— Ваша светлость, прошу простить за эту бестактность! — в дверях появился камергер.

— Даже поговорить не даёте, нелюди... — прошептала она. — Дитрет, что у тебя?

— Вы просили доложить лично. Госпожа, дело в том, что её милость Ольта... Она...

Сбежала.

Нарнетт бросила косой взгляд на окно, мельком увидела что-то небольшое. Словно это небольшое подслушивало.

— Начальника караула ко мне. Поднимай Мэльдана, Порлехта... Всех военных, Дитрет.

Он поклонился и вышел. Нарнетт вновь зажгла свечи, взяла зеркальце. Её изумрудные глаза покрылись небольшими кровавыми трещинами.

— С чего вообще эта полоумная решила, что он тут как-то замешан? — спросил Мэльдана, едва поравнявшись с кобылой подруги.

— Она всегда всё делала импульсивно, необдуманно, — отвечала Нара. — Подумала, если уничтожит его, то вернёт мою лояльность. Да за побег из тюрьмы я точно распоряджусь казнить её. Хватит. Правду говорят, сильные чародеи слабы разумом.

— Не все, — не согласился Мэль. — Архимаг, который королевским университетом заправляет, очень умный и бодрый старикан.

— Исключение, которое подтверждает правило.

— Ваша светлость, — слева от Нарнетт появился капитан разведки, — караульные, которым госпожа Ольта вкратце обрисовала свой план, всё же могли ошибиться, выложить информацию на эмоциях. Прошу вас, моя госпожа, не велите наказывать, но для разведки будет достаточно небольшого отряда.

— Капитан, ты служишь больше шести лет, — усмехнулся Мэльдана. — А до сих пор не привык к одиозности знатных особ.

Тот отмолчался, ожидая ответ Нарнетт. Она заявила:

— Если она увидит служилых, то покосит любого, невзирая на статус. Единственная, кого она не тронет, это я. Ведь именно ради меня она устраивает этот поход.

— А если её убьют, и нам придётся сражаться с теми, кто это сделает, ваша светлость? — продолжал офицер разведки.

— Будем сражаться, капитан. Но её побег видела половина города, пока она искала, где можно украсть лошадь. Конечно, об отстранении её с должности никто не знал, потому не препятствовал. Теперь знают все. Если не вернуть её и не предать суду, пойдут слухи. И тогда вашей войсковой разведке придётся переквалифицироваться. Скажем, в тайную службу.

— Всё же нужно перерывать дворец вверх дном, Нара, — проговорил Мэльдана. — Если кто-то из слуг подсунил ей с едой ножовку, которой она распилила магнитные кандалы, то есть повод для беспокойства. Вдруг заговор?

— Ольта верна, несмотря на возникающие иногда с ней проблемы. Думаю, один из её учеников постарался, не более.

Впереди показался дымок. Чем ближе отряд всадников подъезжал к Малому лесу, тем отчётливее прояснялась ситуация. Показался конный разведчик, подъехав, юноша поклонился дворянам и отчитался:

— Ваша светлость, ваше благородие, капитан! Пепелище в самом центре леса!

— Сильно горит?

— Нет, господин барон! Кажется, затухает!..

— Вперёд! — приказала Нарнетт.

Конные пробирались сквозь чащу. Нарнетт попыталась закрасться в дальние уголки своей памяти, вытащить важную визуальную информацию о своём последнем пребывании здесь. Кажется, ничего не поменялось. Тот же бурелом, те же руны, в том же количестве. Но появился запах гари. Гарь смешивалась с сыростью и свежей листвой, придавая июньскому Малому лесу оттенок опасности.

Проехали через бурелом, кое-где впереди мерцали язычки пламени. Два разведчика, что должны были доложить командованию, застыли перед остовом хижины Абалтуна как вкопанные. Мэльдан выругался, рыцари, гвардейцы, чародеи и слуги бросались удивлениями, проклятьями, делились страхами и уговаривали друг друга о бесполезности очередного похода. Нарнетт выехала вперёд своих людей и едва не упала с коня.

На самодельном кресте, кажется, исполненном из корней, висела Ольга. Внутренности её лежали под крестом, голова запрокинута на грудь. В нескольких местах корни пробили её тело, вышли из груди, из живота и даже из вагинального отверстия.

— Она проиграла, — мрачно констатировал Мэль. — Генерал, она одна стоила всего нашего отряда. Если здесь висит не старик, то лучше уходить отсюда. Иначе, как и в горах на западе, здесь появится очередной могильник.

Нарнетт спешила, подошла поближе, попросила одного из рыцарей помочь. Тот копьём приподнял опущенную на распоротую грудь голову. Глаз у чародейки не было, а лицо наполнял нечеловеческий ужас.

— Нарнетт? — спросил Мэльдан.

— Прости, я обошлась с тобой жестоко, — взмолилась девушка. — Прости.

— Нарнетт! — повторил он. — Ты убедилась? Об этом мог доложить разведчик. Не нужно было сюда ехать.

— Нарта ко мне! — приказала она.

— Ваша светлость, в вашем распоряжении, — егерь встал слева от герцогини, но его взгляд непроизвольно косился на казнённую.

— Следы, егерь. Мне нужны следы этих ублюдков! Ройте носом землю, но!..

— Мы на их территории! — воскликнул знакомый гулкий бас. — Госпожа, не разумно ли будет отступить?

— Сир Орто, вы снова принимаетесь за старое?!

— Госпожа, вы ведь распорядились не брать его, это не он, — сказал Порлехт, едва подойдя к конным.

Нарнетт злобно водила глазами по перепуганным людям. Многие ещё не могли отойти от шока, причём пугала их не жестокость и показательность казни, а то, что казнили достаточно сильную чародейку, которая смогла подпалить и подморозить всю поляну вокруг хижины, а также два ряда деревьев вокруг. Кто-то крутил головами, пытаясь найти потенциального смутьяна. Острое зрение герцогини не нашло его лица. Но нашло кое-что другое, подозрительное. Девушка показала пальцем в сторону и сказала:

— Там волк. И не боится нас.

Оруженосцы взвели арбалеты, чародеи направили посохи. За деревьями, не дальше сотни метров, за ними наблюдал лесной обитатель. Волк вёл себя не по-волчьи: крутил головой как собака, перебирал лапами как лошадь, а главное — не боялся множества конных

людей.

— Это зачарованный волк, уверен в этом, — сказал один из егерей.

— Проследить за ним, ваша светлость? — спросил Порлехт. — Может, это он по-человечески говорит?

— Уходит! — указал пальцем другой егерь.

— Нарт, гончих за ним! — приказала герцогиня. — Мы ждём здесь!

Нарнетт под прикрытием служилых осматривала место сражения. Трава и земля вокруг сгоревшей хижины покрывала зола. С горящих деревьев явно посыпались ветви. Андалф подошёл к ней, попытался что-то объяснить, но она не слушала.

— Ваша светлость, прошу прощения, — старик поклонился. — Мне подойти позже?

— А? Что? Говори, чародей.

— Мы попытались восстановить картину происходящего. Судя по всему, Ольта напала внезапно. Отшельников не предупредили даже птицы.

— Почему ты так уверен? — спросила девушка.

— В хижине несколько сгоревших тел.

— В погребе тоже, — подтвердил, подойдя, Мэльдэн. — Отшельники не успели выпроводить своих гостей.

— Ольта убила невиновных знахарей, — опечалилась Нарнетт. — Она всегда была импульсивна. Всегда.

— Нара, — Мэльдэн почесал затылок, — тела не очень на человеческие похожи. Взгляни, если не боишься.

Под обгоревшими брёвнами было навалено с полдюжины тел. Казалось, Абалтун запер их в погребе. Тела лежали свёрнутые в позе эмбриона, прижавшись друг к другу. На черепах — гримасы ужаса, огонь явно нанёс чудовищам невыносимую боль, как и любым другим существам не из числа элементарей. Конечности их были чуть длиннее человеческих, суставы ног выгнуты в обратную сторону, а на пальцах — длинные острые когти, как у Эндаррии и её сородичей. Нарнетт не считала их своими сородичами.

— Он держал в плену несколько подземных тварей, — сказал Андалф. — Видимо, изучал их. Ощущаю чудовищную энергетику в этом месте. Но хижина, по вашим словам, госпожа, напоминала хижину лесного ведуна, а не лабораторию по исследованию мутаций при академии.

— Они пришли за ним, я поняла... — задумалась герцогиня вслух. — Пару лет назад здесь было спокойно, верно?

Мэльдэн, Андалф и даже один слуга кивнули.

— Потом сюда приехал он. И за ним пришли они, похожие на оживших мертвецов монстры.

— С севера, из земель Апалаи, не попасть в эти долины, госпожа, — не согласился чародей.

— Мэль, что отшельник говорил про узкие тропы в горах? — спросила она у неродного брата. — Помнишь, я рассказывала, что Валдис Унгартт скорее всего прошёл по одной из них.

— Там не провести войско. Только небольшой отряд пройдёт. Полагаю, без обоза и даже без рюкзаков.

— Вот и разгадка, — словно осенило девушку. — Наши охотники и Жарнор видели парящих над горами существ. Именно них. Эти существа, предполагаю, оборотни.

— Нежить-оборотни, Нара?! — удивился Мэль. — Такие науке и истории неизвестны!

— Быть может, госпожа, — подошёл и поклонился капитан гвардии, — это другой вид вампиров? Одни живут в горных руинах, другим достаточно сырых каверн.

— Порлехт, у кого-нибудь в отряде есть гарпуны? — спросила Нарнетт.

— Есть, можем привязать на обозные верёвки, ваша светлость, — с ноткой недоверия ответил офицер.

— Отлично, как сделаете, доложи.

— Что ты задумала?! — Мэльдан даже не проводил взглядом капитана, взглянул на подругу, как на риф, что показался в морском тумане.

— Не тебе одному быть сорвиголовой, — продолжала герцогиня. — Поймаем нескольких, отдадим нашим чародеям, пусть изучают.

— А если они начнут охоту? Ты помнишь, что эти твари приходят с непогодой, которой могут управлять?

— Они смертны, ты видишь, сколько тут тел? А у нас отряд чародеев и целый эскадрон тяжёлой кавалерии. Хватит. Пора дать им бой. Мне надоело каждый раз приезжать сюда в страхе и возвращаться ни с чем, кроме чувства невыполненного долга.

— Госпожа, — вступил Андалф, — с помощью непогоды нас могут просто отрезать от границы с постами. Если у этих существ нет глаз, то они могут ориентироваться в тумане и под дождём с помощью обоняния или слуха.

— Дьявол! — чуть не сорвала она голос. — Какой компромисс вы предлагаете?

— Подождать охотников и разведчиков, для начала, — констатировал барон.

Нарнетт не считала минуты. Её мысли заполняла тревожность. Совесть давила, сжирала заживо. За гибель Ольги ответственность лежит на ней, а не на начальнике караула. За то, что могут погибнуть десятки людей, а Коленетт — остаться без матери, также несла ответственность только она. Даже в Мэльдане пробудился прагматизм. После недавней авантюры с самовольной разведкой он обеспокоился о безопасности её лично и всего отряда в целом. В какой-то момент девушка посчитала, что пламя тревожности переполнит края жаровни. Что отряд послушается Мэльдана, даже Бехауст, а Порлехта и его гвардейцев рыцари просто скрутят. И ничего она не сможет сделать с верными и любящими людьми по возвращении домой. Иначе в ней пропадёт то небольшое человеческое, что осталось после начала трансформации.

— Я люблю тебя, сын мой. Мой любимый супруг, где ты пропадаешь?.. Мама, папа, возвращайтесь скорее, — прошептала она. — Нашей земле без вас тяжело.

— Ваша светлость, — Нарнетт подняла голову от колен, у её ног поклонился Нарт, — они вернулись. Волк служит ведунам! Разведчики видели их!

— Обоих?

— Одного, точнее. Старшего, — уточнил Нарт.

— Абалтун... Где они?

— За Малым лесом начинается пустошь, там Северное озеро. Нужно обогнуть его, волк и ведун скрылись в подлеске у берега.

— Нарт, как называется тот лес?

— Никак, ваша светлость. Он небольшой, на картах никак не обозначается. Находится недалеко от отрогов северных гор.

— И что ты собираешься делать? — из-за спины раздался голос Мэльдана. — Охотиться на этих оборотней, или на ведуна? Даже не знаю, кто опаснее.

— Ваша светлость, прошу простить за дерзость, — не дал ответ сам егерь, — но не лучше ли будет отрядить разведчиков, узнать, что происходит севернее? Возможно, с ведуном удастся договориться.

— Он недоговороспособен, — Нарнетт кивнула на сгоревшую хижину. — Бехауста ко мне!

— Ваша светлость? — рядом появился военачальник.

— Генерал, снимаемся. Идём за отшельником. Всех слуг отправьте на южную окраину Малого леса, к стоячим камням. Пусть будут готовы в случае опасности сорваться домой, не ждать нас.

— Но, ваша светлость, безопаснее держаться вместе...

— Нас ждёт бой, Бехауст. Кроме меня, все члены отряда должны владеть оружием или магией. Это не наши земли. Но мы отвечаем за них. Возможно, если поймать этого отшельника и отдать его оборотням, они уйдут отсюда. Иначе он в другом лесу наделает своих рун, всё начнётся по новой.

— Что начнётся, прошу прощения? — возмутился Мэльдан. — Если не заходить в эти долины, то нам ничего не угрожает!

— У нас половина герцогства кормится с этой местности! Дичи нет! Дикие поля выжигаются! Почему я должна объяснять это тебе? Мы должны вернуть в эти земли свой порядок! Вернуть часовые посты и егерские стоянки!

— Если мы останемся в том лесу, то герцогство точно умрёт, зная передерётся между собой, а остальному королевству на нас будет плевать. Это горькая правда, Нара.

— Генерал, мой приказ понятен? Командуйте, — не услышала она друга.

Отряд выехал налегке, отправив дозоры по округе. После Малого леса двигались галопом по пустоши. В небе маячили несколько грифонов, чародеи то и дело проверяли работоспособность посохов, а гвардейцы, рыцари и конные сержанты осторожно крутили шлемами в поисках противника. Мэльдан указал Наре на мелькающую на северо-востоке гор тучу, её нечеловеческое зрение осмотрело природное явление, девушка заключила, что туча имеет естественное происхождение.

Остановились у озера. Нарнетт вышла на берег, взглянула на противоположную сторону. Бехауст достал подзорную трубу, Мэль ткнул спутницу в бок, она взяла трубу из его рук, также присмотрелась.

— Ничего, ваша светлость. Вижу только дозорного впереди.

— Генерал, отправьте ещё пару человек. Найдите их, Всеотцом молю, — ответила Нарнетт, демонстративно водя трубой по другому берегу.

Приехала пара разведчиков, доложили, что в центре небольшого леса находится капище. Следы ведунов испарились, но в лесу много следов каких-то животных, которых опытные следопыты не смогли опознать.

— Значит, генерал, одним отрядом безопаснее? — слегка язвительно спросила герцогиня. — Вперёд, рыцари! Перед ликом Всеотца вспомните лица всех тех, кого клялись защищать!

— Это не наша земля, — едва послышалось в стороне. — И люди здесь не живут...

— Наградой за отвагу вас ждёт покаяние за грехи былые! За подвиг — залы с пенными берегами, вечные турниры и прекрасные фрейлины с голосистыми менестрелями!

По отряду прошли перешёптывания. Такого от герцогини никто не ожидал.

— Что на тебя нашло? — спохватился Мэль.

— Интуиция подсказывает, что не все вернутся домой, дорогой друг, — отвечала неродная сестра. — Пусть люди умрут хотя бы с верой в сердцах и на устах.

Он недовольно покрутил головой, пеняя на потерю девушки самоконтроля.

Безымянный лесок был не таким густым, как Малый лес. Но жути и таинственности он наводил куда больше. Нарнетт распознала на протоптанной земле знакомые следы, принадлежащие не иначе как тем самым горным жителям. Были среди этих следов медвежьи, казалось, волчьи, а также следы росомых и зверей поменьше. Но Нарт свои выводы озвучивал осторожно, боясь ошибиться.

Капище представляло из себя груды наваленных друг на друга камней. Камни изображали со стороны какую-то фугуру, некий символ. Чародеи порылись в своих магических трактатах, но не нашли ничего похожего. В конце концов, Нарнетт, пропуская мимо ушей крики и просьбы, вышла из-за построения рыцарей на полянку, к самим камням. Мэль схватил её, но она вырвалась, пошагала дальше. Юноша догнал её и сказал:

— Нара, как только мы вышли сюда, птицы умолкли. Не слышишь? Они наблюдают за нами. Ждут, когда можно перебить нас.

— Захотели бы перебить, мы бы уже были мертвы и... Ты видишь это?!

На камне, некоем подобии алтаря, лежал амулет. Нарнетт взяла его, покрутила в руках, прислонила ко лбу.

— Повышал магическую силу Ольте, — констатировала она. — Проклятье...

— Её не могли заманить сюда с целью получения сильного артефакта? — спросил Мэльдан, оглядываясь.

Рыцари начали окружать дворян. Нарнетт не слышала нарастающий гул вокруг. Не слышала приказов Бехауста и Порлехта.

— Айлис, ко мне! — рявкнул Андалф. — Всем внутрь построения, внутрь!

— Нара, ты говорила о прабабке-вампирише недавно, помнишь? — спросил Мэль. — Что она сказала? Нужен ритуал, а для него только дорогой человек, верно?

— Ваша светлость! — кричал кто-то. — Госпожа!

— Он играетя нами, дорогая, — продолжал Мэльдан. — Нет доверия к нему, к потустороннему существу. Если хочешь, я готов принести себя в жертву. К твоей прабабке у меня, хоть я её не видел, доверия больше.

— Почему наш род проклят? — вырвало её из оцепенения. — Быть может, мы прокляты самим Всеотцом? И он внушил мне, что мне и вам суждено умереть здесь, вдали от дома?..

— Ваша светлость, мы окружены! Нарнетт, дьявол бы тебя побрал!

Она оглянулась, обозлённый генерал буквально истязал её взглядом. Он обвёл рукой вокруг. За деревьями чернело от тех самых косматых чудовищ. Они окружили капище. Рыцари и оруженосцы, не спешиваясь, встали между камней, опустили копья и ждали напора противника, понимая, что здесь негде разогнаться. Между конными кое-где протиснулись гвардейцы, которые завели лошадей внутрь капища. На некоторые камни забрались арбалетчики из боевых слуг и чародеи.

— Капитан, гарпуны готовы?

— Да, госпожа, — ответил тот, не сводя клинка с мелькающих между конских круп силуэтов.

— Они не очень агрессивны, — сказал Андалф. — Ваша светлость, возможно, есть вероятность договориться?

Нарнетт задумалась. Повесила амулет Ольты на шею, взяла Мэльдана под руку и вышла

из-за построения вперёд.

— Кто ваш командир? — крикнула она. — Я знаю, что вы разумны! Знаю, что не хотите войны, а всего лишь защищаете земли, которые считаете своими!

В ответ молчание. Силуэты успокоились, начали останавливаться. Нарнетт услышала за спиной, как стукнули посохом по камню, а также зарядили арбалет. На какое-то время жизнь безымянному лесу давали только фыркающие кони.

Девушка продолжала идти вперёд, вышла почти ровно между камнями и деревьями. Мэльдан тянул её обратно, вода клинком из стороны в сторону, но в ней проснулась нечеловеческая сила. Она тянула его вперёд.

— Я не готова приносить жертву и становиться одной из вас, слышите?!

— Это не вампиры! — прошептал Мэль. — Посмотри же на них!

Нарнетт уже рассмотрела их. Всё те же рваные мантии и халаты, растрёпанный во все стороны ворс, грубый, как конский волос. Пустые глазницы, как у мертвецов. Они не носили оружия, но длинные руки украшали вампиро-подобные когти в треть фута длиной. Вспоминая, что она сотворила с сиром Орто, Нара хотела найти командира чудовищ. Попытаться загипнотизировать его, потребовать у него отдать ей несколько соплеменников. Но чудовища, казалось, совершенно не понимали человеческую речь. Впереди раздавались непонятные бубнёж, скуление и мычание.

Кто-то прорычал. Из леса на полянку выехало странное волоподобное животное с такими же пустыми глазницами, как у гуманоидов. На голове — растрёпанная грива чёрно-серых волос, между которыми — могуче заточенные, отливающие блёклым золотом рога. Чешуйчатая кожа вола горела антрацитом, под потрескавшимися копытами вздымалась грязь. Монстр словно готовился к натиску, ждал команду наездника, который сидел на горбу.

Ничто не отличало наездника от пеших собратьев. Нарнетт не могла понять, главный ли он по иерархии или нет. Одной лапой он держал животное за гриву, другую положил на выгнутое в обратную сторону колено. Голова его не дёргалась, словно он застыл восковой фигурой. Вол продолжал грозно фыркать, он не боялся тяжеловооружённых людей впереди. Наконец, почувствовался запах.

— Гниль... Мэль, видишь? Они дышат, но при этом похожи на живых, а не мёртвых. И воняют мертвечиной.

— Это не мёртвые и не живые, — согласился он. — Вижу какие-то язвы, болячки... Прокажённые. О, Всеотец, они больные, заразные! Это прокажённые вампиры! Мутанты!

Мэльдан крикнул стоящим позади военным, но монстры восприняли это как сигнал. Острое зрение и реакция спасли Нарнетт — она успела пригнуться — но соратнику не повезло. Он рухнул на землю, правая часть его головы расплывалась жуткой гематомой, пошла кровь.

Чудище взревело, кинулось на них, наездник по-рыцарски подгонял животное в бочину. Остальные бросились следом. Лес ожил.

Нарнетт прижалась к раненому, подняла голову, проводила взглядом: мимо проехали два рыцаря, на полном скаку копыта всадились в самую грудь чудовищу. Сир Кэрвдон и генерал Бехауст, обнажив клинки, шли следом, остановились рядом. Мэльдана подтянул к седлу генерал, сир Кэрвдон посадил герцогиню перед собой. Спустя считанные секунды они укрылись в общем строю, Нарнетт оглянулась — два героических рыцаря утонули в море прокажённых упырей, взревели кони.

Копья и алебарды падали то тут, то там. Чудовища наседали на людей, но болты, длинные наконечники древкового оружия и магия валили их целыми дюжинами. Нарнетт, чей инстинкт самосохранения пропал напрочь, потребовала у одного из сержантов арбалет, но тот, не замечая её, довольно грубо вырвался из цепких женских рук и продолжил перезаряжаться.

Прокажённая громада встала, всколыхнула море и уже без наездника помчалась к центру сражения, сметая по пути соплеменников. Над головой послышался грозный приказ, кто-то обратился к Нарнетт, она переспросила:

— Что? Андалф, что тебе нужно?

— Амулет, госпожа! — крикнул старик. — Дайте амулет!

Она сняла артефакт и подбросила чародею, что командовал остальными с самой высокой груды камней. Тот надел его, прижал к нему пальцы, глаза его загорелись ярчайшим светом.

Вол врезался в двух рыцарей, строй проломился. Всадники вылетели из сёдел, их сразу же растерзали наседающие упыри. Нарнетт заметила, что доспехи чудовищам не поддавались. Но рыцари не носили защиту подмышками, на задней части голени, у некоторых оголялись шеи при ударах. Также страдали щиколотки коней. Кажется, твари догадались, как проломить строй.

Старик направил посох в самое темя чудовища, в него влетела мощная чаровая молния. Вол взвыл, фыркнул огнём, ибо морда его запылала, и начал топтать своих же. Порлехт скомандовал стрелкам убить тварь, но Бехауст предостерёг, наблюдая за тем, какой урон она наносит своим. Все приказы и переговоры люди вели криками, ибо чудовища продолжали истошно вопить, кричали также раненые.

— Капитан, пленные! Возьмите пленных!

Порлехт не слышал герцогиню, продолжал отдавать приказы. Нарнетт заметила, что несколько готовых гарпунов арбалетчики так и не использовали.

— Мэль, ты как? — девушка наклонилась над раненым другом. — Огберт, он выживет?

Чародей-целитель, будучи настоящим профессионалом, даже не замечал бушующего вокруг сражения. Он старательно зашивал рану молодому барону, постоянно обрабатывал руки и готовился делать перевязку.

— Выживет, госпожа. Вот, возьмите спирт, протрите хорошо свои руки. Нужно помочь мне. Так, хорошо... Осторожно, спирта не так много!

— Давай же, давай...

Она оглянулась, среди камней появился трепыхающийся силуэт, за ним ещё несколько. Едва они бросились к ней, как со всех сторон посыпали гвардейцы, что начали отгонять тварей обратно.

— Теперь держите вот так, я обвяжу его, — продолжал целитель. — Не волнуйтесь, вы хорошо справляетесь, госпожа.

Молниеносная реакция спасла её во второй раз. Она увидела тень у лица Мэльдана, отскочила в сторону. На лекаря с валуна бросилась тварь, что моментально распоролла ему горло. Нара, видя, что военные увлечены сражением, не нашла ничего лучшего, как отбить колбе горлышко и острыми осколками всадить чудовищу в самое горло. Оно взвыло, рывкнуло, попыталось полоснуть её когтями. Но нечеловеческая сила вновь пробудилась в ней. Напор чудовища ей удалось держать до той поры, пока она не задушила его.

Мэльдан откашлялся, но всё ещё не мог прийти в себя. Над ними возник силуэт

раненого рыцаря, что в удивлении разглядывал ошалевшую герцогиню над двумя трупами. Он поднял забрало, Нара узнала его.

— Госпожа, нужно уходить! Несём большие потери, у нас уже половина отряда выдохлась! Через полчаса нас просто растерзают!

— Командуй, Кэрвдон! Но молю самим Всеотцом, поймайте нескольких!

— Не могу обещать, владычица!

— Где Бехауст?

— Я не видел его! — командир рыцарей оглянулся, строй продолжал держаться.

— Дьявол, одни герои кругом... Уходим, давай! Эй, Андалф! — тот не отвечал, продолжая разить посохом по округе. — Проклятье! Айлис, слезайте оттуда! Все на коней! На коней!

Девушка с перепуганным лицом кивнула герцогине.

Нарнетт усадили с Мэльданом на её кобылу. Она попыталась сесть по-мужски, но дамское седло не позволило. Бессознательный Мэльдан едва не вывалился сзади, один из оруженосцев наспех привязал его ремнём к Нарнетт.

— Чародеи, прорыв! — приказал сир Кэрвдон.

Впереди замерцало. Чудовища разлетались как тряпичные игрушки во все стороны. Андалф и выжившие чародеи бросались огненными стрелами, шаровыми молниями, искрами и прочими чародейскими сгустками магии прямо перед собой, пытаясь пробить в поредевшей орде коридор. Нарнетт осмотрелась, некоторые усадили с собой раненых, сам Порлехт командовал и рыцарям, и гвардейцам. Наконец, поехали на прорыв. Рыцари набрали скорость, но почти сразу увязли в орде. Зазвенела сталь. Копья и алебарды военные бросили здесь, остались только полуторучники, рапиры и арбалеты. Слетали головы, ржали кони, ругались жесточайшими словами люди, но колонна двинулась вперёд, пока не достигла леса. Нарнетт, окружённая гвардейцами, оглянулась. На одном из камней она увидела, как прокажённое нечто сбросило полуживого Бехауста в толпу сородичей. Герцогиня едва сдержала слёзы.

Отряд остановился в подлеске. Нарнетт разглядела обгоревшего вола, на его рогах были нанизаны два полуживых упыря. Рыцари умертвили их окончательно, также пробили череп быку. Он не шелохнулся.

Погоня шла следом, но упыри не могли охватить всё пространство. Нарнетт умоляюще взглянула на Порлехта, тот недовольно мотнул головой, но приказал стрелкам построиться. Удалось подцепить нескольких. Кто-то сорвался, острыми когтями порвал верёвку и сразу же скрылся в кустах. Кто-то смог вытащить арбалетный болт из груди и также скрыться. Те, кого удалось заарканить и подтащить к отряду, сразу же вырвались и вступили в рукопашный бой, который быстро проиграли. Основная масса упырей продолжала дотекать по следам людей.

— Гарпуны кончились! Все в колонны, уходим! — приказал Порлехт. — Быстрее, быстрее, они идут!

— Отряд, галопом, возвращаемся к Малому лесу окольным путём! — приказал сир Кэрвдон.

Как только выехали из леса, над головами замерцали точки. Грифоньи разведчики в нарушение всех приказов опустились ниже. Нарнетт оглянулась, летучие бестии срывались в пике и выхватывали из орды упырей сразу по двое-трое, чтобы порвать в небе мощными клювами. Одного из грифонов подбили из чего-то, что Порлехт, едущий рядом, определил,

как пращу. Зверь утонул в волне упырей вместе с наездником. Сир Кэрвдон, которого Нара разглядела в стороне, увидел это и протрубил в рог в определённой последовательности. Грифоны поднялись, собрались и полетели на юг, прикрывая отряд.

Добрались до Малого леса, объехали его по западной кромке. Вдали показались Нэлвские места, справа за ними — вершина Манробай. Командир отряда приказал держать лагерь. Оруженосцы подхватили полуживого Мэльдана, положили на землю. Нарнетт спешила, уткнулась лицом в ближайшее дерево, горько заплакала.

— Идиотка!.. Самая невероятная тупая сука в нашем королевстве! — чуть не взревела она. — Во всём мире!

— Нара...

— Бехауст, Ольта, дюжины добрых и верных людей... Клинок! Нужен клинок! Нет, никто не даст... У Мэля есть кинжал за поясом.

Она потянулась к кинжалу, но его владелец внезапно ожил, схватил её за руку.

— Не вздумай, — тяжело сказал он. — Несмотря на все трудности у тебя есть сын. Не делай его сиротой...

— Когда вернётся отец, он воспитает его, — сказала она и всё равно схватилась за рукоять.

— Он не вернётся, дорогая.

— Что ты говоришь? Это бредни раненого человека!

— Ты тоже ранена. Тоже бредишь, — он слегка повернул голову, Нарнетт увидела в его глазах слёзы.

— С чего ты взял, — прохныкала она, — что Эрлист не вернётся?

— Интуиция, — шепнул он.

— Ваша светлость, — к ним подъехал командир, — на юге замечена орда. Грифоны следят за ними.

— Где лагерь слуг, Кэрвдон?

— На той стороне леса, они уже собираются. Госпожа, нужно отдохнуть и одним рывком добраться до границы. Мы можем загнать лошадей, будет падёж и усталость, но нельзя тормозить. Судя по всей видимости, — рыцарь указал на север, Нарнетт заметила сгущающиеся облака, — за нами погоня.

— Мэль, сам ехать сможешь?

— С тобой — да.

— Порлехт! — обратилась Нарнетт к капитану гвардии. — Посадите Мэльдана со мной! Сначала переведём дух!

— Слушаюсь!

Чем больше они отдыхали, чем ближе приближались тучи. Небеса запылали сиренью, молочные проблески пропали. С севера надвигалась знакомая туча, туча, несущая хтонический ужас, туча злобы и кровожадности. Природа сцепилась с магией в смертельный союз, который в кои-то веки решил поумерить аппетиты человека.

— Все в сёдла! — прозвучал бас Кэрвдона. — Уходим!

Разведка докладывала исправно. Строй военных, защищая безоружных из второго лагеря и саму герцогиню, двигался на юг, постоянно маневрируя. Грифоны в вышине нарезали круги, Нарнетт не разбиралась в военном деле, но понимала — рыцари хорошо знают, что означает грифонье пикирование или вертание влево-вправо. С каждым новым сигналом отряд либо снижал скорость, либо менял направление. В конце концов, перед ними

показалась во всю красу вершина Манробай. Сир Кэрвдон, ругаясь про себя, подъехал к высокородной и доложил:

— Нас заманили сюда, госпожа. До границы ехать около тридцати итт. Смеркается. Мы устали. Пало три лошади.

— Что ты предлагаешь?

— Ставить лагерь наверху. Мы выставим часовых.

— Лагерь в могильнике, сир? — удивился, подъехав, Порлехт. — Нужно добраться до Балатасира, ваша светлость! Туда твари не зайдут, это ведь уже ваша земля!

— Здесь хотя бы какое-то подобие укреплений, капитан, — воспротивился командир рыцарей. — В лесу нас могут порезать, как скот. Мы уже знаем, что эти чудовища умеют сражаться в подобной местности.

Нарнетт оглянулась. Нечеловеческое зрение не пробивалось сквозь темноту, но видела она достаточно. Где-то вдалеке шёл ливень. Мерцало тёмное небо. Казалось, слышались отдалённые вопли.

— Поднимаемся, сир Кэрвдон, — приказала герцогиня.

— Слушаюсь. Иннехт, ко мне! Прикажете слугам использовать все подручные средства, построим временное укрепление вдоль склона! Посты через каждые тридцать метров и никакого огня!..

— Какой огонь, о чём он, — сквозь стон усмехнулся Мэльдэн. — Эти твари плоть чувят, им плевать на свет.

— Возможно, они не полезут наверх, — заметила Нарнетт.

Сон выдался скверным. Она уснула в самодельной палатке в числе первых, но проспала всего несколько часов. Открыла дверцу фонаря, чирканула огниво, палатку осветило. Похлопала себя по щекам, налила в лоханку воды из бурдюка, умылась. Достала зеркальце: глаза потрескались ещё сильнее. Нарнетт начала понимать: чем сильнее стресс она испытывает, тем слабее становится её человеческая натура. Тем больше берёт верх натура чудовищная.

Вспомнила слова Мэля о его самопожертвовании. Представила, что всё можно вернуть вспять. Но потерять одного из любимейших людей. Выбор. Прабабушка говорила о проблеме выбора. О том, что девушка не может решить окончательно, твёрдо, взвешенно. Это вселяло неуверенность. Нарнетт никогда в своей жизни не принимала по-настоящему трудных решений. Как и у остальных высокородных дам, все решения за неё принимали родители и любящий муж.

Одевшись в походные одежды, она выглянула из палатки. Два гвардейца неторопливо оглядывали округу и снующих по лагерю часовых, конюхов и слуг. Ночь выдалась на удивление спокойной.

— Где женщины справляют нужду, господа?

— Там, ваша светлость! — сказал один, встав по стойке смирно и указав к подножию одной из башен.

Той самой, где Нара беседовала с прабабушкой.

— Я быстро, не теряйте меня.

Она укрылась капюшоном, но всё равно её знатную одежду в свете тускло горящих фонарей знали все от мала до велика. Слуги и патрульные кланялись, но пропускали вперёд, не мешали. У самой башни она заметила двух служанок, которые напутствовали молодому

пажу, орудуящему лопатой.

— Давай закапывай! Проснётся герцогиня, тебе несдобровать! На все горы запах уже идёт!

Нарнетт даже не обратила внимания на скверный запах, что шёл из выгребной ямы. Но справлять нужду ей не хотелось. Оглянувшись, удостоверившись, что никто не следит за ней, она прошмыгнула в башню. Зажгла фонарь, попыталась вспомнить, где встретила «родню». Направилась туда.

У оконных проёмов фонарь приходилось гасить. Она выглянула в один из проёмов, лагерь почти не освещался, внизу слышался только шёпот. Люди старались сохранять дисциплину и не впадать в панику. Это воодушевило девушку. Прогнало последние сомнения.

Она плутала с полчаса, постоянно находя тупики. В конце концов, ей удалось добраться до помещения, где заперли Мэльдана и остальных. Нара забралась наверх, как кто-то схватил её за шкуру.

— Что делать здесь, женщина, — знакомый вопрос, что звучал утверждением.

— Пусти! Я к Эндаррии! Позови её, прошу тебя.

— Она спит. Я могу помочь тебе, дитя.

— Для тебя меня зовут Нарнетт, дикарь! — она вырвалась из когтистой лапы, что держала её так аккуратно, что даже не порвала ткани камзола. — Ты мне точно не поможешь! Дай мне Эндаррию!

Он блеснул глазами, но всё же скрылся в темноте ночи. Герцогиня потушила фонарь, свесила ноги в провал на месте лестницы, а руками опёрлась о парапет башни.

— Что стряслось, дитя? — старуха появилась так же внезапно, как в последний раз.

— Я даже не слышала, как ты прилетела. Странные у меня способности. То работают, то не работают, — прошептала Нарнетт и прибавила огня у фонаря.

— Не боишься, что нас заметят твои люди?

— Отсюда вряд ли, очень неярко горит. Хочу поговорить. Ты не следила за нами в течение сегодняшнего дня?

— Нет. Что стряслось? Вижу... Ощущение, что сейчас у тебя людей меньше, чем в момент прошлого вашего пребывания сюда. Наше зрение отличает живую плоть от неживой. Но часть твоих людей в прошлый раз осталась внизу, могу быть не права.

— Был бой. На севере. Я потеряла своего военачальника, двух чародеев, два десятка рыцарей со слугами и несколько гвардейцев. Да, ещё двух грифонных разведчиков эти твари подбили.

— Зачем же ты полезла туда? — спросила Эндаррия. — Помнишь мой совет? Ты вновь проявляешь слабость, малодушие.

— Потому я пришла сюда. Это решение далось мне непросто, но я готова. Он любит меня, — Нарнетт кивнула вниз. — И признался, что готов отдать за меня жизнь.

— Юноша, верно? Который похож на тебя, словно брат-близнец?

Герцогиня кивнула.

— А ты, значит, не любишь его?

— Люблю, но как друга. Потому и хочу успокоения для него. Я не рассказывала никому, но расскажу тебе. Однажды, когда мой муж ещё был дома, Мэльдан напился со своими рыцарями и друзьями. Заявился ко мне в кабинет, угрожал вызвать Эрлиста на поединок. Он знал, что мой муж из богатой семьи торговцев, оружием не владеет. Потому исход поединка

был бы предрешён. А сегодня, когда он очнулся во второй раз после своего ранения, вновь признался мне, что хотел бы увести меня отсюда. Но не хотел вредить моему сыну.

— Я пару раз видела Коленетта. Он не похож на твоего рыжеволосого спутника.

— Наш брак с Эрлистом консумирован. Нет, у нас с Мэлем никогда ничего не было. Кроме поцелуев. И ссор. Он старался всегда держаться рыцарем, но алкоголь пробуждает в людях самое сокровенное, что они стремятся утаить от окружающих. Боюсь, чем дольше мой супруг будет пребывать на другом материке, тем больше Мэльдэн будет набираться храбрости. И он сам это понимает. Потому предлагает такое решение. Из-за меня погибли хорошие и верные люди. Сразу после боя я хотела свести счёты с жизнью, совсем позабыв о сыне. И Мэль наполнил мне об этом. Напомнил, что у меня есть долг перед моей любовью, перед любовью всей моей жизни.

— Но?..

— Но чем дальше я превращаюсь в чудовище, тем меньше любви и тяги к родне во мне остаётся. Что это, защитная реакция организма? — девушка взглянула на близняшку, что прятала чудовищные глаза под видом человеческих. — Чтобы я в приступе любви или ревности не навредила своей крови?

— Не знаю, дитя. У меня этот процесс проходил в таком возрасте, что я уже разучилась любить. И ждала только своей кончины от болезни.

Нарнетт утёрла рукавом глаза. Взглянула на тёмное небо, разглядела звёзды и даже одинокую комету, что летела на фоне какого-то созвездия, название которого девушка постоянно забывала.

— Я решила. Он тоже решил. Что от нас требуется дальше?

— Нужно ждать, когда пробудится лорд. А он не пробуждается без острой необходимости.

— В горах началась настоящая война! — чуть ли не крикнула Нарнетт. — На чьей стороне на этот раз будут вампиры? Меньшее, большее зло?!

— Тише. Крик — признак слабого человека.

— Не помыкай меня слабостью, бабушка. Ты сама говорила, что воспитана по-другому. Я действительно воспитана, как комнатный цветок. Но я не хочу превращаться в гербарий, не хочу остаться на страницах истории остывшим, засохшим лепестком.

— Ты хочешь стать живой, бороться с мыслями и силой и уничтожить этих существ? — Эндаррия присела рядом, также свесила ноги в провал.

— Да.

— Сегодняшний опыт ничего не показал тебе?

— Они смертны. Это мы знаем точно.

— Значит, тебе не жаль своих людей.

— На что ты намекаешь?..

— Если бы ты возглавила тех, кто профессионально охотится на чудовищ? На себе подобных?

— Я ведь сказала, что не хочу быть одной из вас.

— Но так ты бы смогла защищать свой род. Невидимо, из-за кулис, как говорят театралы.

— Жизнь — это не театр, — сказала Нара и провела рукой над фонарём. — Жизнь — сложнейшее во всех ипостасях явление.

— И решения следует принимать сложные. Я не прошу тебя делать выбор сейчас.

Подумай, пока ты окончательно не трансформировалась.

Нарнетт задумалась. Порылась во внутреннем кармане, достала зеркальце. Уродливую пятерню из кошмара было почти не видно, спасала косметика. Эндаррия вновь не заметила след. Но глаза напоминали глаза человека, страдающего бессоницей. Пропали мешки и, казалось, укоротились ресницы. Нарнетт встrepенулась и спрятала зеркальце обратно.

— Я хочу остаться человеком, — после недолгого молчания сказала она. — И... Ох, кажется меня ищут.

В лагере началось движение. Люди осмелились зажечь огни поярче, за палатками в темноте носился грифон. Часовые принялись рыскать по спальным местам, кто-то догадался направиться к башне.

— Возвращайся домой, постарайся наладить контакт с ребёнком. Только дитя сможет поставить твой рассудок на место. Думай, никто не торопит тебя. Это решение важнейшее в жизни каждого из нашего рода.

— Благодарю, бабушка.

— Прощай, дитя.

Какое-то время она наблюдала за пархающим в сторону руин замка силуэтом, пока тот не исчез. Люди внизу попытались вломиться в башню, но Нарнетт сверху окликнула их:

— Всё в порядке! Я дышу свежим воздухом!

Утром, без особых приключений, отряд собрался и двинулся домой. В пути Нарнетт без помощи следопытов заметила множество следов. Словно орда хотела напасть на людей, кружила вокруг склона, но в итоге не решилась. Оставалось гадать, чудовища боялись оцетинившийся из-за баррикад строй рыцарей или настоящих хозяев этих гор.

Глава 3. Треволнения мира

Медленно наступала осень. Нарнетт каждую неделю оттягивала разговор с Мэльданом до той поры, что и сам барон позабыл о нём. И начал привыкать к изменениям её облика и уклада психики. С сыном — то же самое. Дошло до того, что сам мальчик начал отдаляться от неё. Гибель двух важных придворных, долгий отъезд отца, бабушки и дедушки, а также повышенная агрессивность матери — всё это отражалось на психике юного герцога. Нарнетт решила не вредить, передав те крохи воспитания, что она давала, Эрвии.

Дворянам она приказала прекратить лезть в горы, и горы утихли. Раз в неделю грифоньи разведчики отправлялись на разведку, и каждый раз возвращались ни с чем. Ни единого следа чудовищ. Словно те впали в спячку. Хотя со сторожевых башен и смотровых деревьев на границе то и дело шли доклады о непогоде на севере, но основных земель герцогства северная непогода не касалась. Напротив, дожди и возникающие за ними туманы окутывали герцогство также, как и всегда, не вызывая тревоги и опаски. Нарнетт замечала, что жизнь возвращается в привычное русло. Почувствовалась рутина. Но только не тогда, не в первую неделю сентября.

Раздался стук. Получив приглашение, вошёл камергер.

— Ваша светлость, все графы и ваши бароны в сборе, ожидают вашего прибытия, — отчитался Дитрет.

— Барон Мэльдан ещё не вернулся?

— Ещё на охоте, госпожа.

— Скоро выйду, свободен.

Оглянувшись и вспомнив, что служанок она выгнала ещё полчаса назад, Нарнетт прибавила огня у стоящих на туалетном столике лампадах. Глаза продолжали кровоточить. Она откупорила крышку флакона, запрокинула голову и капнула целебную жидкость в свои глаза. Защищало. Нара проморгалась. Глаза слипались с веками. Резко ударил свет лампад, глазные яблоки жгло до боли. Спустя некоторое время зрение пришло в норму, она взглянула в отражение — остались только лопнувшие сосуды, как от бессоницы. Всё же пока она была живой, если целительные средства для живых оказывали положительное воздействие.

В зале советов были закрыты окна. Дворяне торопливо переговаривались между собой, слуги только и успевали доливать вино в бокалы, а советники и пажи делать заметки в своих дневниках. Увидев герцогиню, все встали. Она, слегка прихрамывая, процокала мимо Жарнора Горэссира и Абаллии Интлад, села в центральное кресло. Кивнула остальным, сели они.

— Дорогая, что с тобой происходит? — начала сидящая Абаллия, самая старшая дворянка на совете, старше родителей Нарнетт. — В последний раз ты объезжала свои владения до вашей ужасной экспедиции на север.

— Не напоминай, матушка. Боль моя ещё сильна.

— На войне без потерь никуда, и знаешь...

— Абаллия, помолчи, — проговорил седой граф Гэбриал Аманесир напротив Абаллии, чуть моложе неё. — Нарнетт, предлагаю выдворить отсюда посторонних. Поговорим в кругу знати, если ты не против.

Герцогиня одной рукой потирала лоб, не ответила. Но второй рукой взмахнула, камергер призвал слуг и стражу удалиться прочь, после чего вышел сам.

— Гэбриал, прости, что я молчу на твои письма, — сказала герцогиня. — С баронами-мужчинами я справляюсь лучше. Но как примирить твою жену с племянницей — не входит в круг моих обязанностей. Ты гораздо умнее меня, способен сам найти ответ.

— Плевать на мою семью, милая Нарнетт, — ответил тот старый граф. — Давай разберёмся с твоей. Наконец прекратим те поганые слухи.

— Из-за этих слухов стены таверн окрашиваются в красное, — сказала одна из баронесс, которую Нарнетт видела впервые. — Рыцари бросают друг другу дуэли и берут для выяснения отношений не турнирные, а боевые копья!

— Говорите по одному, мои дорогие, — недовольно процедила владычица. — По порядку. Я, как и мои родители двадцать лет назад, клялась в верности у королевского алтаря. Своей клятвы не нарушу. Но алтарь сейчас под контролем мятежников. Чтобы подтвердить свою лояльность, нужно для начала узнать, где находится мой непосредственный правитель. Не смейте решать за меня, молю Всевышним. Не смейте...

Она не заметила, что прошипела последние слова. Её подданные непонимающе переглянулись. Абаллия наклонилась над столом и взяла слово:

— Милая Нарнетт, алтарь — это символ, как и столица королевства. Важна кровь. Отправься с посольством в ставку к королю, приготовься к походу. А пока разошлись шпики, нужно найти его.

— Не принимать решение за меня, Абаллия, — Нарнетт не почувствовала, как сверкнула глазами в сторону пожилой дворянки.

— Госпожа, — вступил Жарнор, что сидел ближе всех к Наре, — всё королевство сейчас грызётся друг с другом. Только мы не участвуем в гражданской войне. Так бы наши люди могли выпустить пар...

— Я могу показать, где наши люди могут выпустить пар! — чуть не взревела владычица. — Проводите мобилизацию, мои дорогие. Через неделю, если Всеотец будет милостив, к вам вернутся только грифоньи наездники! Которые сразу же дезертируют со службы! Или вообще не явятся домой!.. На каждое моё письмо с просьбой о помощи вы присылали отписки! Бойтесь гор, так и скажите! Не нужно скрываться за красивым слогом!

— Не боимся, — прервал молчание относительно молодой граф Ольбаст Индерит, что сидел напротив Жарнора. — Но и оставлять наше герцогство без защиты нельзя. Наши соседи — воюют друг с другом, пусть пока и в центре королевства. Не хотелось бы, чтобы одним из полей боя стала наша земля.

— Дорогая, успокойся, — вновь вступила Абаллия. — Мы после твоих родителей, мужа и сына ближайšie к тебе люди, ближе твоих дальних родственников и придворных. Нужно решить, выступим ли мы от лица герцогства Сальвиар, что наша лояльность короне неоспорима, или нет.

— К западу от нас находится герцогство Норкерак, герцогство Снежного Барса сейчас — ближайший союзник мятежников, у них земля беднее нашей, но опытных охотников и хорошей лёгкой кавалерии у барсов много, — напомнил окружающим Старый Лис. — К югу — герцогство Айрснерар, родина королевы, которая воюет с мятежниками. На родине её отца, Серебряного Кота, сейчас дислоцируется настоящий дивизион ударных чародеев, собранных со всего королевства для противодействия прошлогодним голодным бунтам.

— «Когтистые» называется этот чародейский орден, — сказал граф Аманесир.

— Но бунты почти закончились, началась гражданская война. Чародеев не распускают. Кто знает, для каких целей они нужны... Всё, что я хочу сказать, уважаемые милорды и

миледи, если мы вступим за одних, другие начнут устраивать нам диверсии. А пока мы нейтральны — никто не трогает нас.

— Говорят, король с королевой в ссоре, Жарнор, — заметил Гэбриал Аманесир, переглянувшись с Абаллией напротив. — Сейчас в королевстве несколько сторон.

— Жаль, что этого ублюдка не поймали... — проговорила Нарнетт. — Я бы отдала все божьи камни на свете, если бы ко мне привезли Валдиса Унгартта после его поражения. Я бы посмотрела в его мерзкие, змеиные глаза.

— Валдиса с его ордами прокажённых разбили почти три месяца назад, — сказал барон следом за незнакомой баронессой. — Ваша светлость, ваши сиятельства, если поднимать вопрос о горах, то разумно ли будет обратиться к тем, кто специализируется на уничтожении чудовищ?

— О чём ты, Фингред?

— О герцогах Гербертах, госпожа Абаллия. Ведь именно они под холмами Аббата Киттана разбили многотысячную орду прокажённых и едва не поймали оккультиста Валдиса.

— Я думала об этом, — Нарнетт прекратила потирать лоб и уставилась на относительно молодого барона. — Но, во-первых, я боюсь издержек за оказание нам помощи извне. Во-вторых, Герберты лояльны короне, ведут войну с мятежниками. Если мы вступим с ними в переписку, они потребуют от нас выставить армию под своё знамя, под знамя королевы... Так, Жарнор, прости. Если королева с королем ведь действительно по разные стороны баррикад. Тогда мы даже не знаем, за кого Герберты.

— Всё смешалось в нашем чане под названием королевство Вайндуол, — неловко отшутился Старый Лис. — Главное, что мы друг за друга. Если отбросить в сторону окрашиваемые в красные тона таверны и ристалища.

Долго обсуждали политику. На чьей стороне правда, когда мятежники столкнутся с королём в прямом бою, почему союзники королевства по большей части остранились от войны, кому могло быть выгодно развязывание гражданской войны и как в этом может быть замешана церковь. Нарнетт не любила политическую демагогию, а сейчас её буквально выворачивало наизнанку от подобного.

— Я отойду, простите, дорогие друзья, — сказала она и быстро покинула зал советов.

Появилась чесотка. Ей хотелось разорвать свои предплечья, вцепиться с них ногтями, вырвать кожу с мясом. По голове прошёл страшный зуд. Организм изменялся, каждое новое изменение было более радикальным и невыносимым. Нарнетт, едва дошагав до своих палат и ударив по лицу услужливого пажа, что вызвался открыть дверь, заперлась изнутри. Убедилась, что тут никого нет. Сняла геннин, платье и котту, осталась в камизе. Взглянула в зеркало, моментом увидела не свои глаза. Её отражение пыталось что-то внушить ей. Пыталось овладеть ею.

— Да будь ты проклят, род Мэссиров! — вскрикнула она и вцепилась в свои волосы. — О, Всевышний, что это?.. Что это?!

В её руках остались клочки волос. Она взревела, заметалась у зеркала, с кулака врезала по своей насмехающейся копии в зеркале. На руке остались порезы. Голова горела, требовала расчесать себя. Руки не слушались, требовали соединиться с головой. Она вырывала из себя клочки волос, царапала кожу, едва не распорол нос обоюдострым маникюром. Кое-как пришла в себя, схватила кресло и с неведомой силой швырнула в зеркало туалетного столика, зеркало каскадом рассыпалось по полу крупинками и

стекляшками.

Ворвались слуги и стража, она оценила их звериным взглядом. Люди не на шутку перепугались, застыли на месте.

— Я в порядке! — она не заметила, что голос её изменился. — Пошли вон! Вон!

Потоптавшись и переглянувшись, они вышли. Нара рухнула на пол, взяла самый крупный осколок зеркала, приглянулась. С её темени ползли ручейки крови, глаза заливала ярость — новые трещинки дали о себе знать. Но причёска больше не принадлежала благородной даме — от роскошного огненно-рыжего водопада, который под головным убором обычно поддерживался обручем или диадемой, остался лишь потрескивающий костерок, бурьян помадковых тонов. Нарнетт достала из комода лечебное зелье, половину отпила с горла, остальное вылила на голову, не забыв обмазать пальцы. Голову защипало, она нашла повязку, порвала ткань, наспех связала платок и обмотала им голову. Для уверенности, чтобы сбить запах крови, прыснула на себя парфюм. Едкий орехово-травяной букет ударил в самые лёгкие. Геннин и остальную одежду вернула на голову и тело, встала, отряхнулась, ещё раз взглянула в осколок зеркала — пряди волос всё же выглядели из-под повязки и головного убора. Подумав, направилась прочь.

— Уберите там. На следы крови не обращайтесь внимания, я справилась.

Паж потупил взглядом, но служанка треснула его по темени. Стражники отмолчались.

Вновь дворяне одарили её скрипами кресел и томными взглядами встающих за стойку тавернщиков. Она села.

— Нара, что с тобой случилось? Словно побледнела.

— Нездоровится в последнее время, Абаллия. Не волнуйся, врачеватели следят за мной. На чём мы остановились? Прошу, избавьте от глобальной политики. Меня интересует только моё герцогство.

— Но, дорогая, — продолжала пожилая графиня, — нам нужно как раз решить вопрос большой политики. За кого мы выступим?

— Ни за кого. Мы сидим дома и точка.

— Наша мелюзга то и дело разбойничает, — вступил Старый Лис. — Северные границы Айрснерара горели всё лето. Разве ты не разобрала кипу писем от нашего южного соседа, на минуточку — отца дражайшей королевы?

— Я каждый месяц отписываю Керту, что разберусь, — отвечала Нара. — И каждый раз он более настойчив в своём слоге. Думаю, он понимает, что с непогодой «наша мелюзга» прекратит безобразничать. А в следующем году посевы дадут норму, дичь расплодится в лесах, всё вернётся в старое русло.

— Кроме тебя.

Нарнетт медленно перевела взгляд на третьего в левом ряду мужчину, что сидел между графом Гэбриалом и безымянной баронессой.

— О чём ты, Ольхт?

— Посмотри на себя, Нарнетт, — серьёзно сказал он, миниатюрный, аккуратный, но острый на язык черноволосый барон, её подданный. — Раньше ты была весела, первая на балах и пирах, первая хлопала в ладоши на охотах, каждый месяц навещала нас. Сейчас ты зажалась, ушла в себя. Из дворца приходят слухи, что ты даже за сыном не ухаживаешь. Прости, что говорю это не лично. Но мы все одна семья, у нас не должно быть секретов.

Кто-то кивал, соглашаясь. Жарнор и безымянная баронесса напротив — негативно крутили головами, противясь этим словам.

— У тебя от нас какая-то тайна? И... Что с тобой?

— Я в порядке, Ольхт.

— У тебя кровь течёт.

Она достала платок, вытерла лоб. Платок побагровел.

— Доведёшь девушку до гроба, негодяй! — возмутилась Абаллия.

— Мы имеем право знать, матушка! — отвечал он.

— Не лезь под чужое одеяло, понял?!

— Друзья, прекратите! — вскочил уже Жарнор. — Нам нужно!..

Нарнетт незаметно, пока дворяне переругивались друг с другом, достала малюсенькую колбочку, откупорила, выпила залпом. Зелье подействовало моментально. Почти сразу люди вокруг превратились в туманные очертания. Кто-то махал руками, показывая на неё, выпавшую из этой реальности. Кто-то кричал, но крики их сливались в музыкальные ноты, неприятные, скрежещущие, фальшивые.

— Успокоились. Немедленно.

Туманные очертания затихли. Сели по своим местам.

— Что у тебя с голосом? Слово из могилы.

— Побочный эффект.

Дальше она не слышала себя. Понимала, что говорит не она. Её личность раздваивалась. Кажется, зелье работало. Зелье могло выпустить вторую сущность наружу.

— Она зачарована? Но кем?

Уши заложило. Снова не услышала себя. Но других слышала прекрасно. Туманные очертания преобразились, появились клыкастые вытянутые морды с рубиновыми глазами, между когтистых пальцев — перепонки, с подбородков капала кровь. Они приглашали её на свой кровавый пир, где в качестве угощения использовалась кровь будущих поколений. Именно так что-то внушило Нарнетт. Возможно, что-то, о чём говорил Абалтун. Сущность. Крайне могущественная.

— О каких поступках ты говоришь? — сквозь потусторонний рёв услышала она мужской голос.

— Нара, ты обезумела?! — возмутился женский голос, напоминающий голос матери. — Мы хотим порядка не меньше тебя! Что с тобой?!

— Кого казнить?! — продолжал потоки удивления мужчина. — За что?! О, милостивые боги!

Зелье начало слабеть. Демонически-чудовищные морды преобразились. Сначала в что-то, что отдалённо напоминало горных чудовищ. Затем в нормальных людей. Неприятные потусторонние голоса сливались в единый крик. Но крик постепенно распадался на ноты, ноты трансформировались в слова. Среди слов она стала узнавать знакомые голоса.

— Давай, коли же!

— Что? — Нарнетт с трудом могла пошевелиться. — Что вы со мной делаете?!

— Ради твоего блага, дорогая! Грила, коли быстрее!

Нара повернула голову, узнала придворную целительницу. Та, прикрываясь платком, что-то делала с её рукой. Герцогиня пыталась вырваться, но её держали с двух сторон крепкие руки.

— Предатели, так и знала, пред...

Пробудилась с первыми лучами солнца. Попыталась поднять правую руку, но она

онемела. Взглянула, поняла причину — к руке прижался Колен. Мальчик тихонько сопел, во сне аккуратно поглаживая руку матери. Казалось, ему снился приятный сон, где мать была здорова, весела и игрива. Попыталась погладить его левой рукой, но левая рука была привязана к постели. Нарнетт рефлексивно дёрнула правой рукой, её также привязали. Ноги не слушались. Она могла только крутить головой.

— Кто-нибудь? Здесь есть кто-нибудь? — шёпотом спросила пленница.

В ответ только тихие всхлипывания сына.

— Колен, вставай, иди в постель. Колен?..

Она попыталась погладить его, но, повернув запястье, не дотянулась до головы. Лишними телодвижениями боялась разбудить.

— Стража! — громче шепнула она. — Кто-нибудь?!

Никто не отозвался. Нарнетт взглянула в окно. Вспомнила, что когда-то через окно Табию навестил её потерянный отец. Сейчас она мечтала именно об этом, чтобы один из её дальних родичей освободил её из собственной темницы. Темницы, которую она построила сама, откладывая принятие важнейшего решения в своей жизни.

Задумалась. Перебрала в голове события последних месяцев, попыталась сложить всё в единую картину. Герцогство нужно кормить. Если гражданская война продлится и в следующем году, то Сальвиар просто не получит драгоценного продовольствия. Не говоря о том, что и текущих запасов может не хватить на эту зиму. Потому нужно заняться самообеспечением. Но если не горы, а море? К востоку от герцогства располагается огромный Тёмный океан. Береговая линия герцогства изрезана бухтами, полуостровами, здесь во всю процветает рыболовство. Есть необитаемые острова, что также считаются частью герцогства, но там нет инфраструктуры. А если взять кредит в имперском банке и вложиться в строительство порта? Родители по возвращении будут гордиться самостоятельностью дочери.

За окном потускнело: на город напала огромная туча. С нею и прошла эйфория, гениальная на момент идея показалась просто импульсивным всплеском, минутной слабостью. Нарнетт мало понимала в государственном управлении, её стязей всегда было выяснение отношений между дворянами и разведение «скота по стойлам». Именно так отец учил её с подростковых лет, с того самого момента, когда он взял её любимую куклу и провёл поучительную лекцию.

— Теперь ты понимаешь, дорогая? — папа огладил шляпку Бэйлы.

От него Наре достались жгучие рыжие волосы с бордовым отливом и большие изумрудные глаза. Был отец среднего роста и телосложения, но чрезвычайно ловок и с клинком, и с пером, умел и в седле, и на пиру. Нарнетт, прижав колени к груди, внимательно слушала его, любимейшего на тот момент человека в своей жизни.

— Она ничем не отличается от нас, — продолжал он. — Просто неживая. Но взгляни сюда, те же ручки, те же ножки. Только вот... Ты пока мала, но скоро тебе можно будет объяснить, отсутствием чего она отличается от тебя.

— Я понимаю, папа. Мама рассказала месяц назад.

— Хорошо. Очень хорошо, — отец повернул куклу, взглянул в её глаза-пуговицы. — Запомни, когда-нибудь тебе придётся принимать важные решения. Если не поддерживать с подчинёнными прямой зрительный контакт, то есть если не смотреть человеку прямо в глаза и не отводить при этом взгляда, уважения и страха ни от кого не дождёшься.

— Зачем же страх?

— Ты будешь главной. Пусть у тебя будет муж, возможно, какой-нибудь графский сынок, но по закону править должна первая кровь. И тебя должны бояться. На самом деле, от пола это не зависит. Бояться должны любого, кто первый стоит на лестнице. Понимаешь меня?

— А если я не хочу? — она сложила руки в замок, надула губки. — На лестнице нельзя долго стоять, мешаешь ходить людям.

Отец усмехнулся, вновь погладил куколку.

— Всё равно я не хочу, чтобы меня боялись. Тебя ведь не боятся. Тебя любят.

— Одно другому не мешает. Вырастешь, поймёшь это. Любить нужно в дни спокойствия, дни процветания. Когда луга блестят росой, простой люд работает в полях, не покладая рук, рыцари следят за порядком на дорогах, а стражники — в городах. Но иногда светлые дни сменяются днями тёмными. Когда поля не дают урожая. Когда рыцарей грызут дикие звери или чудовища, а стражников колотят бандиты. Когда к твоему рабочему месту выстраивается целая очередь из подданных, каждому из которых ты должна дать совет. И в то же время не позволить укусить себя или оторвать от себя лишнее.

— Нужно делиться.

— Нужно беречь себя, дитя моё. Сначала наша семья, её благоденствие. Затем, если стены наши крепки, склады заполнены крупой и солониной, а подземный колодец чист, то можно помочь другим. Но одной рукой ты оказываешь помощь, а другой держишь клинок. Не буквально. Но смысл ты поняла.

— Зачем, папа? Откуда тогда будет доверие между мной и моими подданными?

— У твоих подданных есть свои вассалы. Они ведут себя с ними точно также. Графы с баронами, бароны с рыцарями. Маркиз де Пуньяк стоит особняком, но и он имеет до сотни послужильцев всех мастей. А отсюда вся эта система через административный аппарат доходит до самых низов. И самые низы должны знать, что правит ими. Хрупкая, хрустальная рука. Или хрупкая рука, спрятанная в железную перчатку. Железной хваткой эта перчатка будет держать всех. И в страхе, и в любви, и даже в ненависти. Без ненависти никуда. Всегда будет кто-то, кому ты будешь не по душе.

— И что же делать с такими?

— Слушать их. Держать рядом с собой. Так ты будешь знать об их планах. Так ты можешь влиять на их мнение. Так, в случае необходимости, не придётся долго тащить их до виселицы. Она будет рядом.

Девочка испуганно вжалась в подушку. Отец положил куклу ей на колени, она схватила её и прижала к щеке.

— Мне уже не нравится играть в куклы, папа. Скоро двенадцатый день рождения.

— Ты будешь играть в куклы всю жизнь, Нарнетт. Как в них играли десятки поколений до нас с тобой. А я буду учить тебя, как дёргать за ниточки.

— Но кто управляет твоими ниточками?

Яркие глаза его блеснули, словно дочь растрогала его.

— Только ты.

— Ваша светлость? Нарнетт, моя госпожа? — услышала она знакомый шёпот.

— Рила, хвала богам!

— Вы снова выпали из нашей реальности. Снова гипноз? — советница села рядом,

погладила Коленетта по голове.

— Просто вспомнила детство. Что случилось? Почему я связана?

— Ваш совет распорядился сделать это ради вашей же безопасности. Гэбриал уговорил остальных, даже Жарнора. Они... Госпожа, в силу вашей недееспособности они хотят временно отречь вас от управления герцогством, а сами созвать регентский совет, в который включают самих себя.

Нарнетт немедля округлила глаза. Рила невольно поперхнулась.

— Что с вашими глазами? Словно вы страдаете от бессоницы.

— Неважно, — сказала герцогиня. — Где они, уже уехали?

— Уехали все, кроме Жарнора. Он общается с придворными. Нет, не подумайте. Мы следим за ним, никаких интриг. Из всех ваших подданных он вернее всех. Но даже его напугало ваше вчерашнее состояние.

— Можешь пригласить его сюда?

— А если он спросит о вашем состоянии? — спросила советница. — Мне дать вам зеркало?

— Только не это, Рила, — Нарнетт помотала головой, лёжа на подушке. — У меня в последние недели очень сложные отношения со своим отражением.

— Вы вчера в приступе истерики разбили...

— Я помню, не напоминай. Приступ ярости. Или паники, точно не скажу, что охватило меня.

— Так что же с вами происходит? Ваши припадки с каждым месяцем всё сильнее и сильнее. Неужели ни тот отшельник, ни таинственная друидесса не помогут вам?

— Какая друидесса? — не понимала герцогиня.

— Та, что даёт вам эти лекарства через гильдию врачей. Именно они купируют вашу не менее таинственную, чем чужеземка, болезнь. Хотя чужеземкой назвать её язык не поворачивается. Она словно ваша копия, только в возрасте. Вам не докладывали о ней?

— Вот почему эти зелья работают... — прошептала Нара. — Да, я знакома с ней. А когда ты видела её в последний раз?

— Месяца два назад. Но к Анлесту она заезжала буквально неделю назад.

— Почему мне никто не доложил?

— Потому что это не по придворному этикету, Нарнетт.

Колен тряхнул головой, крепче сжал руку матери. Она почувствовала приток тепла.

— Порой мне так не хватает этого, — сказала Нара. — Но страх потерять его... Никак не могу избавиться от подобного ощущения.

— Госпожа, что же ты будешь делать? Может, собрать людей, отправиться инкогнито в королевский университет? Факультет подготовки лекарей — один из лучших в мире по материально-технической базе и научной практике.

— Центр королевства сейчас — один огромный военный лагерь, Рила. Северяне дерутся то с королём, то с королевой. Мне безопаснее дома. Чтобы никто не влиял на наше герцогство. Если, на что я надеюсь, гражданская война окончится быстро, я непременно навещу архимага Страсдура. Чтобы он лично контролировал работу своих профессоров. Мальчик мой!

Колен протёр глаза, взглянул сначала на Рилу, та улыбнулась ему, затем на мать. Долго вглядывался, словно пытался узнать.

— Ты выглядишь по-другому, — заметил мальчик. — Кто обижает тебя?

— Никто, родной.

— А зачем ты побила саму себя?

— У меня... Было плохое настроение, — оправдалась мать. — Как твои дела? Эрвия вчера утром сказала, что ты опять путаешь, где какое графство у нас располагается.

— Я не хочу быть герцогом, матушка. Табия рассказала мне, что в жизни можно стать кем угодно. Вот её папа, например...

— У неё нет папы, — огрызнулась Нара. — Не верь её рассказням. Она придумала его.

— Она сирота, мой юный герцог, — поддержала Рила. — Мы приютили её.

— Я ведь просила тебя держаться от неё подальше, — продолжала гневаться мать. —

Почему ты не слушаешься?

— Но только рядом с ней я чувствую себя лучше! У неё такая... Странная доброта ко мне...

— Не подходи к ней, молю тебя мыслимыми и немыслимыми силами, Колен.

Мальчик потупил взгляд, посмотрел на Рилу. Утешения она не гарантировала. Но догадалась перевести тему:

— Мой юный герцог, скоро полдень. На тренировочном ристалище сейчас упражняются рыцари. Вы не хотите посмотреть?

Мальчик оживился, обратил взор на матушку. Та улыбнулась, и улыбнулся он.

— Гхм... Рила, а у кого ключи от моих цепей?

— Это не цепи, моя госпожа. Обычные ткани. Сейчас я развяжу вас.

Тренировочный манеж занимал весь первый этаж одного из боковых корпусов. Две особо активные служаночки, что следовали за властительницей, чуть ли не на коленях умоляли отпустить их. Нарнетт махнула рукой, проводила взглядом — девицам явно приглянулся какой-то молодой красавец с огромным шрамом через всю шею. Видимо, он был в последней экспедиции на север. Увидев очередную партию наблюдательниц, юноша опустил забрало, махнул своему оруженосцу на другом конце тренировочного поля и направился к нему, вертя мечом в руке. Высокородные прошли дальше, увидели рыцаря в цветах герцогства, Колен бросился к ограде:

— Мама, смотри! Это же сир Оронемус!

— Мой маленький герцог! — воскликнул тот, подняв забрало и обнажив могучие бакенбарды. — Ваша светлость, рад видеть в добром здравии и памяти.

Нарнетт не поняла, серьёзен ли рыцарь или издевается.

— Оронемус, как проходят ваши тренировки? — спросила герцогиня.

— Посмотрите, госпожа. Кэрвдон, как вы знаете, последние три месяца натаскивает нас на борьбу с неорганизованным, диким врагом.

Нара осмотрела дерущихся на манеже. Некоторые рыцари противостояли сразу нескольким партнёрам, что вели себя весьма расторопно, быстро махали цепями и короткими клинками — по два в каждой руке. Но имитировать бой с горными чудовищами у того, кто организовал тренировку, получалось весьма скверно. Вели себя «дикари» больше как люди, а не как зомбиподобные чудовища.

Коленетт захлопал в ладоши, увидев, как хлопают пажы в стороне. Один из рыцарей сразил двоих. Нарнетт узнала его. Едва он повернулся, сразу нашёл её взглядом. Недобрым, чужим.

— Жаль, его не было с нами тогда, три месяца назад.

Оронемус переглянулся с Рилой и с мальчиком, посмотрел на победителя дикой пары.

— Идём дальше, сын. Сир Оронемус, рада видеть. Прошу передать наилучшие пожелания вашим супруге и сыну.

— Непременно, госпожа. Мой герцог, — рыцарь поклонился и направился к оруженосцам, что разминались с клинковым оружием.

Рыцарь-заяц занервничал. Жестом подозвал побеждённых, что ещё не оправились от падения на песок манежа. Те переглянулись, но взяли оружие, напали вновь. На глазах герцогини, её сына и советницы сир Орто в два удара раскидал «упырей» так, что их «когти» разлетелись во все стороны.

— Всё ли в порядке в вашем доме, сир Орто? — без иронии спросила она.

— В полном, ваша светлость.

— Вы не удостоите меня поклона?

Он нехотя поклонился, но так, словно у него сводило мышцы. Нарнетт чувствовала, видела, что он силён, как медведь. И часовая тренировка не могла навредить его крепкому организму.

— Подойдите поближе. Не хочу, чтобы ваши люди слышали нас. Моему сыну и моей советнице я доверяю, надеюсь, доверяете и вы.

Она взглянула на сына, он раскрыл рот от удивления. Сир Орто был одним из его любимчиков, как напомнила шёпотом Рила. Мальчику всегда нравились подобные бронированные скалы, что могли сокрушить любой океан врагов, распластав их о свои крутые склоны.

Они встретились взглядами. Нара попыталась повернуть тот трюк. Но ничего не сработало. Он словно понял её, гневно фыркнул и сказал:

— Фокусы, госпожа, не всегда работают.

— Если бы не ваша своевольность в первый наш поход, то я бы взяла вас во второй поход. И под прикрытием вашего могучего клинка могло уцелеть больше людей.

— Или бы я, что не пользуется вашей милостью, остался бы там, — рыцарь протянул руку через забор, пожал Коленетту.

Мальчик буквально повис на руке рыцаря, не веря своему счастью и не слыша разговора.

— Вы все для меня — одна большая семья, — сквозь зубы процедила она. — Если бы я имела на вас какие-то виды, вас бы здесь уже не было. Чего вы добиваетесь?

— Ваша светлость, мне отойти с Коленеттом? — спросила Рилароя.

— Стой, Рила. Нужна свидетельница. Сир Орто, мне приходится наблюдать за вами последние недели. Ведёте вы себя не по-рыцарски. Пьянствуете, дебоширите, насилуете тавернщиц, — на этих словах Рила прикрыла уши сыну, тот продолжал жать латную перчатку медведю. — Но главное, ведёте тёмные дела с какими-то людьми. Я поймала только одного. Не раскололся даже под пытками. Мы можем быть откровенны сейчас?

Нарнетт оглянулась, кивнула. В манеж высыпали гвардейцы. Орто не повёл усом, продолжая пристально вглядываться в глаза герцогини. Его слуги щекотливо хохотали в стороне, довольные тем, как отчитывают их хозяина.

— Матушка, отпусти его. Ему нужно заниматься.

— Его светлость, госпожа, — начал рыцарь, — выбрал пятерых, что должны следить за вами и наставлять вас на правильный путь. Каждый из нас делает это по-своему. Из всех пятерых не справился только я. Виной тому — ваши скрытые способности. Если бы я знал, что в вас спит чародейское естество, непременно бы отказался от своей доли.

Нарнетт взмахнула рукой, гвардейцы прекратили приближаться. Порлехт

демонстративно опёрся об один из заборчиков и начал подгонять нерасторопных оруженосцев.

— Вашей ролью было... — проговорила Нара. — Что, за что вы отвечали?

— Я должен был быть тем маленьким дьяволёнком, что в трудные моменты появлялся бы на вашем плече и отговаривал вас от поспешных решений.

— Значит, должен быть ангелочек?

— Ангелочка нет, — серьёзно отвечал рыцарь с зайцом, оседлавшим улитку на тунике.

Замолчали. Нарнетт пыталась перевернуть сказанное. Орто догадался, что мальчик просто так не отвяжется, снял шлем, дал ему потрогать резной орнамент и плюмаж.

— Кто остальные четверо, сир? — спросила герцогиня.

— Мы дали обет. В крайнем случае, можем сказать о самих себе. О других говорить не имеем права. Хотя знаем всё равно не всех, каждый знает только двоих других.

— Значит, тайные агенты отца?

— Верные слуги его, госпожа, — рыцарь освободил латную перчатку из цепких лапок мальчика, погладил его по голове.

— А мне насколько вы верны, все пятеро?

Он молча надел шлем и закинул руки за спину, Коленетт потянул его за пояс, требуя ещё раз пожать руку, но Орто не поддавался.

— Мне повторить вопрос?

— Мы верны всей вашей семье, ваша светлость. Вашим отцу, матери, вам, юному герцогу, — он вновь пожал руку ребёнку. — И даже вашему мужу, пусть в нём нет благородной крови. И верность эта, что граничит с любовью, вынуждает идти нас на необходимые меры. Только такие люди, беспристрастные, посторонние, но помазанные волею Всеотца и вашей милостью, способны ограждать ваш путь, делать дорогу более безопасной. Даже ценой своих жизней. К сожалению, когда рыцарь не справляется, иногда он встаёт на путь слабых, путь алкоголя и распутства. Прошу простить за это.

Нарнетт молчала, искоса взглянула на Рилу, её тронули слова медведя.

— И если цена жизни рыцаря, оруженосца, гвардейца, чародея или генерала, командующего войсками герцогства, обеспечивает безопасность вашей семьи, то мы продолжим выполнять свой долг независимо от вашего к нам отношения. Застенки, смертная казнь, изгнание? Ваша воля. Но будут другие. Другие, что будут исполнять свой долг иными методами. Возможно, более молодые, проворные.

— Мне жаль, что я не взяла вас с собой три месяца назад, — Нарнетт тяжело выдохнула. — Вы тот дьяволёнок, что смог бы отговорить меня. Применяя правильные слова, уверена, даже моя сверхспособность бы не смогла справиться с вашей сверхспособностью. С кристальнейшим благородством. Доброго дня, сир Орто. Простите мои необоснованные претензии.

Он поклонился, в очередной раз пожал руку мальчику и отправился к оруженосцам, что пока упражнялись парой.

— Нарнетт, вы ему верите? — спросила Рила, приобняв Коленетта.

— Я ему верю! — спохватился он.

— Тише, дорогой, — матушка погладила сына по голове. — Я не верю даже самой себе. Что можно говорить о придворных?

— Наш двор, моя госпожа, — не чета королевскому двору или дворам наших соседей. Распри и интриги у нас весьма местечковые относительно других дворянских, если

позволите, собраний. Они готовы травить друг друга, жениться на близкой крови...

— ...это не такой уж грех, — вклинулась Нара, взяв сына под руку и двинувшись в дальний конец манежа. — Хотя церковь и выбила несколько столетий назад закон о запрете близкородственных отношений, но...

— ...или вообще продать страну нашим верным союзникам, верность которых измеряется количеством сокращённых пошлин, — продолжала советница, идя следом и не слыша замечания. — При этом всегда эти люди будут чувствовать себя с одной стороны правыми, с другой — ущемлёнными. У них свои интересы, что куда выше наших, местечковых. И своя правота, подкрепляемая жестокосердием. Потому они никогда не будут верить друг другу.

— Ты намекаешь на то, — бросила герцогиня за спину, пока гвардейцы вокруг покидали манеж, — что моё неверие может быть источником всех проблем? Возможно, наших проблем?

— Не могу рассуждать о подобном, — заверила советница-канцлер. — Но неверие — не для нас, не для герцогства Сальвиар. Мы немного отличаемся от остальных одиннадцати герцогств и Предместий столицы. Мы полукровки, воспитываемся обычаями и традицией, а не законами и наукой.

— Но также живём и во дворцах, и в халупах, строим и порты, и рыбацкие деревушки, отправляем знатных детей учиться в другие страны.

— Полукровки, госпожа. В нас есть и от пришельцев, и от коренных жителей материка.

— Значит, вот он ответ, — сказала Нарнетт вполголоса. — Нужно решить не то, хочу ли я быть чудовищем или человеком, а то, кто я — чужая для людей или своя.

У Рилы был не очень хороший слух, всё же сказывался относительно немолодой возраст. Но Колен едва заметно дёрнулся, словно услышал и даже понял, что сказала матушка.

— Жарнор ещё здесь? — спросила герцогиня. — Рила, опроси слуг, узнай, не уехал ли Старый Лис.

— Сию минуту, госпожа.

После обеда, не успев поговорить со Старым Лисом из-за его отъезда, Нарнетт, как и большую часть своего времени, занималась документами. Канцлер по праву то и дело приносил новые кипы довольно банальных распоряжений, один раз её навестил главный казначей, что пожаловался на «съёживание» резервной казны. Герцогиня распорядилась прекратить платить налоги в столицу, так как недавно её захватили мятежники, а где находилась королевская ставка — не знал никто. Как и то, кто именно должен собирать налог — королева с казначейским двором, что экстренно эвакуировался накануне штурма, или король, что всегда носил при себе именную гербовую печать. Ближе к закату её склонило в сон, но очередные судороги, что переросли в чесотку, пробудили в ней желание принять лекарства.

Она сняла геннин, опасно дёрнула себя за волосы — вырвался клочок. Видимо, организм продолжал слабеть, если она почти не применила силу. Встала, подошла к зеркалу, улыбнулась — таинственная самозванка с потусторонней улыбкой молчала. Но резцы продолжали кровоточить. Нара погладила один из клыков, укололась, из пальца пошла кровь. На крик вбежала стоявшая за дверью служанка, над которой возвысился стражник, но высокородная попросила их прочь. Постепенно, месяц за месяцем, но Нарнетт училась ухаживать за собой самостоятельно. К сожалению, в вопросе принятия серьёзных решений

она была ещё несамостоятельна.

После употребления лекарства организм успокоился, метаморфозы прекратились. Она уснула, уткнувшись лицом в бумаги. Не смогла сорвать сон предательски вредная чернильница, в которую обмакнулся указательный палец. Служанка постоянно ставила её поближе к креслу.

— Пал ещё один, ваше благородие, — отчитался капитан. — Я прошу вашего разрешения на отвод нашего отряда домой. Люди ещё могут выдержать, но грифоны без еды держатся хуже лошадей.

— Арент, никакого отвода. Мы так близки к разгадке, нельзя возвращаться домой с пустыми руками, — ответил Мэльдэн. — Пусть наша «охота» подзатянулась, но добычей для нашей госпожи послужит информация. Только владея информацией, она сможет принять окончательное решение по этим горам.

В горах снова завывло. Иной вой эхом отразился от горных склонов и вершин. Наездники и звери за несколько дней нахождения здесь уже привыкли, что таким образом упыри ищут их. Передают друг другу информацию.

— Нету их здесь... Посмотрите на северном плоскогорье, там горный ручей, — прошептал Мэльдэн. — Им нужна вода. Всем нужна вода. А нам требуется кровь. Человеческая и грифонья.

— Странные мысли, господин, вас одолевают, — проговорил Нарт.

— Думаю, лучшего следопыта герцогства могут посещать мысли похуже. Откуда сейчас воют?

— Хмм... — Нарт приподнялся, оглядел горы, вслушался в ещё тянущееся эхо. — Где-то юго-западнее нас.

— Нам туда как раз и надо, проклятье, — выругался Мэль. — Неужели они обладают разумом, стерегут входы в свои подземные города?

— Пока не вернётся разведчик, этого мы не узнаем, господин барон.

Ждали разведчика добрый час. Юнец камнем плюхнулся в подлеске, привязал животное к огромной ели в юбке из сотен шишек, подбежал к своим.

— Владыка, нашёл! Проход, выдолбленный прямо в скале! Но есть проблема!

Мэль надел перчатки, ожидая худшего.

— Кажется, они выследили меня. Я петлял вокруг нашей позиции на расстоянии в несколько итт. Попытался вылететь за пределы гор, на север, но там мне путь преградило несколько парящих точек. Грифон зарычал, увидел, что это не птицы.

— О, Великая Матерь, они научились выставлять дозоры? — удивился Мэль. — Значит, если нас попытаются взять в кольцо, придётся вырываться. Но мы обязаны достать информацию. Количество входов, есть ли запасные выходы, где твёрдая скала, а где глина и земля... Работы ещё на целый день, если повезёт.

— Собираться? По маршрутам, господин? — спросил Нарт.

Мэльдэн задумался, осмотрелся. Погода благоприятствовала, ясный солнечный день с редкими облаками.

— Да, — согласился юный дворянин. — Помните, если будет совсем тяжело, разрешаю возвращаться домой своим ходом. Если будут отрезать, помните про камни Элелы на севере, за горами. Главное, не уходите далеко. Готовьтесь, начинаем через четверть часа. Будите спящих.

До самых сумерек Мэльдэн с двумя наездниками облетал округу. Нарт со своими наездниками работал чуть западнее, а ещё западнее работал капитан Арент, у которого в отряде была единственная на всю охоту волшебница. Они ловко петляли меж деревьев, садились, вновь наносили на одежды и перья грифонов грязь и эфирные масла, что до тошноты воняли листвой, мхом и гнилыми деревьями (за что нужно благодарить придворного алхимика, имя которого Мэль часто забывал), а затем отправлялись в новый вираж.

Ближе к вечеру, когда люди перестали видеть округу, а видящие в темноте грифоны могли доложить гневным стрекотанием только о наличии поблизости врагов, Мэльдэн смог обнаружить группу Нарта. Они организовали ночлег на небольшом высокогорном плато. Трое наездников разместились чуть в стороне, пониже от них. Где-то недалеко журчала вода. Кто-то зажгёт факел, Мэль увидел бледное лицо старшего следопыта.

— Господин, я не верю в совпадения. Не верю! — удивился Нарт.

— Тише. О чём ты?

— Это то самое место, о котором вы отшутились перед выходом на крыло! Кажется, Армирской, одна из самых северных плоских вершин в этой части гор! За той грядой, — егерь указал на север, — находятся земли Апалаи, земли мертвецов.

— Мертвецы не живут рядом с горами, а спят вечным сном по своим мёртвым городам и могильникам. Успокойся, неужто горы выводят тебя из себя?

— Почти неделя «охоты», что на самом деле была разведкой, владыка. Год назад я бы мог провести здесь долгие месяцы. Но сейчас...

— Успокойся. Лучше осмотришь, не видишь нигде огонька?

Нарт пропал из поля зрения, другой наездник всматривался ему вслед, продолжая следить за привязанными к огромному бревну грифонами. Вернулся следопыт быстро.

— Ничего не вижу. Свой свет погасим?

— Лучше да. Я первый дежурю, проведу вторую группу. Всё, готовьте спальники и попоны. И не забудьте ещё на ночь помазаться этой дрянью. А то мы слишком экономим её, как бы наш настоящий запах эти ублюдки не учуяли.

Темнота и блуждающие по окрестным горам стоны не пугали Мэльдэна в отличие от Нарта. В первые два дня было довольно тяжело, особенно на фоне того, что они потеряли двух наездников в разведке (и нашли их останки). Но потом, когда потери шли только на резервных грифонов, что несли провизию, люди успокоились. Только присутствие в горах потусторонней цивилизации выводило их из себя, напоминало — они здесь не одни.

Прошёл час дежурства. Мэль, что старался далеко не отходить от лагеря, в очередной раз прильнул ладонью ко рту второго наездника по имени Брюн. На этот раз тот испуганно проснулся.

— Прекрати храпеть, — шепнул Мэльдэн. — Грифоны едва тихо посапывают, а ты...

— Прошу прощения, — сказал наездник виновато. — Я принимаю лекарства, а они закончились. Не думал, что наш поход затянется так.

— Помню. Укройся хотя бы с головой. Через час поменяемся, будешь ты дежурить.

Темнота не позволила увидеть, но Мэль услышал, как тот хрустнул шеей, словно кивнул, и зашуршал спальником.

Следующий час заставил молодого барона насторожиться. Со всех сторон на горы накатывало новое эхо. Из-за того, что птицы и насекомые спали, вой перебивал даже журчание ручейка поблизости. Мэльдэну показалось, что постепенно эхо приближалось.

Один момент — словно кто-то выл прямо на их плато, пытаюсь найти их. Дошло до того, что ему причудилось, что рядом с ним дышат не двое, а трое, не считая трёх грифонов.

От воя проснулся довольно чуткий Нарт, что шёпотом начал звать командира из темноты:

— Что там, господин?

— Не могу понять, как близко, — тихо проговорил барон. — Но слышится со всех сторон, ты понимаешь что-нибудь?

— Нет... Слышу, что один из грифонов не спит, судя по шелесту, он оглядывается. Тоже пытается понять, где враг. Да, готов поклясться всеми богами, что сейчас слышится гораздо чётче, чем вечером. Кажется, что...

Егеря прервал чей-то ожесточённый стон. К западу. Кричал человек.

— Это наши? — спросил Мэльдан.

— Кажется, Орхейс, из отряда Арента, да, — тоскливо ответил Нарт. — Снимаемся?

— Мы в темноте ничего не увидим, даже не вздумай. Нас только деревья и спасают. Пожалуй, я ещё подежурю. Ложись пока.

Когда засопел Нарт, Мэльдан услышал шелест. Кто-то летел, очень быстро. Один из грифонов тихонько прострекотал, но его сородич не услышал его, полетел дальше, кажется, на восток. Ещё один шелест. Другой грифон ударился на север. Мэлю показалось, что взмах крыльев сопровождала человеческая речь.

Он подошёл к спутникам, чтобы разбудить их, как мглу разрезал пронзительный вопль, совсем рядом. Мэль рефлекторно прижался к земле, спрятался в спальнике, пытался оглядеть звёздное небо. Луна едва освещала округу, но этого было достаточно, чтобы увидеть стаю крылатых созданий, что пронеслись прямо над ними. Кажется, гнались они именно за вторым наездником. Оставалось молиться, что это волшебница, а не капитан. Именно капитан должен был вести все важные заметки, какие вели Мэльдан и Нарт.

Со склона послышался шелест кустов. Нарт и Брюн пробудились, судя по стальному шипению, достали клинки. Мэль поднялся, выставил оружие против темноты, но лунный свет позволил разглядеть человеческие очертания.

Удаляющееся эхо прервал звон стали. Чужак попятился от Мэльдана, тот застыл на месте.

— Кирек, ты ли? — тихо спросил барон.

— Нет, господин, Алдо! На нас нападают?

— Третья группа, их разгромили, — ответил Мэльдан, пытаюсь высмотреть движение вокруг. — Собираемся, отряд упырей полетел на север, за одним из наездников. Нам нужно найти другого. Он полетел на восток, пролетел над нами.

— Сейчас, владыка? — удивился полусонный Брюн.

— Пока не улетел далеко. Иначе он вообще домой вернётся или в ловушку попадёт.

— Опрометчиво, прошу простить, — заикнулся Нарт. — Быть может, безопаснее всего понять, кого из них убили?

Мэльдан задумался. В очередной раз осмотрелся, хотя в том не было смысла — мгла, только силуэты горных вершин и деревьев вокруг. К ним поднялись два оставшихся наездника, держа под узды трёх грифонов. Они явно готовились уходить.

— Ты знаешь, где они могли разбить лагерь?

Нарт осмелился зажечь фонарь, Брюн прикрыл его спальником. Под фонарём расстелили карту.

— К западу от нас несколько удобных точек, владыка. В тёмное время суток не найдём следов.

Раскат грома разразился в горах. На этот раз — не вой, кричали не упыри. Рык принадлежал существу крупному, опасному.

— Нарт?..

— Не знаю, ваше благородие. Похоже... Бегемот что ли?

— Они не водятся в горах! — удивился Брюн.

Новый рык. Чудовище или охотилось на людей, или было ранено, попало в ловушку, подумал Мэль.

— Может, попался в один из наших капканов?

— Мы их не так много с собой взяли, господин, — ответил наездник Алдо. — Быть может, кто-то из третьей группы сцепился с горным животным?

— Всё может быть. Рычит в стороне, где пропал отряд капитана. Нужно проверить. Трое остаются здесь, Нарт, Алдо, вы со мной. Помните, если не найдём друг друга, возвращаемся домой. Или к камням Элелы, если будут окружать.

Летели на призывной рык недолго. Чудовище рычало так, словно звало на помощь. Когда начали кружить вокруг предполагаемого местонахождения монстра, рык прекратился. Создание почуяло их. Мэльдан дважды поджёг наплечный фонарь, сигнализировав спутникам «на землю».

Грифоны рвались в бой, но наездники держали их под узды так, чтобы клювы не раскрывались. Через чашу двигались медленно, аккуратно. Послышалось тяжёлое сопение. Впереди мелькнули два хищных огонька, что, не моргая, уставились на охотников.

— Ищите тело, — сказал Мэльдан, подняв с земли переднюю грифонью лапу. — Нужно понять, кого тут растерзали. Оружие к бою, если что, три грифона любую тварь загрызут.

— А это что впереди?

— Кажется, не упырь, — ответил Нарт Алдо. — У тех глаз нету. Зверь какой-то.

Мэльдан снял с плеча арбалет, зарядился, направил в сторону хищника. Тот продолжал наблюдать за его едва заметным силуэтом, что почти не виднелся из-за темноты.

— Замолчал. Инстинкты?

— Алдо, помолчи. Ищите следы наших.

Быстро нашлись лежаки. Лагерь действительно разбили здесь. Мэльдан продолжал прикрывать остальных, пока они осматривали вещи отряда капитана. Грифонов привязали к соснам, они рвались уничтожить потустороннее чудовище.

— Ничего нет! — шепнул Нарт в стороне.

— Подойдём к нему.

— Что?! — громыхнули двое.

— Не трусить! — ответил Мэль шёпотом. — Прикройте меня!

Нарт, обнажив клинок, появился сбоку. Алдо пропал, но когда они подошли поближе, то появился с верным грифоном под уздой.

— Если набросится, не удержишь!

— Надо убить тварь, Нарт!

— Подожди, Алдо! — тихо прикнул Мэльдан. — Что-то тут не так!..

Он зажёл фонарь поярче, подбросил буквально к лапам чудовища. Показался массивный шерстяной валун, размерами он превышал коня и походил на грифона без крыльев. На людей смотрела пара ярко горящих в ночи бурых самоцвета, что прятались в глубоких глазницах.

Мэльдан оказался прав, чудовище угодило в капкан, которым отряд Арента защищал себя.

— Пристрелите его! — не выдержал Алдо.

Мэльдан не сводил арбалетного болта с головы монстра. Он не рычал, только тяжело сопел. Под могучей лапой растекалась лужа крови. Барон взглянул внимательнее, увидел, что перебито несколько костяшек на пальцах. Самым странным была голова — то ли медвежья, то ли волчья. Таких диковинных созданий Мэль ещё не видел.

Он положил палец на спусковой механизм, приготовился нажать, но монстр помотал головой, продолжая тяжело сопеть. Мэль взглянул в его глаза, увидел что-то странное.

— Нарт, подними фонарь, сделай поярче.

Тот испуганно сглотнул, но медленно, через силу, исполнил приказ.

— Это магическое существо, — констатировал Мэль. — Смотрите, видите на задних лапах останки ткани? А за ним что-то...

Спутники не шевельнулись. Один целился мечом перед собой, другой держал двумя руками верного грифона. Зверь не понимал, почему хозяева не атакуют чудовище.

— Там два трупа валяются. Упыри. Он сцепился с ними.

— Может, это наши их убили! — тихо крикнул Алдо.

— Взгляни же, чёрт тебя побери. Они порваны, как тряпичные игрушки!

Алдо, ведя животное за собой, отошёл в сторону, едва не скрывшись в темноте.

— И из-за этого его стоит отпустить, господин?

— Нарт, я вижу в его глазах что-то такое, что-то странное... Интеллект, да не быть мне безумцем.

Мэль снял болт с арбалетного ложа, закинул оружие за спину. Медленно подошёл к волко-медведю под недовольные и злобные восклицания спутников.

— Надеюсь, мы на одной стороне, — сказал он двум нависшим над собой тёмным рубинам.

Громкий щелчок разрезал ночную тишину. Монстр откатился назад, барон следом. Нарт и Алдо с грифоном подскочили к Мэлю, как того резко хватануло могучей лапой из тьмы. Чудовище прорычало на него, хотело замахнуться ещё раз, но, опрокинув Мэля, на шерстяной валун кинулся грифон. Монстр двумя ударами оглушил зверя, ещё раз хватанул барона по голове, отбросив в сторону. Нарт и Алдо не успели среагировать, Мэльдан едва не потерял сознание.

Придя в себя, он услышал хлопки и треск веток. Чудовище бежало прочь от них.

— Вы в порядке? — спросил Нарт.

— Царапина, — Мэль достал колбу и повязку, полил её спиртом и приложил к ране под самой шеей.

— Смотрите! — удивился Нарт. — В самом деле!

Там, где лежал гигант, валялась сумка. Словно волко-медведь хотел украсть её, но попал в ловушку. Порывшись, они нашли самое важное, то, ради чего Мэльдан затеял этот поход. Карты Арента. Заметок здесь было много, а в дневнике капитан указал, что всё готово, осталось соединить с другими лоскутками бумаги.

— Значит, упыри убили Арента с грифоном, его напарники взмыли вверх, а медведь пришёл сюда поживиться?

— Да не медведь это, Нарт, — сказал Алдо. — У него голова волчья была. Мутант какой-то!

— Что-то тут не так. Слишком много совпадений. Горы огромные, почему медведь так

быстро нашёл лагерь и даже убил пару тварей?

— Твари, полагаю, лакомились грифоном, — Нарт подошёл с фонарём в одной руке и мечом в другой к массивному пернатому силуэту в кустах. — А монстр не захотел делиться. Это ведь не плоскогорье, как восточнее. Отсюда, если я правильно помню по карте, есть спуск в низины.

— Сколько же таких медведей тут может водиться? — спросил Алдо. — Что вообще с горами за этот год произошло? То вампиры, то упыри, то медведи, то чокнутый отшельник...

Мэльдан долго глядел вслед убежавшему существу с магическими глазами. Словно ждал от него нового рыка. Но тот не рычал.

— Собирайте все вещи, возвращаемся к своим, — приказал юный барон. — Все заметки мы сможем собрать в топографическую карту уже дома.

— Полетим домой ночью, без полноценного отдыха?

— Нарт, сначала доберёмся до своих. Нам лететь не меньше итты. Слушаем тишину, друзья.

Своих искали долго, до первых лучей солнца. После рассвета отправили одного наездника на север, к камням Элелы, узнать о наличии там людей. Разведчик вернулся спустя час, доложил о похожем на увиденное ранее побоище — грифона растерзали на части, от человека остались только обглоданные кости и оторванная голова с пустыми глазницами. Внутренности твари высосали или выскребли через шейное отверстие. Посоха или мантии не было, только ошмётки мужской одежды, значит, на восток сорвалась волшебница.

Оставшиеся члены отряда разделились на две части: половина, включая Нарта, хотела отправиться домой, половина — искать последнюю участницу экспедиции. Мэльдан решил не делить группу на две части, а, с трудом уговорив Нарта (как того, кто пользовался в отряде авторитетом), отправиться за чародейкой.

Летели долго. Один из грифонов постоянно приземлялся — сказывалось отсутствие качественного прокорма, особенно мяса. В голову Мэльдана закралась тёмная мысль, что можно попробовать откормиться «за счёт своих», ибо упыри съели далеко не всё. Ударив себя по лбу прямо на лету, он пришпорил грифона. Зверь возбуждённо застрекотал, металлические колёски с заострёнными шипами впились тому под перьевой покров. Командир охоты вырвался вперёд, остальные едва поспевали за ним, продолжая оглядывать округу.

Несколько остановок, облёт всей округи на расстоянии в несколько итт. Поиски шли скверно: во время одного привала чей-то грифон с размаху впился в дерево, насадившись головой на острые ветви. Нарт посадил чудом уцелевшего наездника к себе, Алдо навьючил его вещи. Ближе к сумеркам, когда люди продрогли от холода, несмотря на лётные куртки, а грифоны банально выдохлись, Мэльдан дал команду отдыхать.

В течение ночи чудовища устроили настоящую катавасию из разнообразных звуков. Кто-то выл, кто-то рычал, кто-то стонал (мужчина, хотя искали женщину-мага), вдалеке даже трещали деревья, будто их валили голыми руками. Двое наездников не смогли уснуть, им Мэльдан приказал дежурить следующие несколько часов.

С рассветом наступила драгоценная тишина. Проверив запасы, Мэльдан приказал подниматься на крыло.

Нарнетт продолжала бродить взад-вперёд, словно птица-попугай. Табия, таинственно

улыбаясь, провожала её взглядом.

— Я не знаю такой игры, тётушка. Но давай поиграем!

Девочка принялась ходить точно также, подражая герцогине. Та остановилась, окинула её гневным взглядом и спросила:

— Издеваешься?

— Ты о чём? — ответила Таби, прекратив бродить. — Если тебе плохо из-за этого письма, то давай просто выкинем его!

— От этого письма, — Нарнетт взяла его со стола и наклонилась над девочкой, — может зависеть судьба моего герцогства. Один неверный шаг, и по нашей земле пройдутся огнём и мечом! Выжгут всё вплоть до северных гор!

— А если... — девочка потупила взгляд, скривила лицо. — Не отвечать?

— Молчание — знак согласия, так и сказано здесь.

— Кто же смеет угрожать великой герцогине, одной из двенадцати высших дворян королевства?! — удивилась снежно-глазая.

— Твои дальние родственники, как однажды заметил Нойрбет, — слегка недовольно процедила Нара. — Прошу, оставь меня. Поиграй с кем-нибудь.

— С твоим сыном нельзя играть, а дети придворных боятся меня. Я могу играть только со взрослыми.

— Табия!

Девочка недовольно помотала головой, но поклонилась и вышла из кабинета. Нарнетт тяжело уселась в кресло, взглянула в окно. Внимание её привлекла вереница грифонных силуэтов, хотя наездникам было запрещено появляться над городскими стенами. У военнслужащих были свои вольеры, как и у заводчиков, в нескольких иттах от ближайших поселений. Чтобы не травмировать людей молодняком.

Она окунула перо в чернильницу, уселась за пергамент. Строки выводились сами собой.

Достопочтенному верховному герцогу Нортирара

Ваша светлость, принимая во внимание моё предыдущее молчание, прошу вас поставить себя на моё место. Вы — главный мятежник королевства, против вас выступает почти всё королевство. Против вас король, королева, церковь, ходят слухи — даже наши дражайшие союзники. Иные слухи говорят, что эльфы прислали с королём целый экспедиционный корпус, дабы усмирить ваш пыл. А мои земли находятся в самом углу королевства, почти в горах. С севера меня окружают неприступные горы Морнгерос, с востока — бурлящие воды Тёмного океана, с юга — вотчина нашей дорогой королевы, а с запада — земли вашего ближайшего союзника, Северного Барса. Ни я, ни мои подданные не ищем ссоры ни с вами, ни с королевой.

Мы с моими родителями много раз писали в столицу, просили разобраться, найти ответы. Нам искренне было жаль вашего отца, и мы также считали, что его гибель — не трагическая случайность, а результат столичных интриг. До нас также дошли слухи о тяготах, связанных со здоровьем вашей матушки. Если эти слухи правда, то примите мои искренние соболезнования. Надеюсь, её здоровье вернётся в норму.

Тем не менее, милорд, я считаю, что пускать кровь в королевстве — непозволительное действие. Всегда, даже в самых трудных ситуациях, нужно находить решения, компромиссы. Иногда — идти на уступки. Иногда — давить силой, но без большой крови. То, что успели натворить вы, прикрываясь благими намерениями, напугало всё королевство.

Когда я была мала, мне удалось при королевском дворе познакомиться с вашим отцом. Алукирт был образцом чести и достоинства, настоящим управленцем, что не играет в политику и не бросается сентиментами. Вы — его копия внешне, я надеюсь, и внутреннее.

Вынуждена ответить категорическим отказом о своём приезде в столицу и принятии новой власти. Прошу также не беспокоиться об иных вещах. На письма других участников большой игры я отвечу тем же. Уважительным тоном, но тоном человека, что хочет мира. И хочет всего лишь указать вам на ваши действия, а не как-то уязвить вашу дворянскую честь. За свою честь мужчины свергают династии, а женщины — свергают пьедесталы. Прошу вас, оставьте мой пьедестал независимости в неприкосновенности. Хотелось бы дождаться мирных переговоров, на которых, если мне удастся выжить в начавшихся не по моей воле событиях, готова присутствовать я самолично.

Искренне ваша,

Герцогиня Нарнетт Мэссир, графиня Алорбуно, баронесса Титула Семи Горных Пиков, хранительница герцогства Сальвиар до возвращения верховного герцога Млабиурта Мэссира

Едва она поставила точку, как послышался стук. Нарнетт спрятала пергамент в выдвижную полку, приказала открыть дверь. В кабинет буквально ввалился Мэльдан, на нём не было ни одного живого места. Смердело от него страшно, Нара приказала вошедшей следом служанке немедленно открыть окна, что та сделала и, получив новый приказ, удалилась прочь, закрыв двери. Демонстративно не замечая гостя, герцогиня достала флакон парфюма и распылила перед собой, словно заклинание.

Мэль плюхнулся в кресло, взглядом оценил содержимое стола — нашёл графин с вином, который не успела перехватить Нарнетт — содержимое в несколько глотков оказалось в желудке гостя.

— Скверно выглядишь, — заметила она, продолжая делать вид, что всё как обычно. — Приказать растопить баню?

— Прикажи Нойрбету притащить сюда свою жирную задницу, дорогая. У меня для тебя подарок.

— Ты был не на охоте, верно? Мои люди осмотрели все твои любимые охотничьи угодья, даже под горами — ни следа не нашли.

— Мы были на другой охоте, — отвечал Мэльдан. — Позволь мне рассказать по порядку, когда придёт жирдяй.

Нойрбета пришлось ждать долго. Вопреки словам Мэля, он не был тучным человеком, просто начал полнеть от дворцовых застенков и хорошего питания. Всё время ожидания Мэль молчал, изредка рассматривая то лежащие на столе документы, то окружённые кровавыми пятнами изумруды герцогини.

— Ваша светлость? — послышалось после стука и позволения войти.

— Садись.

Едва архиегерь сел в кресло, Мэльдан бесцеремонно сбросил со стола все документы, Нарнетт едва успела схватить чернильницу и перья. Из сумки на стол посыпалась бумага, гость стал крутить листы взад-вперёд. Она поняла, что это кусочки карты, а все отметки нарисованы на них вручную. Нойрбет наклонился над столом, двумя взмахами руки поправил Мэльдана, несколько листков поменялись местами.

— Вот здесь, здесь и... Здесь, — друг герцогини поводил пальцем по серии точек, —

мы потратили всю неделю, я не посвятил тебя, прости. Убито несколько охотников и грифонов, не волнуйся, погибли мои.

— Ты не бережешь своих...

— Мера необходимости, ваша светлость, — хмыкнул Мэль. — Лучше потерять нескольких толковых бойцов из разведчиков, чем потом в течение следующего года терять сотни и тысячи людей в кровавой мясорубке.

— Зачем ты полез к ним? — спросила Нара.

— Потому что вопрос гор нужно решать окончательно, — отвечал он. — Ты последние месяцы сама не своя... Нойрбет, хоть ты далеко не самый приятный человек при дворе, но свой, и ума тебе не занимать. Прости, что слышишь это.

Архиегерь едва заметно кивнул, продолжая разглядывать карту. Юный барон продолжал:

— Нарнетт, родители оставили герцогство на тебя. И именно при твоём правлении, полагаю, из-за этого поганца Валдиса от ваших земель начали отгрызать серьёзный кусок. Да, юридически горные долины не ваши. Но фактически — никто никогда не спрашивал, чьё это. Это ваше, Нарнетт. Позволь мне преподнести тебе решение проблемы.

Она отмолчалась, но кивнула.

— Мы целую неделю составляли эти заметки, осталось лишь нанести их на реальную, подробную карту северных гор. Твари лезут оттуда, всего мы насчитали пятнадцать туннелей, — он ещё раз обвёл пальцем по веренице точек. — А здесь и здесь находятся вертикальные выходы на поверхность. Осмотрели пару небольших внутригорных долин, в одной даже руины какой-то древней башни изучили. Там никто не живёт, хотя обстановка говорила об обратном.

— Подождите, владыка, — проговорил Нойрбет. — А западные и восточные горы вы тоже осмотрели?

— Да, следов тварей там не обнаружили. Мы также осмотрели всё в глубинах гор, изучили высокогорные пещеры. Чисто. Изредка попадались дикие животные, один раз нашли магического медведя, но в остальном у меня и Нарта сложилась чёткая картина. Твари лезут из туннелей, там их гнёзда.

— Что ты предлагаешь? — спросила Нарнетт.

— Прикажи гильдии алхимиков трудиться днём и ночью. Пусть готовят взрывчатку. Мы взорвём подземные своды да так, чтобы этих упырей там намертво засыпало!

Все трое молчали какое-то время. Нарнетт постучала укутанной в перчатку рукой. Свои рубцы на пальцах она старательно прятала от остальных.

— А если они выйдут с другой стороны гор? — спросила девушка.

— Мы облетели округу и там. Ни одного выхода не нашли. Кажется, они спали здесь долгие столетия. И поганец Валдис как-то нашёл их, раскопал, обратил в прокажённых. Это вампиры-мутанты, они лишены обоняния, ибо не смогли выслеживать нас ночью.

— От тебя такой смрад... — Нарнетт покрутила головой. — Полагаю, вы предприняли меры предосторожности, чтобы вас не нашли. Послушай, мы ни разу не видели, чтобы упыри обращались в нетопырей. Мне кажется, Мэльдан, что это два разных вида чудовищ. Те, с кем мы столкнулись, когда искали Абалтуна, действительно живут под горами. Но те, кто выслеживает наших грифоновых разведчиков в воздухе, другие.

Мэльдан перевесился через стол, взял её за руку. Нойрбет что-то промычал про себя.

— Неважно, какие они. У них закончилась дичь, а наших грифонов и разведчиков они

ели, как изголодавшиеся собаки. Может не сейчас, но в следующем году следует ожидать набегов или налётов на наши северные деревни. Затем — на города. Думай, дорогая. Нойрбет, ты понимаешь примерный масштаб проблемы?

— Да, ваше благородие, — ответил тот, вода пальцами по рисункам.

— Что скажешь? — спросил охотник. — Насколько моя идея реальна?

— Грифоны не смогут нести такое количество взрывчатых веществ, владыка, — сказал придворный. — Нужна гужевая тяга.

— Опять поход? — удивился Мэль, отпив последние капли из графина. — Что ж... На этот раз придётся собрать всё герцогство. Нарнетт, надеюсь, ты не тратила время зря. Верно?

Она недовольно посмотрела на него. Он явно пытался направить её, пробудить в ней решительность. Выбор, важнейший выбор в жизни, стоило делать скорее. Чтобы поскорее снять перчатки и перестать объяснять окружающим за болезнь своих глаз.

— Графы верны мне, но севера боятся все. Наша граница с засекой до сих пор не готова, — отвечала девушка. — Даже если я соглашусь на это, у нас будет всего сто рыцарей и оруженосцев, один полк пехоты и взвод чародеев.

— Я сегодня же отправлюсь к отцу, он ведь твой верноподданный. А ты уговори остальных баронов. Соберём всех, на кого можно положиться, кто верен тебе. И герцогству.

— А если все они полягут там? — заговорил не то пессимизм, не то реализм Нойрбета.

— Мы уже один раз сражались с ними, — сказал Мэльдан. — Они смертны, хотя и воюют весьма странно. Бронированный вал им не пробить.

Нарнетт вспомнила, что говорила бабушка. Говорила о помощи.

— Пока я не приняла окончательного решения, Мэльдан. Но с отцом поговори, я прикажу Риле, она созовёт остальных баронов. Нойрбет, возьми карту, составь более корректную версию со своими подчинёнными. Свободен.

— Слушаюсь, госпожа, — он быстро пронумеровал листки, сложил в стопку, поклонился и вышел.

— Вижу искру в твоих нечеловеческих глазах, — проговорил неродной брат. — Кажется, я догадываюсь, что ты хочешь... Отговаривать тебя бессмысленно?

— Ты слишком хорошо меня знаешь. Отдыхай, позволь и мне поработать. Заодно — проверить приобретаемые способности.

Мэльдан откинулся на кресле, в нос Нары ударил новый едкий букет затхлости и лесной гнили.

— Я прикажу страже посадить тебя под замок, если отправишься следом, — заявила девушка.

Он улыбнулся. Уже не так тепло, как раньше. В улыбке этой была тоска. Мэльдан верил, что Нарнетт ради своих амбиций даже из благих мотивов способна причинить вред и ему. У двери юноша обернулся, кокетливо уставился на подругу и сказал:

— Знаешь, Нарнетт, даже в чудовищном облике можно сохранять человечность. Потому я не верю, что ты способна совершать жестокие поступки. Как по отношению ко мне, так и по отношению к другим.

— Чудовище остаётся чудовищем, Мэль. Я понимаю это задней мыслью. Организм меняется, появляются животные инстинкты.

— Всё зависит от личности, — он схватился за дверную ручку, но не открыл, продолжал. — Знаешь, мы, когда искали одного убитого офицера, наткнулись ночью на

какого-то зачарованного медведя. Он напал на меня, но при этом пытался что-то внушить. Словно... Хотел загипнотизировать.

— Что же?

— За его кровь я заплачу своей кровью. Он... Не хотел убивать меня, только покалечить. Но мои ребята отогнали его, он сбежал.

— Бредни, Мэльдан. Не хватало ещё в горах медведей-менталистов. У тебя, кажется, также рассудок помутнел, как и у меня. Ступай.

Мэль отправился к себе, раздавая по пути приказы ожидавшим у дверей рыцарю и пажу. Нара вышла следом, направилась к сыну. Вновь дала знать о себе интуиция. Она хотела отправиться к Эндаррии этим же вечером. Но что-то скрежетнуло внутри неё. Что-то подсказало, что ей нужно увидеться с ребёнком, поговорить с ним. Войдя в покои, она увидела его с небольшой лютней в руках. Хельста, преподаватель музыки, показывал мальчику, в каком порядке нужно попадать по струнам, чтобы получилась мелодия.

— Матушка!

— Хельста, оставь нас. Продолжите занятие позже.

Он поклонился и вышел. Нарнетт села на кровать, посадила мальчика рядом.

— Что с тобой? — спросил сын, едва они остались вдвоём. — Тебе опять плохо?

— Хорошо мне только рядом с тобой, дорогой, — тяжело вздохнув, начала она. — И каждый раз, когда я покидаю тебя, последнюю частичку родной своей крови в этом дворце, на меня накатывает тоска. Волнами, как великое синее море.

— Давай будем учиться вместе, прогоним тоску! Хочешь, я покажу тебе, как правильно работать указательным пальцем и...

— Ты ещё мал, Колен. Когда отец вот так, наедине, желал впервые серьёзно поговорить со мной, мне было почти двенадцать лет. Я уже что-то понимала.

Мальчик заметно напрягся, положил лютню рядом.

— Мне нужно уехать. И я чувствую, что если вернусь, то буду другой. Возможно, ты не узнаешь меня. Возможно, к тебе вернётся моя вторая «я». Та, что оставила этот шрам, едва заметный под косметикой. Прости, что обманывала тебя. И некоторых слуг. Только Мэльдан знает, откуда эта отметка.

— Что такое если?! — чуть не взорвался он. — Не пуцу, мама! Не смей!

Он уткнулся носом ей подмышку, она начала гладить его. Как отец когда-то гладил её.

— Я люблю тебя! Не нужна мне другая мама! Прогони её! Умоляю, сделай с ней что-нибудь!

Нарнетт сдержала слёзы. Челюсти начали трястись. Страх накатывал на неё волнами. Если она вернётся другим человеком, будет ли она также сильно любить своё дитя, как и прежде? Сейчас она — сущность о двух лицах, о двух личностях. Баланс между человеком и монстром. И именно сейчас в ней остро прорезалось желание защищать свой дом и свою семью. Принимать важные решения.

— Моя стая... Ты часть моей стаи...

Мальчик с заплаканными глазами отстранился от матери. Она едва не взревела — его серые, отцовские, глаза пополнили несколько лопнувших сосудов. Как у неё самой.

— Твой дедушка однажды сказал... Что нужно принимать себя такими, какие мы есть. Я готовлюсь принять. Сегодня. Надеюсь, получится сегодня. Когда-нибудь и ты примешь себя. Ты будущий верховный герцог, тебя ждёт молодая красивая графиня или баронесса. Возможно, повезёт жениться на молодой герцогине, которой не видать наследства из-за

старших родственников.

— Что ты говоришь, матушка? Зачем? Я ведь ещё мал!

— Иногда твоими устами я слышу мужчину, а не мальчика, — слегка улыбнувшись, ответила она. — Ты действительно похож на отца. Больше, чем на меня.

Он вновь уткнулся в неё носом, захныкал. Она прижала к себе, закрыла глаза.

— Я вернусь к тебе. Поверь мне на слово. Так подсказывает моё сердце, и я верю ему. Чтобы не случилось, я буду защищать тебя, пока ты не станешь взрослым.

— Когда взрослые так говорят, — послышалось сквозь слёзы, — то они обманывают! Бабушка, дедушка и папа обещали, что вернутся через полгода! Их нету больше года!

— Я вернусь. И постараюсь вернуться самой собой, родной, — она обхватила его лицо ладонями, мальчик начал биться в истерике и стучать кулаками по постели. — Засыпай. Да приснятся тебе только светлые дни. Да отринется тьма.

Она усыпила его. Положила под одеяло, укрыла и поцеловала в лоб.

— Значит, этому можно научиться, — прошептала Нарнетт у выхода. — Что ж... Интересно, что скажет прабабушка.

Отряд забрался по склону наверх. Разведчики изучили округу, доложили, что всё в порядке. Нарнетт спустила капюшон, осмотрела башни. Острое зрение увидело на этот раз целых три силуэта, но силуэты стояли на вершине замка, вернее — его руин. Она подняла руки, показала, что безоружна. Силуэты пропали. Сопровождающие её люди не видели движения наверху, но понимали — у герцогини есть могущественный союзник. Согласно официальной легенде — в этих руинах жили друзья Абалтуна, что откололись от него. И встречаться с ними она могла только наедине. Скептицизм и злобные перешёптывания членов отряда прогнало появление в свете фонарей человеческой фигуры. Мужчина имел вид весьма испуганный, постоянно озирался, ожидая засады. Нарнетт показала ему фамильное кольцо-печатку с изображением герба герцогства. Он внимательно изучил знак, оглядел спутников, слегка прошипел, но развернулся, позвав герцогиню за собой.

— Хозяйка вернулась! Хозяйка! — крикнул он слегка диковатым акцентом в сторону руин.

— Кэрвдон, разбейте здесь лагерь, — приказала Нарнетт. — Помните, никакого освещения. Сир Орто, охраняйте меня. Ваши оруженосцы останутся здесь.

Рыцари кивнули, отдали приказы остальным. Медведь с гербом в виде зайца, оседлавшего улитку, двинулся следом за герцогиней и горным жителем.

— Что за чудачки могут жить в таком месте? — послышалось за спиной Нарнетт.

— Чем чаще она ездит сюда, тем меньше в ней остаётся человеческого, — продолжал другой человек, а герцогиня продолжала слышать и распознавать перешёптывания.

— Может, из-за отшельника того? Как с ним познакомилась, так и голову ей напекать стало, здоровье пошатнулось...

— Не знаю, но...

Разговоры прервала скрипнувшая дверь в донжон. Проводник поджёг фонарь невиданного стиля, жестом позвал внутрь и сам захлопнул дверь за медведем.

— Госпожа, не могу понять, почему я иду с вами, — проговорил рыцарь.

— Как один из пяти, что дали клятву, вы должны видеть всё сами, сир Орто.

— Здесь погибли три чародея... — продолжал он. — От вампиров. Если мы вдвоём, значит, мне следует молиться?..

— Всё несколько сложнее, — отвечала дворянка. — Идите за мной. Меня они не тронут, а вас я прикрою.

— Тогда зачем же нужен я? — спросил Орто, тяжело шагая за Нарнетт и проводником.

— Чтобы рассказать всё остальным четырём. Точнее — двум, а те пояснят последним.

Двигались сквозь вереницу коридоров и пустынных, наполненных пылью и мхом залах. Нарнетт оглядывала обстановку, кое-где виднелась мебель, старая, потрескавшаяся. Но ею пользовались. Пару раз на глаза попадались шкафы, наполненные какой-то литературой (на обложках не было ни названий, ни картинок). Однажды они прошли через обеденный зал: на древнем столе убранство немногим отличалось от убранства пиршественного зала её собственного дворца. Однако ни следа местных жителей.

— Вам туда, — проводник встал у двери, словно глашатай. — Я не могу входить. Ваш спутник может. Но пусть будет осторожен. Он очень тёплый, гораздо теплее вас.

— Неужели пробудился великий лорд?

— Нет. Кое-кто похуже, герцогиня, — проводник сверкнул нечеловеческими вспышками в глазах.

Дверь тяжело поддалась сирю Орто. Зал, что удивило гостей, располагался под открытым небом, наверху замелькали звёзды, появился едва уловимый лунный свет. Приборов освещения здесь не было, потому сир Орто зажёл фонарь поярче и пошёл вперёд. Нарнетт схватила его за рукав, потупила взгляд. Он кивнул тяжёлым шлемом, отдал фонарь и стал её тенью.

Даже без фонаря она видела, что впереди было некое подобие пьедестала. На пьедестале находился длинный стол, за которым сидели застывшие фигуры. Одна фигура — во фраке, остальные — в лохмотьях.

— Вы ждали меня? — кинула она, продолжая медленно идти вперёд.

В ответ ничего. Только звон медвежьих доспехов дополнял мрачное молчание.

Девушка поставила фонарь на стол и отступила на пару шагов. Фигуры разглядывали её с интересом. Женщина неопределённого возраста одним из длиннющих своих когтей чесала переносицу. Нарнетт удивило это. Мертвецы не имеют нервов. Выходит, сохраняются какие-то повадки из жизни?

— Это жертва? — прозвучал могильный бас слева.

— Нет, важный свидетель, — ответила Нара. — Сир Орто, надеюсь на вашу выдержку. Прошу молчать.

— Здесь обитает целый выводок, дитя, — продолжал низкий мужской голос справа от баса и слева от женщины. — Мы не всегда способны уследить за ними, а ты привела сюда живого.

— Я тоже живая.

— Уже нет, — флегматично ответило существо во фраке, что сидело справа от женщины.

Орто скрипнул доспехами. Нарнетт скорчила страшную гримасу недовольства, но местных это не впечатляло. Краем глаза она заметила, как что-то приземлилось на парапет, венчающий зал. Зрители, подумала она.

— Мне нужна моя прабабушка. Я хочу поговорить с ней.

— Говори, правнучка, — вступила женщина справа.

— Ты не Эндаррия! Я не знаю тебя и знать не хочу!

— Значит, семья для тебя — звук пустой? — флегматично продолжал бас слева.

— Безымянная семья — уж точно. С кем имею честь?

— Кортлеус Мэссир, правил герцогством во Вторую Эпоху, — представился бас слева.

— Лорлин Картнур, любовник герцогини Мардалиэллы Мэссир, — продолжало чудовище справа от Кортлеуса. — Продан ею сюда в обмен на возвращение человеческого облика почти перед самой Великой войной.

— Род баронов Картнуров угас столетия назад... — шепнула Нарнетт сиру Орто.

— Ахайра Мэссир, — представилась третья по счёту фигура. — Правила герцогством в самом начале Третьей Эпохи.

— Модерик. Бастард, — закончил знакомство последний местный обитатель, что носил фрак. — Добровольно избрал этот путь, ибо остался без наследства. Да, дитя. Даже бастарды помечены проклятьем.

— Эндаррия говорила, что многие избирают этот путь. Сколько же здесь моей родни покоится, а также тех, кто как-то с нею связан?

— Неважно, — ответил бас. — Цель прибытия?

— Внутри моей головы сидит какое-то существо. Не знаю, что это. Но это что-то внушает мне, что для меня только один путь. В ваше логово. Дворец станет для меня могилой. Рано или поздно кто-то прознает про это, меня сожгут. Я хочу быть человеком, хочу общаться со своим сыном, как прежде. Во мне угасла страстность, теряется женственность. Почти пропал аппетит, а вино действует, как снотворное. Психика фактически сломана, я сдерживаю себя, чтобы не совершить какой-нибудь зверский поступок и... Хочу узнать у вас, если позволите.

Они молчали. Только скрип доспехов и шелест крыльев сидящих на парапетах гаргульями упырей наполняли зал какой-то жизнью.

— Раньше я могла только догадываться. Боялась признаться сама себе, даже думать об этом. Но сегодня увидела у Коленетта, моего сына, один из своих симптомов. Он также проклят. Вы знаете, как работает проклятье?

— Эндаррия не поведала тебе? — спросил Модерик.

— В общих чертах, — отвечала Нарнетт. — Я знаю то, что рано или поздно представитель нашего рода должен встать перед выбором. Быть человеком или одним из вас.

— Из нас, — поправил Лорлин.

— И со мной провёл свой эксперимент один из сильнейших чародеев королевства, когда был здесь проездом. Но... Как это работает? Трансформация приходит не сама собой?

— Выражаясь простым языком, — пробасил Кортлеус, — в наших организмах находятся спящие цепочки факторов. Или, по-научному, генов. Только в нашем роду, роду морнцев. И не просто в роду морнцев — в роду высшей крови, по-иному — дворян. Чем больше наш род смешивался с народами пришельцев, тем больше эти цепочки факторов отмирали или приходили в негодность. Мы долгие века изучали себя, если будет нужно, готовы показать тебе.

— Я помню доклад своей чародейки, она видела лабораторию где-то внизу... Как пробуждаются гены, Кортлеус?

— При достижении зрелости, когда организм прекращает рост в физическом и интеллектуальном плане. У всех по-разному. Но выбор все делают, как ты можешь понять, в разном возрасте.

— То есть... Можно остаться человеком, но через пятьдесят лет поменять выбор?

— Можно, — продолжал самый старший. — После полного обращения не будет любви,

мы не умеем любить. Ты ещё получеловек, но уже ближе к нам. После окончательного превращения теряются чувства, значит, нельзя искренне возлюбить кого-то, вероятность ритуала будет крайне низка. Но пока ты можешь сделать выбор. За всё своя цена, помни.

— Жертвы... Это очень жестоко.

— Мир чрезвычайно жесток, Нарнетт, — флегматично подметил Модерик. — Как и люди жестоки друг к другу. Развязывают войны между собой за вымышленные принципы. Которые строят себе сами.

— Вы знаете, что происходит в большом мире? — слегка удивилась она.

— Эндаррия и её друг ведают нам, — продолжала прабабка. — Они — наши глаза и уши. Исследователи мира живых.

— И как же сделать этот выбор? — Нарнетт устала стоять, пододвинула ближайшее кресло в трещинах и села. — Если я уже совсем созрела, но мои гены искусственно пробудил пришлый чародей. И, я боюсь, что также под его ворожбу попал мой Коленетт.

— Выбор делается здесь, — пояснил Кортлеус. — Никаких операций, никакой магии. Только ритуал обращения к илтатрии Мэледенне. На следующий день симптомы спадают. А через месяц ты не заметишь разницы между собой сегодняшней, и собой за несколько лет до этого. Что касается сына... Возможно и такое. Эндаррия объясняла тебе, что нужна жертва, если человек уже начал обращение? Это не наша прихоть. Такова воля великой илтатрии.

— Значит... Если я хочу вернуть человеческий облик и себе, и своему сыну, нужно две жертвы?

— По-другому никак, — отвечал он.

Молчали какое-то время. Нарнетт оглядывала висящие на зубцах парапета силуэты. Упыри не издавали ни звука, только колыхалась шерсть, хлопали крылья.

— Я готова принять окончательное решение. У меня есть жертва... Тот, кто искренне любит меня, но чья любовь может разрушить наш дом. И он согласен на жертву. Но... Есть одна проблема. Если я откажусь от дара, дорога сюда навсегда закроется для меня?

— Верно, — сказал бастард. — Не из-за каких-то дурных правил. А из-за твоей плоти. Мы не причиним тебе вреда. Но низшие вампиры — дикари. Их тяжело контролировать даже великому лорду. Даже сейчас для нас тяжело держать потайные ходы закрытыми, чтобы они не бросились на твоё сопровождение снаружи.

— Но ведь вы смертны, верно? — спросила Нара, обведя взглядом своих дальних родственников. — Я читала в одной художественной книге о высших вампирах, которых могут убивать только другие высшие вампиры.

— Мы реальны, не живём на чьих-то страницах, — отвечал Кортлеус. — Нас можно убивать. Если королевство захочет и соберёт экспедицию, от нас не останется и следа. Но... Будущие поколения Мэсиров некому будет вести. Некому будет давать право выбора. Они все будут становиться чудовищами.

— Я ни на что не намекаю, прадедушка. Прошу не волноваться.

— Нам более не знакомы эмоции, дитя, — констатировал старший предок.

Нарнетт ещё раз оглядела парапеты. Один из упырей постоянно крутил головой, глядя на неё, словно хотел напасть.

— Перед принятием решения я бы хотела пообщаться с Эндаррией, — спросила девушка. — Это возможно?

— Внучка, слезай, — приказала Ахайра.

Упырь, что пристально смотрел за Нарнетт, слетел в зал. На стол приземлилась

прабабушка, что начала старательно укутывать себя лохмотьями.

— Рада видеть, дитя.

— Не обманывайся, — воспротивилась Нара. — Ведь вы не испытываете эмоций. Вы мертвецы.

— Даже мертвецы способны к этикету, — продолжала любезничать Эндаррия.

— В последнюю нашу встречу она предложила мне помощь по борьбе с горными чудовищами. Вы ведь знаете, кто это такие? — обратилась герцогиня к заседающим.

— Древний враг, из-за гор, — повествовал Кортлеус. — Давным-давно мы воевали с ними, пока они едва не уничтожили нас. Затем их самих уничтожили расплодившиеся люди. Загнали их под горы. Но те пробудились ото сна. Кто-то пробудил их.

— Валдис... Валдис Унгартт, настоящее бедствие нашего королевства! — сквозь зубы процедила Нара. — Вот каких мертвецов он изучал!

— Это не совсем мертвецы, — продолжал самый старший. — А такие же проклятые, как и мы, существа. Другой подвид. Потому у них нет глаз.

— То есть... Безглазые вампиры?

— Не совсем точно, но в человеческом понимании — верно, — отвечал Кортлеус.

— Бабушка, почему ты не сказала мне? — герцогиня повернулась к сидящей на столе Эндаррии.

— Чтобы ты не вздумала идти к ним. На их сторону. Наш род слишком слаб, слишком добр. Кто-то переходил к ним, они обращали их на свою сторону. Но то было давно, ещё до Кортлеуса.

— Они чудовища, что пытаются отгрызть эти горные долины себе! — повысила голос девушка. — Построить свой дом!

— Тише, госпожа, — раздалось за спиной.

— Сир Орто, я же сказала, молчите!

— Послушай человека, дитя, — проговорил сидящий справа бастард. — Иногда устами людей говорит мудрость.

Нарнетт обхватила лицо ладонями. Взглянула на звёздное полотнище над головой и начала говорить:

— Мне нужно узнать, как их уничтожить. Могу ли я взять Эндаррию с собой, уважаемые родственники? Только затем, когда удастся покончить с упырями, я готова провести ритуал.

Родственники переглянулись, как заметила Нара. Наконец в сумерках сверкнули лавовые рубины, у всех четверых. Сир Орто невольно вздрогнул, послышался скрежет доспехов.

— Хочешь посмотреть, на что мы способны? — спросил Лорлин. — Посмотреть, от какого дара желаешь отказаться?

— Вы смертны, — девушка покрутила головой. — Моя нужда только в разведке. Но людей для такого дела использовать тяжело.

— Не боишься идти с нами?

— Ахайра, я хотела идти только с бабушкой, — недоверчиво ответила Нара.

— Двоих быстро загрызут, — сказала далёкая прабабка. — Шестерых они победят с большим трудом.

— Но я ведь ещё не...

— Ты ещё не научилась управлять своими способностями, — констатировал самый

старший. — Отправь своих людей на границу, как и своего спутника. Возьми только лошадь, езжай налегке. Мы прикроем тебя.

— Благодарю, Кортлеус.

Весь обратный путь сир Орто молчал. Пытался переварить услышанное. Нарнетт искоса поглядывала на него, рыцарь не поднимал забрала, но голову держал в пол. Думал. Весь путь до лагеря на плато.

Кэрвдон ни под каким предлогом не хотел отпускать Нарнетт. Он весьма недоволен и со злобой в глазах рассматривал спутников герцогини, молчаливых, тонких талией, похожих на благородных оборванцев. Свои нечеловеческие глаза они умели прятать, возвращать родной цвет глаз. Но даже родной цвет глаз не сулил смотрящим в них ничего хорошего.

В конце концов, когда Кэрвдон недоволен оттолкнул сира Орто, Нарнетт схватила его за покрытые бронепластинами предплечья, забрало рыцаря было поднято. Нара почувствовала жжение в глазах, её разум начал гореть.

— Собирайтесь, Кэрвдон, ждите меня на границе, у Соловьёного утёса, — сказала она командиру. — Со мной всё будет хорошо.

Рыцари и гвардейцы вокруг недоверчиво крутили головами. Двое слуг боязно оглядывали чужаков из местных. К герцогине приближался Порлехт, но она злобно сверкнула глазами в его сторону. словно не боялась сорвать конспирацию. Капитан, изрядно удивившись, попятился обратно.

— Я вернусь, господа, — уверила Нарнетт. — Клянусь сердцем.

— Госпожа... — пока люди собирались, к Наре подошёл рыцарь-медведь. — Что делать мне?

— Сир Орто, как я поняла, один из остальных четырёх в этом отряде, — Нара взглянула на Кэрвдона, тот постоянно отвлекался на неё, подчинённые переспрашивали его приказы. — Расскажите ему то, что считаете нужным. Надеюсь, когда я вернусь, никто не будет ставить палки в колёса моей телеги под названием герцогство Сальвиар.

Рыцарь выпучил глаза, но кивнул и поклонился.

Когда члены отряда спустились вниз, к герцогине подошёл, сверкая обоюдоострыми когтями, Кортлеус.

— Интересно, что обычно загибнотизировать человека можно только после полного превращения, — заметил он. — У тебя получилось на полпути.

— Не в первый раз, — ответила Нарнетт. — Ещё предстоит учиться.

— Предстоит? — флегматично спросил старший предок.

— Оговорилась, прошу прощения.

Ни дальние родственники, ни люди из сопровождения, ни сами боги и илтатрии не знали, что задумала Нарнетт. Единственный правильный выход из сложившейся шахматной партии.

Клива, кобыла Нарнетт, неслась сквозь заросли травы, что едва достигали конского брюха. Несколько раз реакция наездницы спасала от того, чтобы её не выбило из седла ветвями редких деревьев на пути. Нетопыри летели рядом, словно окружая свою дальнюю родственницу. словно она уже была частью их стаи. С этой противной мыслью девушка боролась почти весь путь до первой остановки. Сейчас её стаей был один единственный Коленетт. Крылатых чудовищ-аниморфов она могла только терпеть, как вынужденных союзников.

— Долго ли отдыхают лошади? — спросил Кортлеус, что появился абсолютно

бесшумно. — В мою молодость мы так коней даже на охотах не загоняли.

— Ещё минут десять отдыха, хватит на рывок, — Нара потрепала Кливу по гриве. — Она породистая, заморская. Прошу, найдите какой-нибудь источник воды. Травы хоть какой Клива пожевала, а ручья поблизости ни одного нет.

Когда лошадь показала готовность к переходу, из темноты появились два силуэта. Нарнетт не прибавила огня у привязанного к седлу фонаря, но смогла распознать бастарда и далёкую прабабку. Они вдвоём несли большое деревянное ведро с водой.

— Откуда, здесь ведь глушь? — поинтересовалась девушка.

— Леснику это больше не пригодится, — отвечала прабабка.

Утолив жажду, Клива рванула вперёд с большей силой. Спустя ещё пару остановок они доехали до негустого леса. Нарнетт приглушила фонарь, вызвав испуг лошади. Девушка спешила, привязала животное к дереву.

— Нужно оставить кого-то, — задумалась девушка. — Кто будет охранять её?

— При жизни всегда любил их. Думаю, не разучился общаться, — флегматично сказал Лорлин.

— Вы знаете, где мы находимся? Для меня горные леса все одинаковы, — Нарнетт отдала поводья «любовнику», пытаясь острым зрением выцепить что-то в темноте.

— Эти леса безымянны, дитя, — проговорил Кортлеус. — Как и существа, что хозяйничают тут.

— В одном из лесов три месяца назад мы столкнулись с этими тварями, — герцогиня оглянула неморгающие лавовые рубины вокруг. — Если бы нас было больше, мы бы победили.

— История не любит выдавать желаемое за действительное, — отрешённо продолжал самый старший.

Двигались пешком, прикрываясь деревьями. В горах подвывало, но в окрестностях было довольно тихо. Нарнетт, не зажигая фонаря, всё ещё побаивалась новых спутников, от желания развернуться и бежать прочь спасало наличие в отряде Эндаррии. Своей более зрелой близняшке, пусть и владеющей выдвижными когтями и способными меняться цветом глазами, герцогиня доверяла беспрекословно. А потому решила завязать разговор:

— Бабушка!

— Дитя? — переспросила Эндаррия.

— Хотела поблагодарить тебя, — Нарнетт поравнялась с ней. — Это ведь ты инкогнито возила лекарства во дворец, рекомендовала придворным целителям?

— Малая доля того, чем я могу помочь своей семье, — близняшка пушинкой перемахнула через показавшийся в свете фонаря куст. — Я пользовалась ими до принятия выбора о «становлении». А когда в старости решила сменить решение, лекарства мне были не нужны.

— Значит, из вампира в человека после окончательной трансформации — нужна жертва, а наоборот — ты всегда можешь поменять решение? — спросила правнучка.

— Эти законы написаны не нами, — отвечала старушка. — Не бери в голову, ведь твоё решение, которым ты не хочешь делиться, не подлежит изменению. Лучше скажи, лекарства ведь помогают?

— Устраняют поверхностные признаки, — Нарнетт показала на свету фонаря шелуху на коже пальцев. — Но внутренности...

— Потому что внутренности связаны с проклятьем, с генами, как сказал Кортлеус, —

отвечала Эндаррия. — Устранение внешних недостатков не уберёжёт тебя от судьбы. Но способно отвести лишние подозрения. Я видела, что мы не понравились твоим людям. Думаю, холод наших тел чувствуется очень хорошо. К слову, почему ты приехала конными? Где летучие бестии?

— В вольерах. Ты помнишь Мэльдана, может, видела при дворе? — спросила Нарнетт, на что получила кивок. — Он друг моего детства и сын одного из моих баронов, будет собирать и готовить грифонов в течение недели. Нужно разобраться с горами до холодов.

— Быть может, безопаснее заниматься тварями зимой? — спросила старая близняшка. — Они могут впасть в спячку.

— Эндаррия, эти существа не животные, — Кортлеус возник внезапно, Нара начала привыкать. — Это наши дальние родичи, но более дикие, осквернённые потусторонней магией, голодные, подверженные инстинктам. И знакомые с цивилизацией также, как и мы.

— Я помню... — задумалась Нарнетт. — Одно из существ во время столкновения неподалёку отсюда восседало на рогатом чудовище, похожем на быка. Бык был вида весьма гнусного, напоминал мертвеца, мумию.

— Нужно понять, — продолжал старейший предок, — как магия изменила их с момента нашей последней с ними встречи.

— Кортлеус, а когда вы сражались с ними в последний раз?

— До меня, дитя, когда они ещё напоминали нас, уже оговорено, — отвечал он. — Но память об этом хранится в роду поколеними.

Кортлеус остановился, выставил вперёд клыки и прошипел. Впереди раздалось ответное шипение.

— Мы близко, — сказала Эндаррия. — Дитя, если на нас нападут, ты готова сражаться?

— У меня нет ваших когтей, — она прибавила огня фонарю, взглянула на потрескавшиеся ногти и шелушащуюся кожу. — Я могу только фонарём отбиваться.

— Значит, придётся защищать тебя, — ответила близняшка.

— Я не полезу на рожон, — заметила Нара. — А вы должны всего лишь разведать.

— Только ли разведка волнует тебя, девочка? — спросил Модерик.

Нарнетт отмолчалась.

— Ты не задумалась, почему решила отправиться с нами не с восходом, а на закате, чтобы мы добрались сюда к сумеркам? — продолжал бастард. — В тебе просыпаются охотничьи инстинкты. Самые свирепые хищники ведут ночной образ жизни.

— Я не стану одной из вас. Никогда.

— Даже сейчас от тебя исходит неуверенность, — продолжал он. — Мы, бесчувственные, являясь высшими хищниками, чувствуем такое в живых. Что-то на уровне феромонов.

— Какой слог из уст бастарда, ненужного законным наследникам!

Он не чувствовал, потому не ответил на оскорбление.

Луны на тёмно-бирюзовом небе не было, его застилала облака. Нарнетт напряглась, попыталась всмотреться в едва заметную ложбинку впереди, между двух рядов кустов. Тщетно.

— Я пойду с Ахайрой, — сказал старший. — Стойте здесь.

— Нет, мы пойдём вместе! Я вас сюда привела, я и уйду со всеми!

— Дитя, молчи, — приказал Кортлеус. — Твои эмоции ни к чему.

Эндаррия удержала Нара за руку. Нарнетт не чувствовала холода, словно холодела сама.

Двое скрылись впереди. Шелест кустов и травы прекратил быстро.

— Зачем тебе это всё? Мы бы спали дальше, как и они, — из тьмы появился бастард Модерик. — Не трожь рану, сама заживёт. Так поговаривает человек последние столетия.

— Мы боимся, что они начнут устраивать набеги и налёты в следующем году на наше герцогство, — ответила герцогиня. — Заразу нужно уничтожить.

— Только ли безопасность волнует тебя? — продолжал он, глядя прямо перед собой.

— Нет... Эти горные долины наши, — Нарнетт оглядела деревья кругом. — В них нужно возвращать жизнь. Их нужно подчинять обратно. Да, земли дикие, неприветливые, воевать здесь не за что, если не считать прокорма и древесины. Но это наше.

— Ты хозяйка герцогства, фигура, — Модерик сделал пару шагов вперёд, Нара осмелилась зажечь фонарь поярче, чтобы увидеть спину бастарда. — Как думаешь, чья злая воля распоряжается в этих местах в тёмное время суток?

— У них... Есть вожак, полагаю.

— У любой стаи есть вожак, — продолжала фигура в потрёпанном фраке. — Я говорю это не просто так. Нашей стае тоже нужен вожак. Не древнее существо, что вечно спит. И помнит времена, когда материки имели другие очертания. А существо юное, способное, ответственное.

— Нет, нет и нет! — чуть повысила голос она.

— Ты уже сделала выбор. Просто боишься признаться себе. Стыдишься. Эндаррия, — обратился он к прабабке, слегка прошипев. — Думаешь, тот приезжий волшебник нарушил связи не только в её организме, но и в организме её сына?

— Нет ответа, — сказала она, подойдя к Наре чуть ближе.

— Дитя, ты ведь не всё нам рассказала, — из тьмы бесшумно появились Кортлеус с Ахайрой. — Твоя человеческая натура что-то скрывает. Глаза бегают по сторонам. Мы свои. Некому нам рассказывать о твоей тайне.

Нарнетт подогнула платье под себя, села на землю, прямо на кучу листьев. Задумалась. Но решила выложить:

— Колен последние месяцы перестал быть собой. Стал более ранимым, вспыльчивым, хуже учится. Удовольствие ему доставляет одна приезжая девочка, о сущности которой я могу только догадываться, а мой двор за четыре года её жизни у нас настроил великое множество теорий. Сегодня, перед моим отъездом, я увидела новые симптомы. При сильном эмоциональном потрясении и у меня, и у него начинаются одинаковые изменения организма. У него пока изменения внешние. Больше выпадающих волос, потрескавшиеся ногти, лопнувшие сосуды в глазах. Но дело идёт, как я сказала, также к изменениям психики.

— Все проходили через это. Симптомы у всех разные, но, учитывая вашу близкородственную связь, ваши симптомы вполне могут быть схожими.

— Правда, Кортлеус? — ядовито выдавила она. — И это лишь малая цена за ваши сверхспособности?

— Это не способности, дитя, — он встал напротив неё, навис злым роком, как демоны с какой-нибудь картины. — Наши эмоции и сердце мертвы. Остаётся только мозг. Или то, что его замещает. Нам не нужны ни секс, ни еда, ни иные удовольствия и потребности, что требуются живым. Мы больше похожи на мертвецов. И физически являемся ими. Но от человеческого у нас остаётся разум. И память. Самое страшное, что мы помним, кем были. Все свои грехи и то, что могло бы вызвать в нас тёплые чувства.

— Моему отцу вы рассказывали то же самое?

— Твой отец побывал у нас в более спокойные времена, — отвечал старейший. — Ему не нужны были лишние подробности. Он отказался сразу, мы не настаивали.

— Зачем я вам нужна? — Нарнетт оглядела вставших вокруг неё предков, словно те пытались посвятить её в свою стаю. — Эндаррия как-то сказала, что, если отбросить мои недостатки, то у меня есть достоинства. Как я понимаю, и как предполагает Модерик, именно эти положительные качества нужны вам?

— Нужно прервать цикл, — вступила Ахайра. — Цикл может прервать только существо иного толка. Ты, если превратишься в одного из нас, всё ещё будешь обладать какими-то человеческими качествами. Из-за того волшебника, что прорвался через твою природную защиту, да. Но со временем и человеческое пропадёт в тебе.

— Реформы? — удивилась Нарнетт. — О, Всеотец, вампирам, древним существам, что веками спят в горных руинах, требуются перемены?

— И твоим потомкам требуются они, — ответил Кортлеус. — Если ты хочешь, чтобы они перестали стоять перед таким выбором.

Нарнетт ещё раз осмотрела нависшие над ней фигуры. Из-за слабого огонька фонаря фигуры выглядели чрезвычайно зловещими, неподвижными и монументальными, словно памятники давно угасшей цивилизации.

— И какой же выход? — наконец спросила она.

— Смешение крови, — ответила Эндаррия. — Каждое следующее поколение должно смешивать свою кровь с кровью вайев, пришельцев. Или с кровью представителей других народов. Но только не с кровью морнцев. Морнцы должны окончательно раствориться, даже дворяне. Тогда этот цикл замкнётся.

— Эндаррия, вы хотите... — Нарнетт не верила сказанному. — О, милостивые боги, выбрать будущие партии всем последующим поколениям, включая моего сына?

— Не выбирать, — флегматично сказал Кортлеус. — Наставлять на правильный выбор.

— Но зачем-то же великим силам понадобилось ваше нахождение в этом мире. Разве нет? — девушка покрутила руками, словно просила помощи. — Не нарушите ли вы баланс сил, заданный чем-то, что находится за пределами нашего мировосприятия?

— Взгляни на нас, дитя, — старший присел на корточки, для убедительности «поджёг» глаза и выдвинул когти. — Высшие силы ставили эксперимент. Можно ли создать что-то среднее между жизнью и смертью. В ходе опытов пришли к такому результату. Мы не нужны этому миру, мир не замечает нас и не нуждается в нас, как и мы не нуждаемся в нём. Но иногда, во времена катаклизмов, от нас постоянно требуется участие в защите этого мира. Понимаешь?

— Смерть — часть сущего, сказал однажды один мудрец... — вспомнила герцогиня. — Всё это очень странно... Каждый раз я узнаю от вас столько нового, что у меня голова идёт кругом.

— Я не прошу понимать всё. Прошу принять это как данность. Мы, старшие, вторые после верховного лорда, выступаем против пополнения нашей семьи нашими дальними родственниками. Ты сделала выбор. Это читается по твоим глазам, — Кортлеус демонстративно сверкнул лавовыми рубинами. — На нашем роду упырей нужно поставить точку. Но в нас нет эмоций для этого.

Нарнетт прижала руками колени, упёрлась головой о сомкнутые в кулаках запястья. Возмолилась всем богами, каких знала, попыталась спросить, что ей нужно сделать именно сейчас, но все, абсолютно все молчали. И её потусторонняя сущность, и высшие силы. Её

друзьями были только они. Только они видели в ней что-то такое, что могло изменить мир к лучшему.

— Ваш путь — это тупик, — отрешённо начала она. — А смысл жизни — в бесконечном обновлении её и наполнении прекрасным, начиная с образов картин и заканчивая талантами, кои могут создавать цивилизации. Вы правы, я сделала выбор, которого боялась. Но мой выбор касается не вас. Хочу, чтобы вы усвоили это.

— Говоришь, как настоящая герцогиня. Хотя мы старше тебя на сотни лет, — Нарнетт увидела жуткую улыбку Ахайры, улыбалась она явно «по памяти».

— Мы не будем отговаривать тебя, дитя. Твой выбор — закон для нас, — констатировал Кортлеус. — Идём. Мы убили несколько дозорных. Слишком долго говорим, могут появиться новые.

— Вы не заходили в пещеру?

— Нет, но почуяли их, — продолжал старший. — Их там немного.

— Как вы убили их бесшумно? — вновь спросила девушка.

— Только обратившись в нетопырей, — ответил он.

Двигались вперёд. Эндаррия вела правнучку за руку, вжав могучие когти в запястья. Снова странное ощущение нахлынуло на девушку. Холод. Холод, что обогревал её.

В пещере зажгли фонарь. Нарнетт увидела несколько растерзанных тел. Ткнула одно сапогом, оступилась. Модерик удержал её.

— Что за ерунда... Они обмотаны корнями, листьями... На теле засохшая смола... — девушка покрутила фонарём на весу, разглядывая куски тел. — Выглядят по-другому, это не те! Не те, с кем мы бились в лесу!..

— Дитя, назад, — громыхнул бас Кортлеуса. — Они идут.

Модерик с невероятной силой откинул Нарнетт к выходу. Фонарь остался брошенным рядом с телами. Блеснули обоюдоострые когти, туннель впереди заревел и зашипел.

Несколько мгновений — полетели куски тел в разные стороны. Нарнетт уже не боялась чудовищ, но прикатившая к её ногам безглазая лохматая голова заставила прижаться к стене. Родня была молчалива, безэмоциональна, но очень искусна. Каждому из них было от сотни лет до нескольких веков, но двигались они так, словно танцевали со своим врагом. Пируэты, прыжки, кто-то обратился нетопырём, сцепился с другим созданием, что также уменьшилось в размерах, в узком туннеле столкнулись крылья.

Рычание оглушало. Нара поняла, что её обманули. Здесь гнездилась настоящая орда, а не «немного». Или туннель соединялся с другими, или для Кортлеуса это и было «немного».

Раздался волчий вой. Она обернулась, что-то влетело в туннель, пролетело мимо неё вихрем. Вампиров и прокажённых упырей начало раскидывать в разные стороны. Её острое зрение узнало в чужаке могучее телосложение, рваную одежду из лоскутков и посох размером с двуручный меч.

— Абалтун! — крикнула она.

Следом за ним прямо из леса в туннель поползли корни. По корням ловко вбежал волк, что бросился помогать хозяину. От воя и рычания закладывало уши. Тварей кромсали когтями, шпиговали корнями, били посохом и кусали клыками. Одно из горных существ, вылетев из схватки, увидело Нару, бросилось к ней на четвереньках. Но два корня схватили его за кривые ноги. Его втащило в общую схватку, череп разможжил могучий удар наконечником посоха.

Оставшиеся упыри понеслись вглубь туннеля, явно за подмогой. Двое вампиров,

обратившись, кинулись следом, цепляясь рваниной за препятствия на пути. Двое других в человеческом облике преградили путь к Нарнетт. Абалтун и волк даже не думали нападать на них. Корни похватали почти все крупные куски тел и потащили наружу из пещеры. Старик опёрся на посох, как на балюстраду балкона. Пристально всмотрелся звериными глазами в лицо герцогини, словно не замечая двух телохранителей.

— Ты... Ты убил Ольту, ублюдок! — рявкнула она.

— В моём лесу не будет оружия, девочка, — он погладил волка по макушке, тот сел рядом, ожидая команд хозяина. — Зачем ты послала её?

— Дитя, он опасен. Нужно убить его, — сказала Эндаррия, единственная, что была ранена, из её бока сочилась подобная крови густая эссенция.

— Я не посылала её... — Нарнетт покрутила головой. — Ты всегда вёл себя странно! Всегда таил от нас секреты! И из-за этого ты свёл с ума и меня, и начал сводить с ума моих подданных! Из-за тебя Ольга поддалась искушению, что твоей головой можно вернуть моё доверие!

— Я не человек, — отвечал отшельник. — Мне неведомы ваши законы. Но ведомо, что опасность нужно устранять. Сейчас я помог вам, хотя это вы пришли на чужую территорию. Но помогать дальше? Кто знает.

— Проклятый дьявол! — она хотела кинуться на него, но Кортлеус удержал её.

— Не нужно. Он сильнее нас, перебьёт также, как перебил их, — сказал предок.

— Хоть кто-то это понимает, — пробормотал отшельник, продолжая поглаживать волка.

— Как ты нашёл нас? — спросила прабабушка, застыв восковой фигурой.

— Следил за вами. Совы видят в темноте. Даже тех, кто не совсем живой. Это и есть твоя семья, дитя?

Нарнетт молчала. Кортлеус продолжал удерживать её. Из тьмы туннеля летели два оставшихся родича. Они в воздухе обернулись гуманоидами, старательно обмотали себя тряпьем. Если после первого полёта фрак Модерика ещё напоминал приличную одежду, то сейчас его одеяние окончательно превратилось в лохмотья.

— Теперь нас четверо, можем попробовать, — проговорила близняшка.

Абалтун грозно сверкнул карими глазами. Нарнетт, отодвинув Кортлеуса, вышла вперёд. Волк оскалится. Отшельник взял посох в руку, но не направил на неё. Позади раздалось шевеление. Корни начали возвращаться в пещеру.

— Ты ответишь за убийство Ольты, — выпалила девушка. — Раньше, при первой опасности, ты скрывался. Но ты не просто убил её... Ты совершил ритуальную казнь. В соответствии со своими демоническими представлениями о справедливости.

Нарнетт была ниже отшельника на две головы, но страх перед ним улетучился. Не было у неё и оружия, а окружившие с двух сторон лесника вампиры могли просто не успеть защитить её. Но девушка преодолела страх.

— Смотри в глаза, старик, — продолжала Нарнетт. — Ты солгал мне. У тебя не было дочери. Никогда. Я права?

Он сузил веки. Черты лица слегка стали напоминать человеческие.

— Любое живое существо должно обладать эмоциями. А когда ты говорил о своём ребёнке, то эмоций у тебя не было. Но ты живой. Значит, ты солгал.

— Станный способ аргументации, герцогиня, — Абалтун повернул голову, как дикое животное. — Но ты права. Я солгал. За свою жизнь мне приходилось лгать столько, сколько

в вашем поганом королевстве дворян не родилось за долгие эпохи.

— Что ты хотел сделать со мной? — спросила девушка. — Очаровать?

— Изучить, — отвечал он. — Я хотел понять, как можно управлять твоими способностями. Как можно вычленишь их из человеческой сущности. И да. Высшим желанием моим была попытка установить контакт с могущественной сущностью, что насылает кошмары на вас, дворян королевства. Давно ли был последний?

— Очень давно, старик, — сквозь зубы процедила она. — Моя вторая сущность словно изгнала все признаки кошмаров. Но тебя это не касается. Я не доверяю лгунам.

Он позволил себе лёгкую ухмылку.

— Возможно, взяла своё легендарная интуиция человеческих женщин, — отшельнику была знакома ирония. — Или банальный страх. Потому ты и не являлась ко мне, хотя я предостерегал от этого. Результат виден. Ты выбрала сторону.

— Зачем ты помог нам? — спустя время выдавила Нарнетт.

— Жалость. За свою жизнь я общался с разными существами, из разных народов. И именно от людей ко мне перешло это странное, потустороннее чувство. Мне всё ещё жаль тебя. Хочу защитить.

— Дитя, нужно уходить. Возможно, сюда явятся другие, — прервал молчание вампиров Модерик.

— Хочешь защитить? — спросила она. — Действуй. Иди впереди. Охраняй нас.

Телохранители уставились на Нарнетт. Даже волк, казалось, смотрел вопросительно.

— Ты уничтожил мою сильнейшую чародейку, лишил мою руку силы, — продолжала герцогиня. — Ты заменишь её. А я, если посчитаю нужным, позволю тебе изучить свои способности.

Если бы родственники имели эмоции, туннель бы наполнила жуткая ругань. Но они ограничились мотанием голов и шипением друг на друга.

— Пусть будет так, — согласился отшельник. — Что же ты хочешь, юная Нарнетт? Найти дорогу к воротам ада?

— Хочу посмотреть на их гнездо. Понять, насколько они цивилизованы. И как их можно убить.

— Нас могут отсечь в этих туннелях, — Абалтун явно знал, о чём говорит. — А мои корни не пробьются через горную породу. Без таинств я буду бесполезнее твоих диких спутников.

— Перед смертью я испытаю к тебе жалость, отшельник, — выпалила дворянка. — Ступай. И держи волка при себе. Мне не нравится его взгляд.

— Это взаимно, — сказал тот, позвав животное за собой жестом.

Они двигались следом. Из глубин туннеля раздавались далёкие шумы. Возможно, оставшиеся упыри перегруппировывались. Возможно, им хватало разума на устройство скорых ловушек или баррикад. Однако Нарнетт сейчас не волновало ничего. Они смертны. Используя родню, нужно убить как можно больше их. Но всё же не вся целиком Нара отдавалась своей тёмной сущности.

— Как скоро заживёт твоя рана? — спросила она у близняшки.

— Первая рана с момента моего превращения, — ответила Эндаррия правнучке. — Кортлеус говорит, что нужен покой. Тогда рана затянется за ночь. Если я продолжу путь, рана может усилиться.

— Тогда возвращайся к Лорлину, — попросила девушка, отклонив фонарь в сторону. —

Мы не можем рисковать тобой.

— Ты уже начинаешь говорить безэмоционально, дитя, — Эндаррия даже не смотрела на свои раны и стекающую по рванью кровавую эссенцию. — Отрекись от таких слов.

— Я всё ещё человек, всё ещё способна любить, — она взяла старушку за руку, та непонимающе посмотрела человеческими глазами.

— Если и так, то только своё дитя.

— Часть стаи, — поддержала Нара, склонив голову.

— Тише, — послышалось от Абалтуна.

— Они близко, — подтвердил Кортлеус.

Абалтун активировал посох. Навершие в форме грубо выструганного оленя замерцало, глаза животного наполнила магия. Спустя мгновения глаза выстрелили яркими лучами, что заставили Нарнетт прикрыться рукой. Магия отшельника вступала в конфликт с сущностью второй Нары.

Её взору открылась просторная каверна с множеством выемок в стенах. Вели сюда и другие туннели. Вероятно, попади в центр этого подгорного помещения, даже отряд профессиональных бойцов мог пасть из-за атаки со всех направлений.

— Архитектура незнакома... Не очень похожа на вашу, горную архитектуру, — вполголоса сказала Нарнетт.

— Они захватили чужое, — напомнил Кортлеус. — Отшельник, твоя магия бессильна здесь?

— Таинства того, кто связан с лесами, не работают под горной твердью, — заметил ведун.

— Значит, мы будем защищать и тебя, — сказал предок, обнажив когти.

Тот ничего не ответил, но Нара краем глаза заметила очередную ухмылку.

— Кто здесь?.. — нечленораздельно прозвучало впереди.

Остальные вампиры обнажили когти. Волк и отшельник начали отходить к одному из туннелей, делая вид, что прикрывают тыл.

— Кроммм... Рев... Рев...

— Вы видите, кто говорит? — спросила Нара у спутников.

Предки молча двигались вперёд, под застывшими лучами из посоха, что Абалтун уже деактивировал.

Из одной выемки поднялось существо, словно из саркофага. Наре на краткий миг показалось, что она видела его. На голове его помимо растрёпанной чёрно-серой соломы возвышались острые уши, а над безглазым лицом лоб покрывала диадема в неизвестных металлах, напоминающих платину или начищенную сталь.

— Crommm, estae ra valen'kias?

— Это один из эльфийских языков, — сказал Кортлеус. — Он не вампир. Он оживший мертвец. Зомби. Они идут.

— Нет, не зомби... — сказала Нарнетт, подходя ближе. — Он... Это упырь, но трансформированный.

Из туннелей в каверну посыпали новые упыри. Вампиры окружили Нарнетт, она оглянулась — отшельник с волком пропали.

— Кто ты такой? — крикнула герцогиня. — Ты понимаешь мою речь?

— Кроммм, это ты? — безглазый медленно приближался, делая вид, что обыскивает воздух перед собой. — Дай еду. Не чую еду. Голод хватает горло.

— Низшим вампирам всегда нужно пропитание, — тихо сказала Ахайра.

— Неверно, — Кортлеус сделал пару шагов назад. — Они питаются энергией, как и мы. Обычная пища и кровь действуют как наркотик. Нужно уходить, их слишком много.

— Меня зовут Нарнетт Мэссир, я правлю землями к югу отсюда! Я пришла к вам с миром!

Упыри застыли восковыми фигурами. Как и вампиры. Наре показалось, что остановилось само время. Она двинулась вперёд, с трудом вырвалась из рук Кортлеуса и Эндаррии — рукава её охотничьего кафтана порвали обоюдоострые когти родственников. Существо неопределённого пола, что носило странную диадему, прекратило водить руками перед собой. Нарнетт медленно подошла к нему.

— Кроммм, ты принёс еду?

— Кто такой «Кроммм»? — спросила она.

— Не вздумай! — прошипели сзади. — У них нет зрения, твой гипноз на них не подействует!

Застывшие в невесомости лучи света начали растворяться. Пещера темнела, восковые фигуры пропадали во мраке.

— Ты вообще понимаешь меня?..

— Еда, — эльфочудовище раскрыло пасть, Нара увидела ряд мелких, противных клыков.

В глаза резко ударил туман. В последний момент она увидела занесённую над головой лапу, почувствовалась страшная боль. Реакция спасла её, лапа попала по спине, когти распоролы лопатку. Нара, словно оглушённая, кинулась на пол. Подняла голову — родственники кинулись в стороны. Она оглядывалась: кругом мерцало дикими тонами тёмных, багровых всплесков. Шипение, вой и врезающиеся друг в друга когти сливались в жуткую катавасию адских звуков. Слово туннели эти вели в адскую кузню, где дьяволы ковали зазубренные секиры, а бесы играли на обтянутых человеческой кожей волынках.

— Дитя, сюда!

Кто-то вытащил её за шкуру. Она пыталась вырваться, но жёсткая серая рука с небольшими, ведьминскими коготками не отпускала её. Это был Лорлин. Он тянул её к выходу.

— Помоги им! — приказала девушка. — Я справлюсь, помоги им!

— Ты важнее них! — отвечал единственный, кто не был роднёй. — Уходим!

— Нет!

Кровь ударила к вискам. Она с невероятной силой вырвалась, увидела — стояли они у самого входа в спасительный туннель — два ярких рубина. Всё же злиться эти существа умели. Но злиться умела и она. Руки не слушались. Она взглянула на них, её аккуратные коготки зачерствели, покрылись трещинами. Нарнетт хватанула по горной породе стенки туннеля — ничего не почувствовала, на стене остались когтистые следы.

— Глаза... У тебя глаза почти такие же, как у нас, — сказал Лорлин флегматично, но для чудовища весьма удивлённо.

— Помоги им!

Лорлин кинулся обратно, но в том не было смысла. Раненые родственники отступали, двое несли между собой Ахайру. Эндаррии Нарнетт не увидела.

— Где она?! — не своим голосом рявкнула Нара.

— Уходим, дитя! — выдавил Кортлеус. — Ещё немного, мы погибнем!

Она стремглав кинулась в самую гущу чудовищ. Косые и размашистые удары

приходились по спине, один раз с неё сорвали капюшон, выдрали клочок волос. Боли она не чувствовала, но чувствовала нужду. Острую, как никогда.

— Эндаррия! Голос, подай голос!

В ответ многократное шипение. Лорлин прикрывал её, как мог. Пока она в тусклом свете не увидела, как вожак тварей, крутя головой, откусывал от мёртвой прабабушки части не менее мёртвого тела.

— Нет!.. Нет! НЕТ!!!

С трудом дозорный вытащил её из пекла, потащил за собой. Они неслись вперёд, пятеро раненых, измождённых. Не были они людьми, даже она. Одни чудовища спасались от других. Собрав остаток сил, четверо трансформировались. Двое схватили лапами Нару, потянули вперёд, постоянно стуча крыльями о стены туннеля. Двое замыкали, старались задержать летящих следом.

Выбрались наружу. Убитую горем Нарнетт словно прошибло остриём насквозь — в свете восходящего солнца у лежащей мордой в землю Кливвы копошились несколько упырей, что лакомились свежей плотью.

Сверкнуло. Восходящее солнце пропало. Нарнетт словила знакомое ощущение, как когда-то. Непогода. С непогодой они станут сильнее. Это конец.

Стук палкой. Несколько раз, в определённой последовательности. Она подняла взгляд на холмик недалеко от туннеля — отшельник с верным спутником спокойно наблюдали за ними. Но природа выражала протест.

Волны корней появились из ниоткуда. Они обошли рухнувших на землю беглецов, кинулись на вылетающих из норы упырей. Тех пробивало насквозь, прижимало к горной скале и расплющивало головы. Дошло до того, что корни начали сплетаться в узлы, в символы. Символы эти наложились на выход из туннеля. Волшебная дверь с зазорами заперла чудовищ. Редкие корешки пробивались сквозь щели, дабы поразить подземников.

Отшельник появился над ней, возвысился неприступным утёсом. Вампиры окружили её, теперь они не боялись отшельника. Даже с учётом того, что все были ранены. На этот раз посох он направил наверху прямо на её голову, начал говорить:

— Вижу... Твоя трансформация слишком обострилась. Глаза почти такие же, как у них. Нечеловеческие.

— Из-за тебя... — проревела она, лёжа на четвереньках. — Они убили мою прабабушку! Из-за тебя, ты бросил нас!

— Или бы умер там, как и она, — спокойно сказал он. — Они не трогают меня, если я не трогаю их. Мне нужно вернуть их доверие. Из-за тебя. Многих я побил в этот час.

— Оружие... — выдавила Нарнетт. — Было бы у меня оружие, ты бы уже был мёртв!

— У тебя есть оружие, — парировал он. — Твой разум. Пока ещё человеческий. Используй его.

Она упёрлась головой в землю.

— Ты играешь со мной... — проговорила девушка. — Чего ты добиваешься, какие твои мотивы?

Он присел на корточки. Протянул руку, словно хотел погладить её голову, но навстречу его руке двинулись сразу две когтистые лапы родственников. Руку он убрал и сказал:

— Уговор. Дай мне залезть в твою голову. Дай изучить твои сны.

— Ни за что, — прошипела Нара.

— Значит, тебе плевать на свою семью?.. — начал давить он на совесть. — На обе

семьи? В следующем году упыри пойдут на юг. Сначала они сожрут всех, кто прячется в горных замках, ибо большая их часть всё равно пребывает в бесконечных спячках. А к концу весны начнут гореть ваши северные селения.

— Хотели бы, уже сожрали всех, — процедила Нара злобно, продолжая смотреть на опавшие листья под собой. — Значит, им приказано не лезть никуда. И я полагаю, командует ими не та тварь с железкой на голове.

— Не витай в облаках, девочка, — проговорил Абалтун весьма доверительным тоном. — Я могу помочь. С помощью моих таинств их можно навечно замуровать здесь. Только дай мне изучить себя.

Послышался очередной вой. С соседнего склона. Кажется, существа начали выбираться через другой туннель.

— Почему же при первой нашей встрече ты не взял всю информацию, какая тебе нужна? — спросила она.

— Потому что я усыпил тебя, усыпил твой разум. Во вне разума человек не видит снов. Мне нужно твоё добровольное согласие, Нарнетт. Чтобы мы вместе сделали это. И тогда всё вернётся на свои места.

— Нужно уходить, — процедил Кортлеус. — Они идут с того склона. Кто-то летит. Дитя, торопись.

— Я хочу, чтобы ты убрался отсюда, — злобно сказала герцогиня. — Эта земля — моя. И я буду защищать её, чего бы мне это ни стоило.

— Животная ярость и инстинкты в твоих глазах, — отвечал Абалтун. — Это больше не ты. Не та миловидная девица, на чьих хрупких плечах лежала судьба герцогства. Теперь ты настоящее чудовище. Как я, как они. Как все мы.

— Уходи за горы вместе со своей магией, — приказала она. — Иди на север, туда, где не живут мертвецы. Иначе я уничтожу тебя. И твой очередной «Цветник». Этот сад занят, отшельник. Как и мой разум. Занят мною, одной мною, настоящей, живой.

Он недовольно покрутил головой. Волк за его спиной взглянул на него по-человечески, словно что-то ментально сказал ему. Но тот не повёл бровью. Вампиры обернулись нетопырями, двое схватили вещи с убитой кобылы, двое взяли за руки Нарнетт, пятый прикрывал их, летя последним. В воздухе, пока они не долетели до крон деревьев, Нара взглянула вниз. Абалтун стоял в окружении подскочивших упырей. Вражды между ними не было.

Глава 4. Битва под тысячекратным эхом

— Ты знала её совсем немного, — Мэльдан поставил чашку на стол, ложкой ещё раз помешал сахар. — Откуда такая привязанность, что целую неделю тоска?

— Не знаю, Мэль, — Нарнетт продолжала рассматривать себя в карманное зеркальце. — Возможно, это на подсознательном уровне заложено. Я почувствовала близкую кровь, хотя человеческой крови в ней не было. И боялась потерять её.

— А остаться там самой и оставить своего сына, возможно, одного? Этого ты не боялась?

Она подняла на него свои окружённые кровавыми ниточками изумруды.

— Твоим глазам всё хуже и хуже, — продолжал неродной брат. — Хотя по приезду неделю назад они вообще ужасно выглядели.

— Я не приехала. Меня донесли. Бессильную. Слабую. Глупую. Каждый мой поход на север заканчивается гибелью кого-то важного для меня.

— Прекрати, — он насыпал табака в трубку, поджёг, закурил. — Если отбросить мелочи и некоторую спонтанность в принятии решений, то ты всё делаешь правильно. И в целом осталась только одна, конечно, сложнейшая задача.

— Он за них, — Нарнетт взглянула на окно, где в десятках итт к северу находились опасные земли. — Отшельник использовал меня, пытался склонить на свою сторону. Предполагаю, хотел, чтобы наше герцогство кормило его стаю.

— Если их обнаружил и заразил проказой — хотя я до сих пор не могу поверить, что физически мёртвых вампиров можно заразить болезнью живых — Валдис Унгартт, то каким боком здесь злобный отшельник? — спросил юный барон.

— Я связала ниточки. Прости, что не сказала. Обдумывала, проверяла последние пару дней. Вызывала к себе Тиланну. Абалтун поселился, со слов знахарей, в Малом лесу ровно год и четыре месяца назад. В мае. Валдис остановился у нас как раз в этом месяце. Он призвал его. Боюсь, у них был какой-то союз.

— Паранойя, дорогая, — Мэль продолжал дыметь трубкой. — Это существа из двух разных миров, один древнее нашего королевства, второму сорок, если не ошибаюсь, один год.

— Но все наши беды начались с него!

— Только не ваше родовое проклятье, — парировал Мэльдан, слегка откашлявшись.

— Если бы не он, то я бы перенесла проклятье гораздо легче! И не нужна была бы жертва!

Мэльдан пустил струю дыма в окно. За окном подливало, тучки сгоняли редкие облака с насиженных мест.

— А у жертвы ты спросила, — протянул барон, — хочет ли она быть... Ненужной?

— Прекрати, я не это имела в виду.

— Нет, Нара. Я рудимент при дворе, — выпалил Мэльдан. — Все эти мерзкие слухи и козни нужно прекращать. Эта жертва будет необходимой. Единственное, чего я не понимаю, почему ты хочешь провести ритуал после решения горного вопроса.

— Так безопаснее. Я боюсь, что они могут сорвать его. Да и мои способности могут сыграть свою роль.

— Кроме гипноза, у тебя нет способностей, — заметил Мэль. — Сила проявляется не

всегда, да и всё равно ты драться не умеешь даже на руках.

Она взяла его за свободную руку, крепко-накрепко сжала. Глаза слезились.

— Трансформация ещё идёт. И процесс всегда можно обратить вспять, — сказала Нарнетт. — Мы можем подождать, поискать другой выход.

— А если тебе понравится новый облик? — он пустил струю дыма в потолок. — А если, как тебе объяснили, у тебя пропадут всякие чувства к семье, особенно к сыну? Нет, моя дорогая. Нужно прекращать это. Обрезать все концы. Это моё решение. Решение мужчины. Ты обязана его уважать.

— Я твоя правительница. И имею право приказывать.

— Нельзя приказывать чувствам, — ответил Мэльдэн. — Даже своим, дорогая.

Говорили долго. Вспоминали годы умиротворения и теплоты дома. Когда в королевстве не было войны, в горах царило спокойствие, а у каминов собирались целые компании из высшей знати также, как простолюдины собираются в тавернах. Иногда при дворе создавалась своя уютная атмосфера. Кто-то пел песни, кто-то читал стихи. Отец Нарнетт иногда поигрывал на мандолине, а мать владела флейтой, хотя играла редко. Муж Нарнетт любил с ней танцевать под оживлённые хлопки в ладоши, и, хотя Эрлиста никто никогда не учил этому, танцевал он весьма сносно. И даже терпел выкрутасы Мэльдана, когда он «выводил в круг» саму герцогиню.

Смеялись, вспоминая былые годы. Годы благополучия. Когда проблемой для Нарнетт являлся выбор платья для ежемесячного бала, а для Мэльдана — выбор арбалета для охоты или скакуна для турнира. Выбор. Сейчас выбор принимали вдвоём. И их выбор связывался силой, что неподвластна ни богам, ни времени.

Смех прервал стук в дверь. Вошёл Жарнор Горэссир по прозвищу Старый Лис. Поклонился герцогине, пожал руку Мэльдану, похлопал его по плечу и начал говорить:

— Рад видеть, мои дорогие.

Они поочерёдно кивнули.

— Всё же хороший ты юноша, под стать отцу, — продолжал гость. — Жаль, у меня нет таких вассалов. Тебе повезло с ним, Нарнетт, береги его.

— Мы ещё даже ничего не начали, — отвечала она. — Не хорони нас раньше времени. Всех нас. Садись.

— Я даю тебе ровно шестьдесят рыцарей, милая Нарнетт. У каждого от одного до трёх боевых слуг, — сказал он, достав и закурился своей собственной трубкой. — Пехоту не дам, прости. У нас очень слабое качество защитного снаряжения, они будут немногим полезнее крестьян.

— Неудивительно, — вздохнул барон. — Наше герцогство только с разбойниками и воюет, а в дальние походы ходят другие герцогства...

— Также дам тебе десять грифоньих наездников и... Свой собственный клинок.

Нарнетт не скрывала удивления.

— Когда я встретил их в первый раз, то надеялся, что никогда не увижу и больше не услышу их, — продолжал Жарнор. — Но со своими страхами нужно бороться. Не волнуйся. Мои сыновья справятся с графством.

— Война, в которой старики идут умирать за молодых... — проговорил Мэльдэн, пустив новую струю дыма в окно.

— Не все старики. Но лучше стариков пускать вперёд, — заметил Лис. — Чтобы молодым было проще забираться вверх по нашим телам.

— Ты воин, Жарнор, — сказала Нарнетт. — Может, не самый способный в герцогстве, но воин.

— И для меня — дело чести повести в бой своих людей под твоим знаменем, Нара. И под знаменем королевства. Никто не узнает о нашем подвиге, ибо мы живём на отшибе. Но память будет храниться вечно.

— Продолжаешь хоронить нас, — она позволила себе улыбнуться, попросила трубку у Мэльдана, закурила — едва справилась с кашлем. — Как вы это целыми днями раскуриваете, у-ух, в лёгких симфония настоящая.

— С малых лет так, — улыбнулся Лис. — Моя госпожа, я готов привести своих людей к тебе завтра, мы уже отобилизованы. Но что другие графы? Что твои верноподданные бароны? Также отказ?

— Я сразу же поставила условие — только добровольцы, — отвечала Нарнетт, вернув трубку Мэльдану. — Основную работу будут выполнять алхимики и чародеи. Надеюсь, план Мэльдана сработает. Но остальные графы не хотят лезть и дальше. Странно, что ты не знаешь.

— Списывался с ними, — отвечал граф Горэссир. — Отвечали они очень уклончиво. А твои бароны?

— Половина идёт, половина остаётся, — продолжала Нара. — Отец Мэльдана немощен, уже не встаёт с постели. Но дал нам шестерых рыцарей с оруженосцами.

— Если прибавить моих, на какую силу можно рассчитывать? — Жарнор, возможно, неосознанно начал соревноваться с Мэльданом в пускании струек дыма в потолок.

Нарнетт покрутила несколько листов. Попыталась посчитать в уме.

— Почему ты делаешь это сама? — спросил граф. — У тебя ведь новый военачальник.

— Орденур скверный военачальник, занимается бумажной работой. А больше старших офицеров у нас нет.

— Дам тебе своего, — сказал Лис. — Полковник Ниларт командовал в своё время полком пехотинцев под началом графа Корсилейра, когда тот ходил в Нидарию в составе экспедиционного корпуса самого Дирретеха Герберта. Ниларт старше меня, но голова соображает очень хорошо.

— Рыцари без пехотных офицеров хорошо ладят. Покажи врага — затопчут, — заметил Мэльдан. — Дай сигнал — отступят, перегруппируются и набросятся снова.

— Я считаю, что основную роль будет выполнять пехота, — сказал граф. — Так всё же на какие цифры мы рассчитываем, милая Нарнетт?

— Двести тридцать один рыцарь, включая твоих. Около четырёхсот двадцати оруженосцев. Полтора полка пехоты, наша и наёмная. Пегая компания, вольные пехотинцы. Сколько всего пеших, Мэль?..

— Две тысячи, — сказал неродной брат. — Несколько сотен останутся на засеке, точнее — на её основании. Прикроют нас. Вместе с остальными трусливыми графами.

— Отряд чародеев, всего пятнадцать человек, — продолжала герцогиня. — Старший Андалф. И Абаллия отдала нам своего чародея-телепортатора. Надеюсь, пригодится. Также рассчитываем на пятьдесят грифонов, не считая двенадцать в разведке. Твоих тоже учла.

— Это крохотная сила по меркам воюющих сторон на юге, — заметил Лис. — Одни Саргиноры мобилизовали двадцать-тридцать тысяч. А у них ещё союзники есть.

— У них высокая мотивация, они любили своего герцога, поэтому поднялись за него. У нас каждый сам за себя, — Мэльдан потушил трубку, вытряхнул в пепельницу под столом.

— Значит, начинаем, Нарнетт? — спросил Жарнор, на что получил кивок. — Я распоряжусь выдвинуть обозную линию вперёд. Но с пешими и телегами мы будем идти ориентировочно два-три дня. Придётся ночевать. А ночью твари сильнее, ловчее, смелее.

— Будем прижиматься к западной горной гряде, Жарнор, — ответила она. — Сир Кэрвдон командует моими рыцарями, увидься с ним до вечера, обсудите все важные вопросы. Он сейчас в манеже, как всегда.

— Понял. Не бойся. Мы выстоим. За тебя и за твою семью, за маленького герцога... За драгоценную землю. Это наша земля, Нарнетт. Мы победим. Мэльдан, рад встрече. Увидимся вечером, госпожа.

Она кивнула. Граф поклонился и вышел.

— У него хорошие рыцари, как и у тебя, — проговорил Мэльдан. — У твоих, что характерно, уже есть опыт в убийстве этих тварей. Понимаешь, к чему я клоню?

— Нет. Я ничего не понимаю в военном деле.

— Рыцари будут резервом, — продолжал он. — Вперёд двинется караван со взрывчаткой, прикрытый колоннами пехоты и защитными телегами. Если они нападут, конные контратакуют их. Если нападут с воздуха, грифоны отгонят их. Если будет тяжело, маги уничтожат их. Они смертны, Нара. Надеюсь, ты перестала бояться их.

— Знаешь... У меня такое состояние...

Барон продолжал крутить трубку пальцами. Внимательно взгляделся в её кровоточащие глаза.

— Я уже ничего не боюсь, — закончила она мысль. — Ничего не чувствую. Хотя всё ещё дышу.

— Скоро это закончится, — уверовал он. — Мы вернём былые времена. И сегодняшний бал будет не последним в нашей жизни.

— Боюсь, ничего не закончится, — прошептала она.

Вечером она прогуливалась в саду. Фонари освещали её путь так, что где-то в стороне мелькали только шлемы стражников и повязки служанок. Вся прелесть и красота сада, раскинутого под стенами северного крыла Приюта, утопала во мраке. Она дошагала до неработающего фонтанчика, присела на бортик. Взглянула в отражение. Словно зеркало. Поводила ладонью по воде, появилась рябь. Взглянула ещё раз — вернулась та, другая Нарнетт. На этот раз её хищное лицо не насмехалось над ней, а пристально наблюдало. Нара больше не боялась её. Апатия, что копилась месяцами, отступила буквально за одну неделю. Неужели действительно на состояние могла повлиять гибель едва знакомой обезображенной прабабушки? Или повлияло осознание предательства, как со стороны подданных, большая часть которых бросила её, так и со стороны отшельника, что пытался помогать, желал наладить контакт, но ради корыстных целей?

— Вот ты где! — послышался девичий голос. — Скучаешь?

Она отвернулась от отражения, перед ней стояла Табия. Девочка закинула руки за спину и загадочно улыбалась, словно придумала новую забаву.

— Рядом с нами никого нет, — среагировала Нарнетт. — Я наконец созрела для твоего вопроса. Рада, что ты нашла меня. Садись.

— Здесь холодно! Холодный камень!

— Уверена, ты не чувствуешь холод, — парировала «тётушка».

Девочка ехидно прищурилась, но села.

— Сколько тебе лет? — спросила Нара. — На самом деле?

— Скоро двенадцатый день рождения, тётушка!

— Прекрати, — спокойно отрезала она. — Иногда ты смотришь на меня взглядом взрослого. Думаю, в твой спектакль не верили даже мои родители. Ответ, Табия. Не вынуждай меня сажать тебя под замок.

Девочка прекратила фонтанировать эмоциями, опустила ручонку в воду фонтанчика. В воде Нара увидела, как удлинись её мелкие ноготки. Как на несколько секунд они превратились в когти хищной птицы. Глаза её мигом блеснули магией, «тётушка» поняла, что это особенный вид вампиров. Такой, какой может с особой эффективностью мимикрировать под людей.

— Триста семьдесят пять, Нарнетт, — сказала она слегка изменившимся голосом. — Моему отцу, хорошо знакомому тебе, о существовании которого ты можешь только догадываться, четыреста шесть лет. Нас обратили во время Великой войны. Те, кто зовёт тебя своей семьёй.

— Ты владеешь эмоциями, странно, — Нарнетт осмотрела девочку, та вела себя куда живее Коленетта.

— Потому что я живу среди вас, копирую вас. Отец — дичок, общается мало, и человеческая речь ему даётся с трудом. Твоя родня с гор не верит мне, что, находясь в обществе людей, мы можем мимикрировать под них. Горцы не верят сотни лет.

— Значит, эмоции ненастоящие, но контролируемые... — задумалась вслух девушка. — А твой спектакль с отцом несколько месяцев назад? Когда он залетел в твою комнату?

— Это правда, — девочка убрала когти, достала и отряхнула от воды вполне детскую ручонку. — Отец хотел позвать тебя к родне. И попросил меня помочь.

— Значит, ты общаешься с отцом? — спросила Нарнетт, взяв для изучения мокрую руку девочки.

— Редко, — отвечала она, пригладив подол платья. — Он ведёт двойную жизнь. Либо при дворе, либо в горах, дома. Мне нравится больше при дворе.

— Но ты растёшь на наших глазах, — удивилась герцогиня. — Как такое возможно?

— Контроль тела, — Табия явно знала, о чём говорит. — В человеческом облике я пройду твой путь, до зрелости. Такой же путь проходят эльфы, после чего становятся бессмертными. Иногда я превращаюсь в подобное отцу чудовище. Тогда процесс старения прекращается. Как ты понимаешь, маленькой девочкой я оставалась все триста семьдесят лет.

— Тебя подкинули к нам специально? Ведь тебя нашли в пустыне, когда мой отец ездил на север.

— Ложь, — девочка покрутила головой. — Твой отец не ездил на север, за горы. Нашли меня в горах.

— Не ври мне, дитя. Я ukrала в своё время журнал придворного егеря, изучала его часами напролёт. Там он расписывал всё, что происходило с экспедицией моего отца. Он не просто так отправился на север. Он отправился за тобой специально, а не за таинственным артефактом. Значит, он был знаком с твоим отцом или Эндаррией.

— Мне неизвестно это. В дела взрослых я не вмешиваюсь.

— Тебя нашли солдаты... — вспомнила Нарнетт. — Тебя показали отцу. И он решил — девочка останется у нас. Знал ли он, что ты чудовище?

Табия помотала головой.

— Зачем ты здесь? Почему не бежала домой?

— Мне нравится чувствовать себя живой, — Табия по-детски повертела ножками. — Быть среди людей.

— Вы не испытываете настоящих эмоций. Не лги, дитя.

— Не всё ты знаешь о нас, тётушка. Рассказать тебе сказку?

— От ваших сказок меня воротит, — ядовито выдавила Нарнетт. — Иногда... Иногда мне так хочется, чтобы в моём подчинении был весь пул самых сокрушительных чародеек королевства. Ласточка, Северная Гроза, Гривоносица, госпожа Эйбаульская. Я бы обрушила на ваши головы горную твердь, сравняла бы ваши руины с землёй.

— И открыла бы доступ в королевство врагу куда более опасному, чем мы, — девочка вновь блеснула огоньками в глазах. — Просто враг этот спит вековечным сном, лишённый силы.

— Ольта, прости... Из-за меня тебя подвергли мучениям...

— Тётушка, не печалься из-за тех, кого уже не вернуть, — Табия показала пальцем в сторону. — Смотри, кто-то идёт!

По дороге трусила Мальция, одна из фрейлин, окружали её испуганные служанки. Девушка остановилась, прореверансировала и, тяжело отдышавшись, сказала:

— Моя герцогиня, к вам письмо!

— Графы? — едва не вскочила Нарнетт.

— Нет, маркиз де Пуньяк! Госпожа, дело в том, что...

— Мальция, выбрось это письмо. Не вздумай вскрывать и отвечать ему. Этот ублюдок безумен, — на этих словах Нарнетт фрейлина пугливо прижала ладонью уста, взглянув на Табию, она удивилась весьма наигранно.

— Нет смысла, ваша светлость, — сказала Мальция. — С письмом его святейшества изволили прибыть сюда...

— Ох, милостивые боги... — Нарнетт подняла взгляд на тёмное небо. — Я не приглашала его на бал. Где он?

— Остановился в палатах для гостей, в южном крыле. Просил передать письмо вам весьма срочно.

— Поняла. Ты свободна.

Девушки поклонились и скрылись на соседней аллее.

— Хочешь, я перегрызу ему глотку? — спросила Табия, игриво ухмыляясь.

— В моём дворце ты никого не тронешь, поняла меня, маленькое чудовище?

Девочка улыбнулась. Мелкими клыками.

— Тебя тянет к чудовищам, — сказала она, спрятав клыки. — Почему ты боишься признаться себе в этом?

— Откуда ты знаешь?..

— Инстинкт. Инстинкт не спрятать даже в человеческом облике. И я следовала логике. Ведь ты часами проводишь время в одиночестве. Даже со мной видишься чаще, чем с Коленеттом.

— Лгунья... — Нарнетт начала нервничать. — Как и все вокруг, ты жалкая лгунья!

— Тогда почему ты не прогоняешь меня, пока я не начинаю надоедать тебе?

Нарнетт прикусила губу. Злобно повертела головой, словно искала оружие против нахалки. Кроме цветов, не нашла ничего.

— Всё же я позволю себе заняться маркизом, — Табия продолжала не замечать исходящую от «тётушки» агрессию. — Не кажется ли тебе, госпожа, что он слишком

староват для тебя? Я молчу про то, что он довольно рано похоронил Эрлиста.

— Вон отсюда, — сквозь зубы процедила Нара. — Иначе я свяжу тебя и оставлю на съедение твоим прокажённым родственникам.

Девочка не ответила ни словом, ни действием. Слетела с бортика фонтана пушинкой и побежала прочь.

Нарнетт продолжила общение с отражением. Её сестра-близнец вернулась, тоскливо посматривала на Нару двумя лавовыми рубинами. Сестра была осуждающе спокойна, словно разочаровалась в своей живой копии. Только она знала, что задумала Нарнетт. И Нарнетт научилась контролировать силу воли, чтобы вторая сущность не мешала ей.

На балу она танцевала попеременно то с Мэльданом, то с Жарнором, то с бароном Алверсом, одним из верных ей. Пары сходились и расходились, тугие корсеты и красочные сюрко наводили круги друг с другом. Слуги едва успевали менять графины и доливать вино, коньяк, соки и эль. Подносы с закусками опустошались так стремительно, словно герцогство вело с ними давнюю войну, которую хотелось закончить как можно быстрее.

Когда маршал двора объявил о перерыве, флейтисты и арфисты прекратили мелодию. Гости разошлись по углам, кто-то проводил время за светскими беседами в центре зала. Нахалы осмеливались обжиматься прямо на людях, явно приняв на грудь слишком много. Нарнетт присела в стороне и заметила двух тесно примкнувших друг к другу юнцов, кажется, мелких баронетов, что не умели воевать и занимались домашним хозяйством. Для её двора это было в диковинку. Для двора столицы королевства, где она не бывала после свадьбы с Эрлистом, — обыденностью.

Она осторожно сняла маску с перьями, достала зеркальце. Кажется, белок глаза потихоньку приходил в норму, стало меньше красных ниточек.

— Вы танцуете, ваша светлость? — прозвучал необычайно знакомый бас.

Герцогиня подняла взор — увидела худощавого великана с абсолютно нечеловеческими глазами под маской лисицы.

— Вы не Жарнор... — заметила она. — Только граф Горэссир носит такую маску на балу.

— Настаиваю на танце, — продолжал басить незнакомец. — В наше время танцевали изящнее, чем ваши подданные, включая господина Жарнора.

Он протянул руку в перчатке, поклонился. Нарнетт приняла приглашение.

Музыканты начали новый акт. Заговорили струнные. Флейтисты уступили место арфистам, теперь зал украшали сказочные мотивы.

— Мы не чувствуем, дитя. Ты помнишь? — спросил партнёр Нары. — Не нужно так хватать мою талию.

— Прости, дедушка. Зачем ты здесь?

— Поговорить. Это правда? Отец Табии сказал, что вы идёте на войну?

— Значит, малявка поддерживает с вами контакт... — недовольно сказала Нара, ведомая танцором между пар баронов и рыцарей с фрейлинами. — Я ведь предупреждала, Кортлеус. Зимой там всё будет завалено сугробами, по весне — местность превратится в болота. А летом, когда пойдут урожаи, эти твари набросятся на нас. Застанут врасплох. Пока мы отобилизованы, есть шанс хотя бы оградить их от нас.

— Любой туннель можно раскопать, — сказал он, уведя её в сторону.

— Для начала мы засыплем их, — пояснила Нара. — Поставим вокруг дозоры, будем

следить. Через год закупим в далёком Круатале алхимические реагенты, какие создают темнокожие кудесники. Дворфы, хотя живут ближе, но сильно заламывают цены. Горы затрясутся и похоронят упырей заживо.

— Дитя, мы лишены эмоций, но твой план весьма авантюрен. Почему его продумывает девочка, а не твердолобый муж в доспехах?

— Один единственный, что у нас был, погиб по моей вине, — Нарнетт вовремя сманеврировала, ибо, увлечённая разговором, чуть не врезалась в другую пару. — Остальные — не вояки, кабинетные крысы. Мы можем дать бой, но победить в войне?.. Да, ты прав. У нас нет стратегии. Но и сидеть сложа руки нельзя. Люди успокоятся, попрячутся по домам и замкам. А следующим летом их начнут вытаскивать из постелей, откормленных, заплывших жирком...

— Откуда жирок, если вам почти нечего есть? — флегматично спросил «лис», сверкая нечеловеческими глазами под маской.

— Рыбный промысел, — ответила она. — Но также старается Вольхат, один из моих советников и муж советницы-канцлера. Он владеет крупным торговым флотом и состоит при купеческой гильдии герцогства. Именно Вольхат последние месяцы налаживает поставки продовольствия к нам как из Нидарии, так и с другого материка, из Гил Амаса. Оттуда скоро пойдут крупы и семена. И там же больше года работают мои родители и муж...

— Кормёжка за чужой счёт — дорогое удовольствие, это помню я из своей человеческой жизни, — продолжал прадед. — Ты ведь решила избрать метод слабый, но менее кровопролитный? На север — только добровольцы, как я услышал из разговоров в зале?

Нара кивнула, отвернувшись на придворных.

— Значит, нет в тебе силы, дитя, — закончил прадед. — Ты не держишь подданных в железных рукавицах.

— Папа говорил о хрупкой руке в железной перчатке...

— Времена идут, хозяйство не меняется, — парировал партнёр.

Он довёл её почти до стены, наклонил рядом с хлопающими в ладоши благородными девицами. Девушки расступились, явив Нарнетт зеркало в полный человеческий рост. И она, и прадед отображались в нём, словно живые.

— Значит, ты всё же человек, — сказала герцогиня, когда Кортлеус вернул её в центр зала.

— Настолько, насколько позволяет наша природа.

— Ох, Кортлеус, — Нарнетт искоса оценила обстановку вокруг. — На нас косятся, кажется, видят твои настоящие глаза. Почему ты не прячешь их?

— Под маской они выглядят здоровее, чем человеческие. Не знаю, почему так.

— Прощу, смотри только на меня. Барон Парлейк видит в тебе словно прокажённого!

— Подойти к нему, загипнотизируй, — предложил прадед.

— Не на людях ведь! — шепнула она. — Стой, что ты делаешь?!

Он повёл её в танце к отдыхающему от танцевальной партии мужчине с бокалом в руке. Мужчина пугливо озирался, искал спасения, но Кортлеус был невероятно быстр и в человеческой форме. Они прогарцевали вокруг него дважды, ловя изумлённые взгляды зевак. После второго круга мужчина принял вид слабоумного, поставил бокал на столик, стал улыбаться и хлопать в ладоши, хотя танцоры молчали.

— Отличные навыки контроля, дорогая правнучка, — сказал Кортлеус, отведя Нарнетт в

центр.

— Ты сделал это специально? Чтобы проверить меня?

— Да, я специально нарезал вокруг него два круга, — ответил предок. — Но получилось у тебя с первого раза. Во второй раз я проверял его реакцию. Изумительно. Если бы мной владели эмоции, я бы обнял тебя, дитя. Учишься ты гораздо лучше и быстрее, чем учились я и мои потомки.

— Ах, дедушка... Давай сменим праздность на важный разговор. Зачем ты здесь? Отговорить меня от похода?

— И да, и нет. Прими наш дар. Мы ускорим твоё перевоплощение. Ваше герцогство бедствует, верно?

— Да, — недоверчиво протянула она.

— В наших катакомбах есть золото, драгоценности. Сальвиар никогда не станет богатым феодалом, но сможет восстановиться после прошлогодней засухи, голодных бунтов и вашего горного конфликта.

Нарнетт задумалась, предок продолжал вести её вдоль танцующих пар.

— Когда великий лорд пробудится, он примет тебя в нашу семью официально, — продолжал Кортлеус. — Ты убьёшь его, сядешь на его высокогорный трон. И поведёшь нас в бой в качестве вожака. Мы истребим упырей и обезопасим твоё герцогство.

Она вырвалась из его цепких рук, он не сопротивлялся. Застыл восковой фигурой, долго смотрел ей в глаза. Окружающие кивали на них, чувствуя напряжение.

— Ваша светлость, милорд обидел вас? — спросил кто-то со стороны.

— Я не загнипнотизирую их всех, дитя, — тише сказал партнёр. — Вернись.

Нара оглянулась, увидела недоумевающую знать и испуганных слуг, сделала реверанс и вновь прильнула к Кортлеусу. Но музыкальная партия закончилась в неподходящий момент. Остановились все, и сами Мэссиры.

— Куда пропала музыка? — Нара узнала опьянённый голос Мэльдана. — Требуем продолжения банкета! Музыка, играй!

Они с Кортлеусом взглянули на возвышение. Музыкантов остановил один из камергеров, те послушно кивали. Юноша отошёл, начался новый акт. Танцы возобновились. Но прадедушка утянул Нарнетт за строй зевак. Дважды его хватали рыцари, что считали увод герцогини её кражей, дважды беглецы сверкали глазами. Сначала он, потом она.

— Куда же ты меня ведёшь? — спросила правнучка. — И что за странный запах?..

— Чувствую, здесь пролилась кровь, — пояснил Кортлеус. — Это запах свежей крови.

— Но пахнет не как кровь, — заметила Нара. — Не так, как я привыкла.

— У нас все рецепторы работают по-другому, дитя. Будь осторожна, во дворце завёлся убийца.

— Где герцогиня?! — вопрошал знакомый голос. — Одерид, Дитрет, где госпожа Нарнетт?!

— Сир Орто, я здесь!

Придворных растолкал медведь в изумительной красоты сюрко с вышитым фамильным гербом. Без поклона он одарил возмущённым взглядом Кортлеуса, тот не шелохнулся.

— Ваша светлость! — начал сир Орто. — Идёмте со мной! А ваш спутник должен...

— Он никому ничего не должен, сир, — прервала Нарнетт. — Взгляните внимательнее на его маску.

Рыцарь недовольно покрутил головой, но через силу кивнул, ушёл к выходу. Они

отправились следом.

Соседний коридор ломился от слуг. Гвардейцы прогоняли их, но Рила приказывала «не мешать» в уборке. Люди расступились перед троицей, Нара вошла в уборную: под умывальником валялся кто-то знатный. Худощавый брюнет, довольно высокий. Шея его была прокусана в нескольких местах, головной убор, лицо и камзол разукрашены кровью так, что невозможно определить личность. Кровь же застилала лужей паркет. Рядом с телом лежала маска кота, разломанная пополам.

— Кто-нибудь видел, с кем он входил сюда? — грозно спросила Рилароя.

— Кто бы это ни был, госпожа канцлер, выбрался он через окно, — один из гвардейцев указал на приоткрытые ставни в конце помещения.

— Мы нашли вот это, — другой стражник развернул тряпицу с чем-то, что Нарнетт не видела из-за спины ещё одного гвардейца. — Не знаем, что это. Возможно, осталось от убийцы и...

— Дай сюда!

Нарнетт выхватила их рук стражника что-то, что напоминало кисть человека. Вместо ногтей — обоюдоострые когти, что прятались в запястье. Девушка погладила их пальцами перчатки — когти были чрезвычайно гибкими — и показала Кортлеусу.

— Да, дитя, — шепнул он. — Момент затвердевания костной ткани и мы, и мутанты умеем контролировать. Когти прячутся в суставах, внутри рук они более эластичные.

— А когда вы превращаетесь, что происходит с когтями? — также шёпотом спросила она.

— Тоже, что и с остальным телом, — отвечал «лис». — Когти сокращаются, как и мышцы, и кости, и полые, омертвевшие, внутренние органы. Обратный процесс более неприятен. Имей ввиду, если что-то задумала.

— Ничего! — чуть не крикнула она. — Просто не понимаю вашей физиологии! Ох, довольно... Кортлеус, это не ваша рука! Это рука одной из тех тварей!

— Как он отрубил её без оружия? — возмущился Порлехт, прорвавшись через зевак. — Ваша светлость, всё оружие при посещении дворца изымается! А физической силой ни один человек не обладает, чтобы вырвать кому-то кисть! Тем более — одному из этих созданий!

Нара вернула кисть стражнику, медленно повернулась к прадеду. Тот рассматривал тело.

— Ты знаешь, кто это? — осенило её.

— Один из множества твоих благородных подданных, убитый ревнивой любовницей?

— Маркиз де Пуньяк. Она угрожала мне. В последний раз — сегодня, почти перед самым балом. Пойдём со мной. Рила, контролируй тут всё. Руку — сожгите, тело верните семье. Распорядись о выплате компенсации и всех бюрократических процедурах, как официальные соболезнования.

— Слушаюсь, госпожа, — ответила канцлер.

— Порлехт, следи за порядком. Не нужно с нами никого посылать! — Нарнетт взмахами руки призвала стражу стоять на местах. — Мы справимся втроем. Дорогу!

Чем дальше они шли, тем больше дворец наполняла могильная тишина. Кажется, музыканты перестали играть. Затихли кухни и пиршественный зал на первом этаже, хотя убийство произошло только что. Нарнетт показалось, что здесь замешана какая-то магия. Чувство невиданной апатии нахлынуло на сегодняшних обитателей Единорожьего Приюта.

Добрались до палат. Нарнетт потребовала от стражи поменять пост. Те,

переглянувшись, исполнили приказ. Она первая буквально ворвалась внутрь, обнаружила девочку, что старательно умывала окровавленное лицо. Схватила её за горло и прижала к стенке.

— Ты... Маленькое чудовище! Орто, закрой дверь!

Табия не сопротивлялась. Покорно терпела физическую силу Нарнетт, что неосознанно пробудилась в ней и требовала справедливости.

— Зачем?! — рявкнула герцогиня. — Зачем, раздери тебя Пантеон?!

— Он приехал сюда, чтобы сделать тебе предложение, — процедила она флегматично, не по-человечески. — На глазах у твоих подданных. Я подслушала это из разговоров его слуг.

— Я замужем! И люблю своего мужа!

— Нарнетт, — «сирота» слегка поменяла свой голос, словно говорила девушка, не девочка, — ходит множество слухов, что с твоей семьёй что-то приключилось на востоке. И ты боишься узнавать правду. Ждешь их возвращения.

— Нет таких слухов! — вновь рявкнула «тётушка».

— При тебе — действительно нет, — Табия была невероятно спокойна. — И при твоих слугах нет. Взгляни на себя. Ты не покидаешь дворца, а если и покидаешь — то посещаешь только такой же дворец. Куда пропали охоты, дипломатические миссии, путешествия?

— Мне нужно править герцогством, чудовище, — Нарнетт не заметила, как ослабила хватку, но девочка ещё держалась прижатой к стене. — Заниматься бумажной работой, разводить людей по сторонам, бороться с заразой в горах. Причём здесь несостоявшаяся любовь?!

— Это работа на упреждение, — сказал Кортлеус, схватив Нару за руку и отпустив таким образом Табию на пол. — Твоя власть и так шаткая, этот человек сегодня мог уронить твой авторитет, лишит последней поддержки. А без твоих вассалов — ты умрёшь в горах. Твоего сына некому будет воспитывать, вырастёт слабовольное чудовище.

— Чудовище... Это точно... — сказала Нарнетт, взмахом руки остановив сира Орто, что готовился схватить прадеда. — Орто, как доверенное лицо моего отца, вы должны знать, что могло произойти с моей семьёй на востоке.

— Клянусь всеми богами, госпожа, у меня нет информации. Мы, пятеро, поддерживали контакт с вашей семьёй. Но... Что-то случилось месяц назад. Раньше — каждую неделю весточка. Почта через егерскую службу вашего отца работала всегда исправно, лучшие грифоны, лучшие наёмники-моряки, что следовали на Гил Амас, а там — опытные гонцы-следопыты. Но егерская служба доложила, что моряки не получали писем от гонцов вашего отца уже больше месяца. С учётом расстояния — речь идёт о двух месяцах.

— И ты молчал об этом? — девушка отошла от вампиров, подошла к рыцарю, взглянула в медвежьи глаза.

— У вас сейчас другие проблемы. Не хотелось вселять в вас неуверенность, убивать вас. Я, как и члены вашей семьи, хотел бы, чтобы вы остались человеком, — признался рыцарь. — А, лишившись поддержки, вы бы могли пойти на отчаянный шаг.

— Ради всех богов, рыцарь, это моё решение! Вы обязаны уважать его и не мешать исполнению! Я буду человеком! Останусь им навсегда!

Нара не видела, как переглянулись вампиры. Но чувствовала по дуновению, что коснулось шеи.

— Взгляните в зеркало, — сказал Орто чуть тише.

Она подошла к зеркальцу на туалетном столике Табии, взглянула. Нарнетт схватил

паралич. Глаза больше не принадлежали человеку, они напоминали лавовые рубины Кортлеуса. Кожа слегка посерела. Волосы из-под головного убора стали более блёклыми, а губы иссохли, покрылись трещинами. Во рту почти все зубы оказались заострёнными, наточенными. Но не кровоточащими. По-человечески пока выглядел только нос.

— Что это, Кортлеус? Трансформация... — выдавила девушка. — Подходит к концу?..

— Это из-за эмоционального перенапряжения, дитя. Все проходили через это. Ты пока человек. Если тебе угодно, считай это ненастоящим своим обликом, иллюзией.

— Я могу загрызть человека этими резцами! — она на мгновение раскрыла рот. — Его смерть не будет иллюзией!

— Ты не дикарка, не обращённая из низов, — продолжал предок. — Проклятые всегда контролируют себя, всегда в нас разум возобладает над инстинктами.

— Не могу... Нельзя появляться в таком виде при дворе... Как убавить симптомы?.. — герцогиня осмотрелась, но вспомнила, что это не её палаты. — Лекарства! Лекарства Эндаррии!

— Я принесу, Нарнетт, — сказала Табия.

Нара посмотрела на мужчин. Те переглянулись, но кивнули.

— Только быстро, дитя. Они лежат в тумбе у кровати, ты узнаешь. Если служанка будет против, пригрози карой от меня. И... Прости мою порывистость.

«Сирота» не ответила, выбежала прочь. Послышалась ругань. В палаты Табии влетел Мэльдан, за ним показались два рыцаря в полном облачении.

— Нара! Что происходит?! Ты в порядке?! О, милостивые боги! Кархт, Вильгер, уйдите! Не смотрите на неё!

Мэльдан закрыл дверь, подошёл к Наре, приподнял её подбородок.

— Это всё они, да?.. — Мэльдан pokrutil головой. — Твой партнёр по танцам! Как тебя зовут, упырь?

— Мэльдан... Родители мертвы. Эрлист тоже мёртв. Я не говорила, прости...

Юноша, выпучив глаза, схватил подругу за голову. Девушка продолжала:

— Был сон. Кошмарный сон до того, как мой организм начал активную фазу трансформации. Вещий сон, как я поняла из слов сира Орто.

— Орто, серый кардинал герцога Млабиурта... — недовольно парировал Мэль. — Почему ты доверяешь ему?

— Читаю мысли, Мэль. Не задавай глупых вопросов. Ты сам, когда находился в беспмятстве после ранения, сказал мне, что семья не вернётся. Что мне нужно беспокоиться о сыне самой, не дожидаться возвращения родных.

— Я был в бреду, Нара!

— Нет! — воскликнула она. — Только не тогда!.. С этим нужно заканчивать. Как можно быстрее.

— Что вы сказали ей, демоны?! — взревел Мэльдан, подойдя к рыцарю и вампиру. — Ещё днём с ней было всё в порядке, а сейчас!..

В палаты бесшумно вернулась Табия. Как догадалась Нара, вернулась она через окно.

— Что за дьявольщина?! — возмутился барон. — Я не настолько перепил!

— Она тоже не человек, Мэль, — заметила Нара. — Успокойся.

Барон схватился за голову, осмотрел стоящих перед собой. Перевёл взгляд на молчаливого рыцаря и спросил:

— А ты?! Ты тоже превращаешься в кого-то?

Он помотал головой.

— Как же!

— Мэльдэн! — рявкнула Нара.

Барон взглянул на подругу детства, которую с малых лет придворные и знать называли его неродной сестрой. Они были похожи. Густые прямые рыжие волосы, овальной формы лица, небольшие аккуратные носы, у Мэльдана разве что нос слегка приподнят кверху. Светлый тон кожи и тоскливый взгляд двух холодных изумрудов в противовес ледяным топазам Мэльдана. Сейчас от бывшего остался только тон кожи, но и кожа девушки начала сереть, а шевелюра стала более блёклой. Нара сняла перчатки, покрутила ладонями перед собой. Приняла сумочку с лекарствами, начала откупоривать крышки у флакончиков и пробки у колбочек.

— Ты готов стать таким ради меня? — спросила девушка, влив в рот содержимое очередной колбочки.

— Ради высшей любви — готов, — успокоившись, ответил Мэльдэн. — Я — младший сын относительно бедного барона. Женился бы на дочери какого-нибудь рыцаря через несколько лет, погиб бы в каком-нибудь походе или с набитым брюхом в постели, от старости. Пустая жизнь. Жизнь пустого человека. А так — я смогу сохранить свою любовь вечной. Признайся, дорогая, ведь этим людям ты доверяешь, значит, можно не скрывать тайны: кроме симпатии, у тебя ко мне нет ничего. Ты ничего не теряешь.

— Я теряю и всё, и ничего. Сущность о двух лицах, о двух герцогинях. Испуганная женщина, что доверилась страшному чародею. И волевая упырица, что готова рвать на куски за свою стаю... Ох, последнее зелье вызывает изжогу. Дайте мне время, я приведу себя в порядок. Всё из-за стресса... Верно, Кортлеус?

— Верно, дитя, — ответил он, сняв маску лисицы и явив своё нечеловеческое лицо Мэльдэну и Орто.

Жжение в глазах прекратилось быстро. Желудок урчал так, словно Нарнетт испытывала голод в течение целой недели, но аппетита у неё не было. Ела она весьма мало и мало справляла нужду. Осмелилась дёрнуть себя за несколько волосков, вырвались они легко, хотя у корней были её родного, рыжего цвета. Остальные молчаливо наблюдали за тем, как к ней понемногу возвращался человеческий облик.

— Дитя, сначала проведём ритуал, вернём тебе человеческий облик. Затем мы поможем вам.

— Нет, Кортлеус. Ты не поймёшь, что такое чувства. И скольких я любила за свою жизнь. Интуиция... Интуиция не обманывала меня никогда. Когда они умерли, я трижды просыпалась за ночь. Это была самая жаркая летняя ночь в моей жизни. Я не хочу наступления подобной из-за гибели и... Обращения моего сына. Если мы не вернёмся, а вы, Мэссиры гор, уцелеете, защищайте его и наше герцогство.

— Если они столь могущественны, то пускай помогают нам, — сказал Мэльдэн, успокоившись от возвращения подруге более человеческого облика. — Мы будем идти к северным горам дня три, ночью нас нужно будет защищать.

— Без верховного лорда нельзя, — не согласился Кортлеус. — Он пробуждается самостоятельно. Если пробудить его самим, он в гневе может обратить низших вампиров на вас. Невзирая на родную кровь в жилах Нарнетт. Он слишком древний, не понимает, как работают законы мира и дипломатия. Мы ещё понимаем.

— Как же у вас всё сложно... — схватился за лоб Мэльдэн. — А жертва... Я правильно

понимаю, что жертва станет одним из вас? Поэтому, как мне объясняла Нара, у вас есть не только Мэссиры, но и близкие им люди.

— Верно, юноша. Ты должен быть готов к этому. Ты любишь её. Она, — Кортлеус повернул голову, ужасающе сверкнул глазами в сторону правнучки, — не знает, любит ли тебя, как мужчину. Как друга — нет сомнений, даже у меня, существа безэмоционального.

— Когда мой сын вырастет, надеюсь, он обретёт такого же верного друга или столь же любимую подругу, какими мы стали друг для друга, — сдерживая слёзы, сказала Нара. — И сделает единственно правильный выбор.

Мэльдан тоскливо кивнул, но выражением лица — словно помолился про себя.

Прозвонил колокол в городской церкви. Внимание на это обратил только сир Орто.

— Госпожа, дело к полуночи, — объявил он. — Завтра много работы, а послезавтра всё начнётся. Не нужно ли вам отдохнуть?

— Нужно, сир, — ответила герцогиня. — Нужно. Табия, пока я не забыла. Откуда ты достала руку одной из тварей?

— Подарок отца, тётушка, — отвечала девочка. — Он иногда охотится на них.

— Станный подарок, — хмыкнул Мэльдан.

— Её отец — очень странное существо, — проговорила Нара.

— Почему ты пропустила церемонию прощания с маркизом де Пуньяком? — спросил Колен, пока мать приглаживала его одежду.

— Он... Был в ссоре со мной, — Нарнетт пыталась найти нужные слова. — Я боялась что скажу что-то плохое о нём. Хотя плохим человеком его никогда не считала.

— Жаль его... — хмыкнул мальчик. — Дедушка его любит. Точнее — любил. Очень злые были его братья, сёстры и племянники, когда увидели меня. Я спрятался за госпожу Рилу.

— Правильно, — мать чмокнула ребёнка в лоб. — Не волнуйся. Они, хоть и не поверили в то, что на главу их семьи напал монстр, но согласились послать своих рыцарей сторожить границу. Вас будут защищать, пока я не вернусь... Вот так! Теперь Хельста не будет ругаться за твою неряшливость.

— Дядюшка учит музыке, а не манерам, матушка, — Колен потоптался на месте, звонко отчеканив маленькими каблуками. — Манерам одеваться, например. Есть ведь цирюльники!

— Есть. Но если тобой займусь я, то ты не захочешь расстраивать меня, расстёгивать рубашку или ослаблять шнурки на ботинках.

Мальчик уткнулся в живот матери. Та начала поглаживать его, но это не вызывало у неё приятных чувств. Лекарства всё же прогоняли внешние изменения, а не внутренние.

— Матушка, ты сказала перед своим последним походом на север, что вернёшься не ты, а другая. Но вернулась ты!

— Я ошиблась, Колен, — сказала Нара, продолжая поглаживать ребёнка по голове. — Моя вторая «я» не захотела ссориться со мной. Она подчинилась мне. Мы вместе, мы заодно. Одна стая.

Мальчик в удивлении поднял глаза на мать. Она погладила его щёки.

— Помнишь обещание?

— Ты вернёшься? Помню, матушка.

— Жди меня и в этот раз. Я совершила страшную ошибку, когда уехали твои отец, бабушка и дедушка. Привела в наш дом страшного монстра, которого не так давно победили

в бою на юге. Ошибку нужно исправить. Сломать вечный цикл.

Мальчик не понимал значения этих слов, продолжая тоскливо разглядывать лицо матери.

— Я объясню тебе, когда мы вернёмся. Тебя ждёт поход... И... Подробности лучше не знать. Наверное, я сделаю всё сама. Да, точно. Я справлюсь. Как уже справилась и... Справлюсь сейчас. Прости меня, родной.

Она пристально взгляделась в его грустные глаза. Жжение до боли. Сверкнуло, зрачки мальчика на миг сузились, затем вернулись в норму. Нара сняла с кафтана любимую брошь в форме единорога, отдала сыну в руки.

— Береги его, теперь он твой.

— Хорошо, матушка, — сказал он с лёгкой улыбкой и пустым взглядом.

— Я скажу Хельсте, занятие перенесём на вечер. Отдыхай. И жди. Я вернусь.

— Ты не нарушишь обещание, я помню, — сказал он зомбированным голосом.

Утренний ветер и сентябрьские холода ударили ей в лицо, едва она вышла во двор. У ворот Единорожьего Приюта толпился народ. Большая часть рыцарей оставили дворец с первыми жаворонками, что ещё не отправились на зимовку на юг. Пехотная баталия покинула Аргесал под звон фанфар ещё вчера, провожал весь город, а Нарнетт наблюдала с одного из обзорных балконов Приюта.

— Готова? Держись меня, — Мэльдан кивнул на поправляющего седельные сумки Андалфа, — Старик сказал, что его чародеи будут следить за небом. Не боишься, что базовой магии не хватит против их способности повелевать погодой?

— Я не боюсь дождя, — отвечала Нара, натягивая перчатки, поданные слугой. — А туман чародеи смогут разогнать.

— Что ж... Помолимся, дорогая?

— Без меня, — всё также холодно отвечала она. — Если хочешь, подождём. Но только быстро.

— Мы можем погибнуть в бою, едва перейдём границу, — Мэльдан отдал узды коня оруженосцу, жестом позвал стоящих в отдалении воинов за собой. — Лучше отпустить все грехи дома. Жди, надеюсь, вернёмся быстро.

Мэльдана и его рыцарей ждали долго. Наре показалось странным, что они не подготовились заранее к походу. Когда она хотела послать за ними, молившиеся вернулись. Девушка не поверила своим глазам.

— Отец прислал подарок, хотел удивить тебя, — объявил барон. — Прости за задержку.

Мэль и его рыцари демонстративно сверкнули новыми латами. Снаряжены они были так, как снаряжаются рыцари королевской гвардии. Полная защита всех частей тела, закрытые шлемы. Единственные слабые места — подмышки и, показалось Наре, места сочленений доспехов, особенно шея.

— Одеты лучше Кэрвдона, — удивилась герцогиня. — Откуда, Мэль?

— Отец загнал наших кузнецов за последние месяцы. Работали днём и ночью. Мы поведём рыцарей в лобовую, за счёт качества доспехов должны выдержать удар противника. Если противник вообще захочет с нами связываться.

— Безопасность прежде всего, — заметила подруга. — Твой отец умный человек, Мэль.

— К сожалению, самое сильное его качество мне не досталось... По коням!

— Сир Орто, вы мой телохранитель, — сказала Нарнетт рыцарю. — Остальные четверс едут с нами?

— Я знаю только двоих, ваша светлость, — сказал рыцарь-заяц, что должен был носить герб медведя. — Один поедет с нами, другой останется при дворе. Если с нами что-то случится, он... Приглядит за вашим сыном.

— У него есть имя? — спросила Нара. — Если что-то случится, я...

— Кибан. Да, госпожа, тот самый, что должен был охранять вашу семью.

— О, Всеотец... — она тяжело вздохнула, глядя на двинувших под своды ворот рыцарей Мэльдана. — Собственная семья плела интриги против меня.

— Не против, а во благо, ваша светлость, — отвечал Орто.

— Кибан, если не ошибаюсь, служит при дворе четыре года, едва у нас появилась Табия, правильно?

— Прошу простить, моя герцогиня, я не помню, когда при дворе появилась миледи Табия. Но...

— Всё в порядке, — сказала Нарнетт. — А я не понимала, почему Кибан дал обет молчания, поступив на службу. Интересно складывается пазл. Что ещё, папа, ты скрыл от любимой и единственной дочери?..

— Кибан из нашей пятёрки самый честный и добрый, владычица. Сохранил своё пребывание во дворце в тайне, почти никогда не снимает шлема. Он не дал волю слабости, как я, когда провалил своё задание.

— Потому что Кибан безэмоционален, сир Орто. Седлаем коней, впереди долгий путь.

До границы добрались к вечеру без проблем, если не считать застрявший после вчерашнего дождя караван в нескольких иттах к юго-западу. Перед лицом Нарнетт, едва она выехала с окружённого лесами тракта на открытую местность, возвысился Соловьиный утёс, одна из двух крепостей, что следят за порядком на севере герцогства. Высокие стены, несколько башен и могучий донжон, заложенный прямо на скале. Наверху в сторону севера непрерывно глядели баллисты и часовые, а внизу возились слуги и мастеровые, что углубляли и расширяли ров. Крепость стояла на возвышенности, воды здесь не было, но весь ров был утыкан сотнями заострённых кольев. Комендант крепости работал на совесть.

Вокруг вырос палаточный лагерь со стойлами, выгребными ямами и наспех построенными укреплениями из брёвен и переносных рогаток. Здесь же стояли десятки повозок с огромными бочками, напоминающими бочки для транспортировки вина или воды. В стороне Нара увидела иные повозки с подъёмными бортами — её давний приказ инженеры выполнили в срок.

— Ещё есть возможность повернуть назад, — сказал Мэльдан, выехав вперёд. — Да, снова этих людей уже не соберёшь. Но, возможно, за зиму нам удастся договориться с лоялистами или с мятежниками. В обмен на верность одной из сторон гражданской войны нам дадут дополнительные войска. Упыри не полезут на хорошо укреплённые крепости и засеку. Кстати, хорошая работа. Хоть ещё предстоит много чего сделать.

— Любой выход из сложившейся ситуации — авантюризм, Мэль, — не согласилась Нарнетт. — Но сейчас — мы отвечаем сами за себя, а за нас — никто. И мы никому ничего не должны.

— Должны себе, — парировал барон. — Мне этого достаточно.

— Отец говорил, — вспомнила она девичьи годы, — что в трудные времена вопросы нужно решать насильным путём. Нужно показывать силу. Клыки, как герцоги юга, или шипы, как герцоги северо-запада, главные на сегодняшний день мятежники королевства.

— Они и показывают силу, — сплюнув в сторону, ответил Мэльдан. — Всё королевство

в огне, а у нас здесь свои проблемы... Нара, твой отец правил в благоприятные времена. Он никогда не решал вопросы насильно, потому что кругом царили мир и порядок.

— Но он понимал окружающих. Что за кем стоит, кто на что способен. Он видел людей и жаль, что мне не досталась эта способность, — герцогиня стянула перчатку, стыдливо оглядела фамильный герб на печатке. — Отец всегда говорил, что трудные времена рожают оригинальные решения. Подразумевал он, полагаю, применение смекалки. Проблема в том, что против нас не люди, с которыми нужно бороться человеческими методами. Против нас чудовища, что понимают только язык силы. И силой нужно давить силу. Смекалку они не поймут.

— Что ж, — вздохнул Мэльдэн. — Возможно, ты права. Направишься к коменданту крепости?

— Нет, Кэрвдон приказал ему спуститься ко мне.

— Я тебе нужен?

— Как хочешь, Мэль. Ты что-то понимаешь в военном деле, я — нет. Полковник Ниларт где-то в лагере, отправлю за ним.

Коменданта ждали недолго. Тучный и седеющий вояка, едва успев застегнуть пуговицы дублета, появился в лагере с двумя гарнизонными солдатами, начал глазами цеплять окружающих.

— Ваша светлость, — поклонился он. — Полковник Бэнтур, к вашим услугам, повелительница!

— Бэнтур, у вас триста человек, — Нарнетт кивнула на крепость за спиной офицера. — Сколько вы можете дать нам без ущерба обороноспособности границы?

— У нас нет конницы, госпожа, — полковник оглядел позиции герцогских сил. — Только гончие. Но есть человек пятьдесят в доспехах. Единственная проблема — они не проходили боевое слаживание. По уровню подготовки гарнизонные солдаты будут хуже воинов вашей милости.

— Выводи их сюда, — приказала она. — Пригодится любое лишнее подразделение. Мэльдэн?

Барон кивнул. Подъехавший верхом полковник Ниларт поклонился благородным и прямо с седла пожал руку тучному воину.

— Ниларт, что его сиятельство? — спросила Нара.

— Занимается нашими рыцарями, ваша светлость, — отвечал офицер графа Горэссира. — Люди напряжены. Хотят идти на север прямо сейчас. Мы ждём доклады от грифонных разведчиков.

— Пока всё спокойно, пусть отдыхают, — сказал Мэль. — Лучше делать дневные переходы, двигаться по безопасному маршруту, что мы составили ранее.

— Да, прижимаемся к западным горам, — настаивала Нарнетт.

Мэльдэн скривил лицо, словно не соглашался с мнением подруги. Она понимала, что вампиры для него тождественны упырям, но почему он был готов стать одним из них, одним из мерзких чудовищ, оставалось загадкой.

— Ниларт, ты командуешь нашей группировкой, все карты в твои руки, — объявила герцогиня. — Когда нам лучше наступать?

Офицер посмотрел на север, словно ожидал грифонных разведчиков. Кроме двух дежурных, что оберегали лагерь, на горизонте больше никого не было.

— Скоро сумерки, ваша светлость, — отвечал он. — Пойдём с первыми лучами солнца.

Вдоль западных гор, как вы и велели. Реку Вирну можно перейти вброд к западу от Нэлвского озера.

Нара краем глаза заметила, как недовольно покрутил головой Мэльдан. К ним подъехал сир Кэрвдон.

— Ваша светлость, ваше благородие, я настаиваю на отправке на север разведывательного отряда, — спросил командир рыцарей. — Противник мог устроить ловушки, засады, что угодно. Лучше потерять полсотни лёгкой кавалерии, чем тысячу другую человек.

— Готов возглавить, Нарнетт, — объявил Мэль. — С конными я хорошо управляюсь.

Она взглянула на север, ничего не поменялось там. Но интуиция требовала подсказку, знак. Нара сжала кулаки, решение нужно было принимать головой, а не по наитию.

— Мы всё ещё не знаем, сколько их, госпожа, — продолжал сир Кэрвдон. — Если нас окружают, мы соорудим какое-то подобие гуляй-города. *

Нара взглянула на кольцо. Печатка с изображением двух горных вершин натирала, сдавливала палец. Девушка попробовала снять, увидела, что кожа под кольцом посерела. Взглянула на кожу под обручальным кольцом — тоже самое, но без зуда.

Военные, заметив отрешённость герцогини, обсуждали что-то вполголоса. Только Мэльдан наблюдал за ней.

— Опять стресс из-за принятия решений? — спросил он. — Ты же понимаешь, что я мыслю рационально?

— Я не взяла лекарства, Мэльдан. Если начну обращаться на глазах наших, пусть меня прикончат свои.

Рыцарь и офицеры, словно расслышали её шёпот, обернулись.

— Ну и шутки у тебя, Нарнетт! — громыхнул Мэльдан. — Значит, ты согласна с тем, что лучше отправить разведку вперёд?

Нара взглянула на служилых. Кивнула.

— Отлично! — воодушевился старый друг Нары. — Кэрвдон, отряд оруженосцев и гончих ко мне. Я на северо-западной стороне лагеря буду. Собирайтесь, друзья. Завтра будет тяжёлый день.

Трое военных поклонились, комендант ушёл в сторону крепости, остальные поехали в лагерь.

— Я рядом. И прикрою, пока могу, — заявил Мэльдан, взяв подругу за руку.

Нарнетт не вырывалась.

Мэльдану показалось, что идти ночью гораздо безопаснее, чем днём. Ночью, используя нательные фонари, ты можешь проделывать путь незамеченным, если местность не открытая, как окрестные леса. Всадник легко сливается с силуэтами деревьев и скал. Сир Орто не соглашался, пеняя на то, что юноша никогда не охотился ночью.

— Всё же... Почему ты отправился со мной, если она назвала тебя своим телохранителем? — спросил Мэль полужёпотом.

— Чувство вины, — отвечал Орто. — Ищу искупления. Ведь я провалил миссию данную её отцом.

— Ты не знал о её сверхспособностях. Не печалься. Это подрывает моральный дух. Киред, видишь разведчика?

— Так точно, господин! — послышалось впереди.

— Отлично, хорошо идём. К рассвету должны добраться. Так, Орто... Может, ты расскажешь хотя бы мне, кто остальные четыре рыцаря? Один — Кибан, лучший фехтовальщик при дворе. Он остался охранять дворец и самого юного герцога. А другие трое?

— Клятва, Мэльдэн. Не могу нарушить.

— Какие же вы упрямы! — полушёпотом возмутился он. — Ладно... Хотя бы скажи, я их знаю?

— Двоих последних я не знаю. Но второго ты знаешь отлично. Он редко появляется во дворце, занимается обеспечением. Проверяет, чтобы никто не отравил госпожу или её подданных.

— Зря, Орто, ты рассказал так подробно, — Мэльдэн почувствовал прилив сил. — Потому что это Мирехт, один из доверенных людей моего отца.

Нательный фонарь сира Орто показал, как тот стыдливо прикусил губу и выругался про себя.

— Не волнуйся, ты не нарушил клятву, — успокоил барон. — Всё же обеспечением занимается дюжина рыцарей. Но именно этот неровно дышал к Нарнетт. По-рыцарски, разумеется, он ни на что не рассчитывал. Потому был и остаётся верным. Однако... Он точно должен был остаться дома. Ты ничего не перепутал с тем, какие именно рыцари поехали в поход?

— Ничего.

— Обманщик... — усмехнулся Мэльдэн. — Значит, с нами инкогнито поехал Кибан, верно?

— Он любит семью герцогини. И посчитал, что его клинок нужен здесь. Я догадывался... Думал, что он чародей. Но герцогиня этим утром намёком пояснила, что он не чародей.

— Зверский взгляд у него, согласен. Надеюсь, его клинок действительно будет полезен. Так, Киред, что впереди? Почему остановились?

Разведчик впереди застыл восковой свечой. Остановились и едва горящие фонарики вокруг.

— Подъедем поближе, Орто, — продолжал юный барон. — Хорошо, доспехи в лагере оставили. Иногда ноги дадут бóльшую защиту, чем дорогая сталь.

— Господин, — повернулся в седле Киред, — там кто-то впереди! Это не наши!

— Тише! Дай посмотрю...

Точки вокруг замерцали, конные разведчики двинули вперёд. Только троица спешила и застыла над оврагом в лесной глуши. В овраге дремала какая-то туша. Мэль услышал тяжёлое сопение и что-то, что напоминало мычание.

— Киред, Орто, это обращённый вол, — пояснил Мэльдэн. — Проклятый горный бык будь он не ладен. Мы такого встретили в начале лета к востоку отсюда. Погиб только от магии.

— Обогнём его? — спросил разведчик.

— Не знаю... Если нас прижмут, он может помешать отступлению. А если наброситься на него, взревёт дьяволом. Все твари вокруг пробудятся.

— У нас три свежих наточенных клинка, — шепнул рыцарь. — Если одновременно пробить ему череп, не взревёт.

— Нужно позвать остальных. Разбежались! Я буду следить за ним. Приведите сюда ещё

несколько человек, остальным дайте сигнал остановиться, пусть прикрывают.

Мэльдан привязал коня и сполз в овраг. Ступая по листве аккуратно, дошёл до головы. Осмелился прибавить света у фонаря. Глазницы существа были пустыми, но оно дышало. На рогах следы давно застывшей крови, а на копытах — клочки грязи и земли. Чешуя его отливала серым с зелёным, но местами потрескалась, показывались язвы. Юноша занёс клинок над головой, прицелился, но его окликнули сверху:

— Мы сейчас!

Вниз спустились ещё шесть человек. Один едва не наступил на мохнатый хвост чудовища. Трое взяли копья, один арбалет, остальные, включая барона и сира Орто, мечи.

— По моей команде! — шепнул он. — Раз, два, три!

Рёв был чрезвычайно коротким, словно миг. Но этот миг пронёсся у Мэльдана перед глазами. С двух сторон оврага послышалось гневное мычание, что начало перерастать в похожий рёв. Разведчики, вынув оружие из головы чудовища, ринулись наверх. Двоих дремавшие рядом твари утянули вниз, человеческие крики стихли быстро. Остальные добежали до коней, отвязались, двинули врассыпную. Но чудовища не преследовали. Мэль дал команду остановиться, вокруг появились новые разведчики с копьями и арбалетами наперевес.

— Слышите? — спросил один. — Чавканье...

— Молчать! — тихо приказал Мэльдан. — Слушайте горы, нельзя, чтобы горы отвечали им...

Тишину разрезало только похрапывание лошадей и агрессивное чавканье, словно быки не ели несколько недель. Собрав отряд в дюжину человек, Мэль приказал спешиться. Вооружённый отряд подошёл к оврагу. Люди подожгли несколько фонарей, бросили вниз. Мэль увидел, что твари увлечены телами разведчиков, у одного уже была отгрызена нога.

— Бей!

Копья и болты пробили одному голову. Вол поворчал, поводит головой, но рухнул на добычу. Второй поднял пустые глазницы вверх, хотел взреветь, но что-то сверкнуло за его спиной. Что-то, до чего не доставал свет. Вол повернулся, голова скрылась в темноте. Несколько мгновений — тело рухнуло на землю под удивлённые взгляды разведчиков.

— Кто это сделал?! — прошептал один.

Они спустились с оружием наперевес, подобрали копья и фонари. Мэльдан и Орто, оглядываясь и держа клинки перед собой, обошли вторую тушу. Её голова валялась рядом, разрез был почти идеальным, в нескольких местах.

— Мэльдан... — протянул Орто. — Кто это мог сделать?..

— Ангелочек Нарнетт. Всё сходится, — серьёзно ответил барон. — Проверьте округу, если здесь есть ещё гнёзда, то нужно разобраться с ними до подхода основных сил. Разошлись! Держать друг друга в зоне видимости!

К первым лучам они вышли из леса. Не досчитались ещё двух разведчиков, которых нашли растёрзанными вместе с конями. Рядом — такие же изуродованные тела прокажённых животных. Мэльдан, глядя на результаты помощи таинственного ангела-хранителя или даже нескольких, воодушевился. Именно так он сможет защищать свою возлюбленную, что не должна быть возлюбленной. Юноша догадался, что за существо оберегало отряд разведчиков.

Стена гор возвышалась почти над самыми головами, спускаясь к равнинам пологими склонами. Разведчики петляли вокруг, искали ловушки и следы чудовищ, пару раз

натыкались на упырей, что, видя людей, избегали их и прятались в пещерах. Но основные силы противник куда-то спрятал. Или готовил большую засаду.

— Они умеют летать, — задумался вслух Мэльдэн. — Основному отряду с грифонами вреда не причинят, но нам могут сделать больно. Будьте начеку.

— Войско прибудет сюда только завтра, — сказал Орто. — Боюсь, нам придётся остаться здесь. Следить за ними.

— Будем следить. Вон там... — Мэль указал на едва заметный в сумерках ледник над головой. — Можно было бы обрушить его. Но склон спускается не в сторону пещер, а западнее, к внутреннему перевалу. И вполне вероятно, что масса льда пойдёт туда.

— Хочешь устроить оползень или лавину? — спросил рыцарь. — Ледник не очень большой... Да и как заманить их наверх?

— Конницей. Пока они спят, мы исследуем местность выше. Подманим за собой... Жаль, не взяли с собой трубы.

— Один грифоний наездник заложит на леднике взрывчатку, — сказал рыцарь с телосложением медведя. — Но нет гарантий, юноша, что нас не похоронит вместе с ними. Этот план — одна огромная авантюра.

— От комплексной разведки хуже не будет. Орто, делим отряд, работаем до рассвета, — приказал Мэль. — Я возьму двадцать человек, исследую всё на склонах, попробую примериться. А ты командуй остальными, ищите тварей. Если прижмёт...

— Отступать на юг, помню. Берегите себя.

Отдохнули на небольшом плато, в кедровой чаще. На востоке поднималось солнце. Лошади, поднявшись в гору, покончили со всеми навьюченными на себя запасами слишком быстро и принялись за ягель, что прорастал на склонах. С одной из вершин вниз спускался тихий ручеёк, от которого поились все. Мэльдэн ещё раз оглядел вершины, один ледник был крутым, другой более пологим, как склоны под плато. Взрывать нужно было более пологий, так как направление склона шло строго на юго-запад, задевая пару пещер и даже одну из тех, что вырыты в горах, а не под горами. Но Орто мог быть прав. Ледник был небольшим, слишком маленькая масса льда покоилась на вершине. Лавина едва ли могла достичь низин, остановившись на полпути.

— Проклятье... Киред, ты тоже считаешь мой план авантюрой? — спросил Мэль у разведчика.

— Не знаю, господин. Я не тактик, я следопыт.

— Жаль, Нарт остался при Нарнетт, он бы подсказал что-нибудь, — сказал барон. — Чёртова подагра. У тридцатипятилетнего мужика!

Что-то мелькнуло в стороне, недалеко от них. Мэль призвал всех прятаться, а сам выглянул из-за кедра. Летела стая упырей, с северо-запада, из-за гор. Упыри шипели и ревели, словно вели диалог. Их они не замечали. И это напрягало. Если они чувствуют кровь, то должны были хотя бы спуститься ниже. Мэльдэн поднял взор, увидел туман и далёкую тучу, что нависла в небе за ледником.

— Да что не так с этой погодой! — выругался он. — Нужно отправить одного к Орто, пускай прячутся.

— Они уже спрятались, владыка.

Мэльдэн взглянул в сторону низин, последние точки пропали из поля зрения. Возможно, упыри летели именно к ним. Но скорости и высоты они не снижали.

— Исследуем дальше, — приказал барон.

— Сир! Сир, летят!

Орто выглянул из-за кустов, на всякий случай обхватил руками морду коня. Небольшой рой тварей летел высоко, словно патрулировал горную местность. Разведчики продолжали наблюдать.

Существа долетели до какой-то ложбинки между двумя скалами. На глазах рыцаря и его людей некоторые, приземляясь, обращались гуманоидами и скрывались в тени скал.

— Там вход, — напомнил подчинённым Орто. — Есть подземные входы, а этот и ещё два выдолблены прямо в горах. Благодаря Мэльдану и архиегерю Нойрбету у нас есть точная карта.

— Карту составили неделю назад, сир, — сказал кто-то за спиной. — Они могли вырыть ещё пару входов.

— Вы ведь помните доклад грифоньих разведчиков. У них тоже копии парт были при себе. Нету новых входов. Не наводите панику ни сейчас, ни после.

— Зачем паника, старый друг.

Орто узнал голос, повернулся к остролицему, что не прятал лица.

— Так, двое следят за гнездом. Остальные разошлись по округе! — тихо приказал рыцарь. — Коням морды покрепче связать! Чтобы ни писка! Вперёд!

Когда люди разошлись, Орто подошёл к остролицему и пожал ему руку.

— Значит, Кибеан, решил всё же таким образом защитить нашу герцогиню.

— Я слышал ваш разговор. Девочка узнала меня, — прозвучало как утверждение, а не как вопрос.

— Узнала. И дочь твоя бед натворила во дворце. Странные вы существа. Вроде людей не обижаете, но ведёте себя так, словно... Ты не знаешь такого слова.

— Позабыл много, — отвечал остролицый. — Я пойду вперёд. Защищать вас. Не спорить со мной, друг.

— А как же обещание? — спросил рыцарь-медведь. — Если тебя загрызут там?

— Скорость мой ответ. Они летают медленно, черепахи. Я летаю орлом.

На глазах сира Орто его боевой друг обратился нетопырём, взмыл вверх, шелестя лохмотьями. Кто-то из разведчиков крикнул, увидев быстрый силуэт, но Орто приказал молчать и списал всё на иллюзии.

— По одиночке они не летают. Это птица, я видел. Горный орёл, — объяснил он зоркому следопыту.

С гор в самые низины дул могильный ветер. Далеко на севере подвывало, но разведчики докладывали, что впереди всё в порядке. Войско двигалось на север в полном вооружении. Чтобы противник не застал врасплох, шли медленно, десятки итт должны были преодолеть за два с небольшим дня. Телеги двигались колоннами. Несколько раз ломались колёса, гнулись спицы. Помогали запасные детали и ловкие инженеры-мастеровые. Но во время дневного перехода лопнули две бочки, горючее вещество быстро впиталось в землю. Обоз остановился, войско, замедлив темп, продолжало путь на север. Нарнетт со стороны наблюдала, как грозно Жарнор, Кэрвдон и Андалф отчитывают начальника каравана обеспечения из бедного рыцарства. Тот молча терпел все оскорбления, продолжая заполнять дневник. В конце концов, это доканало девушку, она подошла к ним и сказала:

— Прекратите! Две бочки — не повод задерживать поход и трепать друг другу нервы!

— Ваша светлость, дело не в утере! — ответил Кэрвдон. — Они не затянули ободы! От любой кочки телега подскакивает, бочку трясёт — она лопается!

— Сир, я проверял всё перед самым походом! — воспротивился снабженец, почувствовав поддержку герцогини. — Эти бочки не рассчитаны на длительный переход и такую нагрузку! Здесь даже грунтовых дорог нету!

— Доведём до севера то, что сумеем. Жарнор, Кэрвдон, вернитесь к войску. Андалф, не отъезжай далеко. Я хочу поговорить.

Спорящие покрутили головами, но исполнили приказ. Снабженец глубоко вздохнул, поклоном поблагодарил герцогиню. Она подошла поближе, пока Андалф развязывал коня, убедилась, что рядом больше никого нет, и не справилась с любопытством:

— Сир... Как вас зовут?

— Ренарк та Мерестир, ваша светлость, — отвечал снабженец.

— Сир Ренарк, а вы случайно не один из чёртовой пятёрки, что служит моему отцу?

Рыцарь потупил взгляд, недоверчиво уставился на неё.

— Не понимаю вас, госпожа.

— Взгляните мне в глаза, сир.

Жжение. Сверкнуло. Ренарк принял вид слабоумного.

— Кому вы служите, сир Ренарк?

— Маркизу... Маркизу де Пуньяку...

— Какой приказ отдала вам семья де Пуньяка?

— Остановить... Задержать... Если потерять половину взрывчатки, вы вернётесь домой...

— Зачем? Его семью не волнуют горы?

— Его семью всегда волновали только вы, — Наре моментом показалось, что загипнотизированный ехидно улыбнулся.

— Больше... Проблем с бочками не будет? Мы довозём всё?

— Всё, госпожа... Проблем никаких, клянусь Первой Матерью...

— Еретик, мы веруем во Всеотца, а не в Отступницу. Если я вернусь домой, то вычищу вас. Клянусь Пантеоном. Свободен.

Отойдя, она оглянулась. Рыцарь крутил головой, трепал щёки, пытался проморгаться. Именно сейчас Нара поняла, что в зависимости от силы гипноза жжение может передаваться и объекту воздействия чар.

Когда она вернулась в центр войска, к командирам, поступил очередной доклад от воздушных наездников о том, что путь впереди чист. Конные разъезды также исправно докладывали. Войско двигалось почти в идеальной тишине, шумели только телеги и лошади. Тревога накатывала на людей, им нужно было вступать в сражение. Ожидание, подумала Нарнетт, всегда губительно.

— Если всё пойдёт не по плану, и мы задержимся, то начнутся дезертирства, госпожа, — объявил, поравнявшись, командир рыцарей. — Пока только полдюжины человек сбежали. Рыцари все со слугами в строю.

— Кэрвдон, мораль войска зависит от командира, — Нарнетт вспомнила крылатую фразу из одной художественной книги, где немощный старик учил молодых дворян управлению войском за несколько недель до ожидаемого сражения. — Я женщина, а не военачальник. Тебя любят рыцари, но не пехотинцы. А Ниларта они не знают. Что

предлагаешь?

— Им нужен символ, госпожа, — сказал командир конных. — Именно вы. Когда каждый из них будет знать, за кого он сражается, он вознесётся к Небесам с вашим именем на устах.

— Высокопарно для сурового рыцаря, — по войску опустились знамёна, Нарнетт придержала коня, рыцарь также остановился.

Полковник Ниларт отрубил привал, военные начали стелить лежаки прямо у склона горы, между непосредственно склоном и редколесьем на востоке. Нарнетт присела рядом с командиром рыцарей, просила объяснить свои слова.

— Мужчинам всегда нужен идеал для противостояния злу, ваша светлость, — начал он, пока его оруженосец разжигал костёр. — Многие из них женаты, дома ждут дети. У кого-то дети ещё развиваются в материнских чревах. Кто-то ещё молод, кроме матери в родной деревне или служанок в усадьбе не видел больше представительниц вашего вида, прошу прощения за слог. Да, бывают и такие. Даже среди рыцарей. Особенно тех, что несут всю жизнь гарнизонную службу.

— Значит, я затеяла этот поход, — она проводила закончившего оруженосца взглядом, — мне и отвечать тем... Что я стану символом?

— Стоит попробовать. Если не считать десять волшебниц и несколько служанок в обеспечении, вы единственная женщина в войске. Вас захотят сбечь. Просто нужно напомнить о своём существовании. Вы укутаны в дорожный плащ с капюшоном, как простолюдинка или волшебница. Никто не видел вашей роскошной гривы или броши.

— Дворянки обязаны соблюдать этикет, — заметила герцогиня. — А брошь я оставила сыну.

— Только не сейчас, ваша светлость. В любом случае, мои слова — только слова. Я не сам верю в то, что сказал, — Кэрвдон тоскливо уставился на костерок, что постепенно возрастал языками пламени. — Но за свою жизнь мне удалось побывать, если отбросить мелкие конфликты, на двух войнах. Когда ты теряешься, когда гибнут сослуживцы, только символ может вытащить тебя из бездны.

— Расскажи, прошу тебя, Кэрвдон. Я не люблю военные байки, но... — задумалась она. — Сейчас не тот случай. Сейчас мне самой нужно успокоиться.

— Что ж, моя герцогиня... Я терялся дважды. Когда орки разграбили безымянную деревню в Нидарии, я с сослуживцами искал выживших. Мы попали в засаду, орки контратаковали. Отряд был налегке, ибо стояла июньская жара. Сначала пали кони. Орки часто используют отравленные стрелы. Затем умирали люди. Бригантины и кольчуги спасали, но у нас были оголены шеи и ноги. Я собрал выживших, мы забаррикадировались в сарае.

Нарнетт внимательно слушала. Кто-то подошёл к ней и командиру рыцарей, кажется, Андалф. Возможно, хотел напомнить о её просьбе поговорить, но она не внимала. Чародей отошёл, стал дожидаться окончания беседы. Что-то спросил у капитана гвардейцев и двух его бойцов, что дежурили поблизости, те что-то ответили. Нара не вслушивалась.

— В сарае был разгром, как и во всей деревне. Мои хотели самоубиться, боялись смерти от яда. Но наши споры прервал плач. Мы нашли в углу сарая девочку, что плакала над трупами, кажется, родителей. Девочка не знала всеобщего, но рукой, стирая слёзы, указывала на наше оружие. Она хотела отомстить.

— Сколько же ей было лет? — спросила девушка.

— Наверное, как вашему сыну. Один из моих рыцарей взял её на руки, показал остальным. «Смотрите! — кричал он. — У неё трясутся коленки и ручонки, слёзы текут рекой! Но она хочет драться! Хочет мстить!»

— Чем же закончился этот поход?..

— Мы выломали ограду, наспех сколотили большие деревянные щиты. Открыли ворота, пустили осаждающих. Я потерял ещё троих, но в свалке мы нарубили столько, что выжившие откатились сначала из сарая, затем из деревни. Осада продолжалась до вечера, пока не приехал конный разъезд местных, орков разогнали, девочку местные забрали. Я запомнил её лицо. Нет, она никого не убивала. Но когда всё закончилось, девочка с нечеловеческим взглядом полосовала орочьим кинжалом тушу одного из нападавших.

Нарнетт поглядывала на костерок. Продолжала не замечать ожидающего Андалфа и нарезающих вокруг неё круги Порлехта и его гвардейцев.

— Второй случай произошёл на западных островах, госпожа, на архипелаге Свободы, — продолжал Кэрвдон. — Мы брали штурмом островную крепость. Я находился в отряде рыцарей самого графа Галдерса. Когда авангард откатился от ворот крепости, наш отряд вышел вперёд, чтобы прикрыть отступающих и стянуть стрелков на себя. Из крепости по нам запустили огромный каменный шар, меня задело по касательной. Я укрылся с остатками отряда в блиндаже, что соорудили местные осаждающие, к которым мы прибыли на помощь. Внимание моё привлекло тело девушки. Увидели её и мои сослуживцы. Девушка носила рясу, вероятно, была священницей-целительницей, точно с материка. В руке она сжимала анкх, сжимала так сильно, что на пальцах застыли струйки крови. Кто-то начал строить теории, кто-то требовал выбираться в сторону своих, но только я обратил внимание на одну деталь. Девушка носила обручальное кольцо.

— Значит, она не была монахиней. Её сан был низок, — сказала Нарнетт, повернув голову к рассказчику.

— Для меня это было неважно, ваша светлость. Тогда я подумал, что может завести замужнюю женщину на дальние берега? Сколь долго её будут ждать любимые дети, муж, подруги из гильдии врачей? Какие слова она произносила в предсмертной молитве и желала ли, чтобы мы, будучи чужаками на островах Свободы, победили местных? Эти вопросы мучают меня последние десять лет. Вопросы, которые я сам задал себе. И на которые нашёл только один ответ.

Нарнетт слушала. Ближе подошёл чародей, кажется, слушать стал и он. Рыцарь продолжал:

— Неважно, кто она, сколь много добрых или злых поступков за её спиной. Она принесла себя в жертву ради чужих идеалов. Она знала, что женщине на войне не место. Но она записалась в армию, пошла лечить. Возможно, чтобы прокормить семью. Возможно, по наитию или воле Всеотца. Однако она сделала судьбоносный выбор, стала символом для мужчин-военных.

— Но она в отличие от той девочки была уже мертва, — сказала Нарнетт. — Какая мораль у этой истории? Ведь её подвиг видели только те, кто укрылся в блиндаже.

— Мы разнесли эту весть по всему войску, когда выбрались. Мы вытащили её тело, показали своим. Долго говорил сам граф Галдерс, хваля волю и силу мужества простолюдинки, что умерла вдали от дома и семьи. Люди расцветали на моих глазах. Вся эта банда, которую собрали с огромного герцогства и смешали с добровольцами из других герцогств, каким был я, превратилась в настоящую армию, в единый организм. Немного нас

участвовало в том штурме, острова мятежников были не очень большими. Но участие в этом странном ритуале принимали все. Замок взяли к вечеру, отделавшись минимальными потерями. А история о храброй целительнице попала на материк, превратилась в байку, которую иногда травят в тавернах. Один из вернувшихся рыцарей настолько преисполнился этой девой, что вышил её изображение на своём гербе. Я слышал, он подался в монахи, служит Конклаву.

— А что ты делал там? — спросила она. — Архипелаг Свободы не является зоной интересов королевства, там хозяйничают бандиты и пособники герцогов Итиллиэдрских.

— Я воевал за них самих, за герцогов Нортирара, — ответил командир рыцарей. — Ваш отец отпустил меня в командировку.

— Отец отпустил придворного рыцаря? Ведь командиром ты стал только недавно... Кэрвдон, — осенило её, — ты один из той пятёрки, что приглаживает за мной по воле отца?

Рыцарь оглянулся, рядом с ними никого не было, люди отдыхали или дежурили в отдалении. Андалф отошёл в сторону, не слышал их. Кэрвдон кивнул.

— Всегда смущала теплота, которая иногда пробуждалась в тебе, — озадаченно сказала Нарнетт. — Только не говори, что я похожа на твою дочь или жену, не поверю.

— Я бесплоден, госпожа. Но никогда бы не отказался от такой дочери.

Нарнетт стыдливо отвернула голову и сказала:

— А я бы отказалась. Что ж... Интересно. Осталось найти ещё двух. Ты тоже дал обет, как... Полагаю, я не могу говорить.

— Когда вы найдёте их, то очень удивитесь, госпожа. Любят вас все пятеро, но каждый по-своему. Один — как желанную дочь. Другой — как лучшую правительницу, чем ваши родители. Третий — как возлюбленную. Прошу прощения. Желания двух других мне неизвестны, как и их имена. Но двое других уверены в их любви к вам, я доверяю им.

— У тебя верное сердце, храбрый рыцарь. Собираемся, сир Кэрвдон. Ваша приёмная дочь зовёт вас на бой.

Рыцарь одарил её доброй, отеческой улыбкой. Никогда ещё Нара не видела, чтобы суровые мужи могли так улыбаться.

— Андалф, хотела поговорить, присаживайся, — сказала она, едва рыцарь ушёл отдавать приказы.

— Госпожа, мы собираемся. Что за нужда возникла в столь тёмный час?

— Не говори загадками, Андалф. Я хотела... Хотела узнать перед окончанием нашего пути. Это правда? Правда, что ты на днях ездил в Малый лес?

Старик отмолчался. Но кивнул.

— Где ты похоронил её? — спросила девушка.

— Привёз домой, похоронил у усадьбы её отца. Она ведь наполовину благородная, но без фамильного имени. Старик и его чистокровный сын не возмущались, помогли с могилой.

— Ольта, глупая, вспыльчивая, наивная... Но сильная. Такой силы мне не хватает сейчас. Будь она у нас, не потребовалось бы целое войско.

— Боюсь, это так, — согласился старый маг.

— Сир Кэрвдон только что поведал мне о своих командировках по свету. О том, какие героические женщины бывают, как они могут вдохновлять мужчин на совершение подвигов.

— Я чародей, ваша светлость, — старик подкинул в костерок пару веточек. — Воинское искусство мне неведомо.

— Но и у тебя, получается, был символ. Ты ведь всегда уважительно относился к ней?

Что иначе могло заставить тебя в одиночку отправиться в эти опасные земли?

— Безрассудство, что передалось мне от неё.

— Ты всегда был в её тени, старик. Выйди, посмотри на солнце, — она сверкнула глазами, но не ради гипноза, а ради внушения. — В мире слишком много чудес. Наше герцогство — одно из них. Я знаю, что в чародейском стане с моралью всё ещё хуже, чем в стане рыцарей или солдат. Вам страшно без неё. Чувство неуверенности, с которым я борюсь последние месяцы, передалось и вам. Боритесь с ним, Андалф. Пока есть капля времени, иногда хватает и капли, чтобы перевернуть всё. Дать импульс действию.

Старик взглянул в её глаза, всмотрелся внимательно.

— Не чувствую в вас магии, но глаза ваши не только нездоровы, но сверкают чем-то недобрым, госпожа.

— Мои глаза сверкают самым добрым светом, какой может исторгать любящая мать и герцогиня, — с грустью в голосе отвечала Нарнетт. — Любящая вас, что не дезертировали, а пошли за ней. Поговори со своими, внуши им. Ольта... Сделай из неё героя. Преврати её безрассудство в подвиг.

— Я слышал часть вашего разговора, понимаю, о чём вы. Вы не сердитесь за мою вольность и за то, что я не доложил вам о её погребении?

— Нисколько, — Нарнетт вновь взглянула на костерок. — Это обдуманый поступок. Ступай к своим, скоро выдвигаемся.

— Благодарю, госпожа. Мы не подведём вас. За Ольту. За герцогство. За вашу семью, — он встал, поклонился и направился в центр лагеря.

— Символ... — прошептала она, глядя на наблюдающего за ней Порлехта. — Милостивые боги, с третьим спутником я не буду разговаривать. Пора действовать, хватит разговоров.

— Они там, Нара. Ждут нас, — отчитался Мэльдан.

Нарнетт сузила веки, прислонила ладонь ко лбу. На склонах гор впереди было движение.

— Пока мы ехали к вам, нашли в лесу несколько трупов каких-то чудовищ, о которых ранее доложила разведка, — сказала девушка. — Вы постарались?

— Ангел-хранитель. Твой ангел, Нара. А говорят, что в нашем герцогстве ангелы не живут. Что ангелы пришли в наш мир с вайями.

— Мы тоже вайи, пусть и наполовину, — поправила герцогиня. — Как зовут этого ангела?

— Я думал, ты знаешь.

Она не знала, а могла только догадываться. Слишком много ангелов было вокруг неё.

— Один из гонцов доложил о твоём плане, — сменила тему Нарнетт. — Ты хочешь... Использовать грифонов, выманить летучие силы противника под ледник и взорвать его?

— Их похоронит заживо. Но нужно быть очень осторожными. Я готов взять эту миссию на себя. Мне хватит десяти наездников.

К ним подошли все командиры. Нарнетт оглядела их.

— Кэрвдон, Ниларт, вы главные по военному делу. Как оцениваете этот план?

— Грифоны, если войдут в пике, то будут быстрее тварей, госпожа, — сказал офицер, а рыцарь кивнул.

— Нам нужно держать войско монолитом, самое главное — не терять

организованность, — заметил Старый Лис. — Манёвренные войска должны быть хорошо управляемы.

— Грифоны последние недели только и делали, что отрабатывали пикирование и выхватывание противника из толпы, — вступил Мэль. — Но как они будут в воздухе биться, неведомо никому.

— Поэтому грифоны останутся в тылу, — заявил Кэрвдон. — Это наш последний резерв, если нас выманят на открытое пространство и ударят с воздуха. У нас будет три манёвренных отряда. Мэльдэн командует грифонами-приманкой. С ними же будет тот, кто заложит взрывчатку на ледник.

— Это должен быть чародей, — заметил Андалф. — Если мощности взрывчатки не хватит, то поможет магия. Но я должен командовать своими. И всё равно я не умею управлять бестиями.

— У вас есть свитки? — спросил рыцарь-медведь с гербом зайца, оседлавшего улитку на тунике. — Огненные шары, что-нибудь подобное?

— Да, сир Орто, — ответил чародей.

— Всё сделаю, — сказал тот. — Свитки читать умею, не волнуйтесь.

— Орто, опрометчивый поступок, — заметила Нарнетт.

— Нужно исправлять свою ошибку, смывать позор, ваша светлость.

Она прикрыла глаза, уповая на горделивость рыцарей. Но всё же кивнула.

— Наше войско ничем не рискует, — заявил Мэльдэн. — Мы за сутки, петляя и прячась от тварей, осмотрели округу, примерили маршрут схода лавины. До войска не дойдёт в любом случае. Но если взорвать вон тот ледник...

Нарнетт подняла голову, увидела между деревьев застывший на столетия белый пик.

— ...то нас может задеть. Поэтому придётся отводить войско чуть восточнее.

— С запада нас защищает гора, на которой и вырос ледник, — воспротивился командир пехоты. — Если выйдем восточнее, то...

— Ниларт, доверься мне, — продолжал Мэльдэн. — Этот риск оправдан.

— Значит, решаем так, — громыхнул Кэрвдон. — Грифоны выманивают, двое... Да, двое наездников закладывают взрывчатку. Орто, вторым будет один из моих оруженосцев, он умеет читать заклятья и управлять грифоном. Андалф, свитки.

— Будут, — подтвердил чародей.

— Два отряда гончих, когда упыри взмоют вверх, начнут выманивать остальных, — продолжал Кэрвдон. — Погонят за собой в разные стороны, вокруг нашей позиции. Если внутри останется орда, то пехотный вал с алебардами и щитами сомнёт её. Останется дело за малым — перекрыть все входы и выходы. Только здесь есть одна проблема. Думаю, все понимают её.

— В поле нашего зрения всего три входа. Мы видим перед собой крайние западные. Остальные тянутся на восток, — заявила герцогиня. — Делить войско нельзя. Будем работать последовательно?

— Попробуем для начала не использовать войско, — отвечал командир рыцарей. — Пусть возницы идут вперёд. Если на них нападут, они отвязывают телеги, скачут к нам. Иного пути нет.

— Если бы нас здесь было хотя бы тысяч пять, а не полторы, не считая конницу, всё было бы гораздо проще, — заметил Старый Лис. — Нарнетт, зря мы на границе половину войск оставили.

— Они сами себя оставили там, Жарнор. Хватит целовать прошедшее время. Берегите настоящее, иначе будущее пронесётся мимо нас. Мне нравится ваш план, хоть я и не военная. Но есть ли у нас запасной план касательно отступления? Сейчас я понимаю, что отступить можно лесами, но, если их в пещерах несколько тысяч, нас забьют, словно скот.

— Прикрытие, госпожа. Единственный вариант, который я рассматриваю, это закупорить туннели нашими телегами, — сказал Кэрвдон. — Если не успеем использовать взрывчатку, то...

— Всё проще, господа, — осенило Нару. — Это может показаться вам жестоким, но... Как вы рассматриваете возможность отправить в каждый туннель по две-три телеги так, чтобы возницы в последний момент спрыгнули? Лошадей будет жаль, чрезвычайно жаль. Но так может получиться бесшумно и одновременно перекрыть выходы. И нужно будет выделить ещё один отряд грифонов со взрывчаткой, чтобы они перекрыли вертикальные пещеры.

— Я хотел отправить туда рыцарей, чтобы они встречали выбегающих и вылетающих, — заметил Кэрвдон. — Уже после основной серии взрывов, когда будет более безопасно.

— Рыцари не смогут рубиться несколько дней, пока содержимое туннелей будет выливаться наружу, — сказала Нарнетт. — Ты видел их в бою, они не устают.

— Понял, госпожа. Ниларт, ещё отряд грифонов.

Офицер кивнул командиру рыцарей.

— Чародеи прикрывают основное войско, — продолжал Кэрвдон. — Они же дадут основной сигнал, помните: столп искр или серию огненных стрел, что взмоют в небеса. Надеюсь, мы ничего не забыли.

Переглядывались и переговаривались ещё несколько минут, уточняя друг у друга детали. Нарнетт больше не вникала. Её привлекали мелькающие впереди фигуры. Они ждали их. Не нападали раньше. Почему?

— Приказ... — задумалась девушка про себя. — Они получили приказ не нападать. Быть может, будут переговоры?..

— Нара?

— Ничего, Мэльдэн. Просто мысль вслух.

Между крон деревьев замаячили грифоны, отряд ринулся на запад, к ближайшему леднику с крутыми склонами. Пока на земле все готовились, колонна телег, прячась под деревьями и защищаемая отрядом лёгкой кавалерии, направилась на восток. Нара продолжала рассматривать горный склон впереди, скрываясь у кромки леса. На её глазах внезапно из одного из туннелей выскочили два упыря, огляделись, пошипели друг на друга и скрылись внизу.

— Разведка, Порлехт?

— Это не люди, госпожа, — ответил капитан. — Но ощущение, что ими кто-то управляет. Они уже полтора дня как знают о нас.

— Ублюдочный отшельник...

— Кроме дозоров, — Порлехт не слышал её слов, — мы пока ни с кем не сталкивались и... Смотрите!

Нарнетт увидела, как на леднике к северу пропал грифон. Отряд Мэльдана находился под соседним ледником, ожидая сигнала Кэрвдона. «Приёмный отец» Нарнетт руководил всем процессом.

— А это ещё что?.. — удивился капитан.

Между скал вылетел упырь, но упырь странного вида. Наре он показался знакомым, если не родным. Следом из невидимого пространства посыпали остальные, с добрую дюжину. Упыри сцепились в воздухе, беглец начал злобно отбрасывать противников, он явно был сильнее. Но их было гораздо больше, они буквально облепили его. Комок перепончатых крыльев рухнул куда-то на склон, покатился кубарем вниз. Сидящие в засаде люди не шевелились, доверяя свою защиту деревьям и брёвнам.

— Кортлеус?.. — прошептала Нара. — Капитан, прикажи стрелкам помочь ему!

— Это тварь! Как помогать твари?!

— Не тварь! Прадедушка! Помогите ему! — чуть ли не крикнула она.

Капитан оглядел засевших за деревьями стрелков, Нара увидела взведённые арбалеты.

— Привлечём внимание раньше времени, — не соглашался Порлехт. — Раньше времени спровоцируем.

— Стреляйте, чёрт бы вас побрал!

Капитан крепко выругался, но дал команду. Яростное шипение прервали щелчки пускаемых арбалетных болтов. Силуэты начало раскидывать по сторонам. Беглец обернулся гуманоидом, сверкнули длинные когти. Куски чудищ полетели в разные стороны. Кто-то пытался обращаться, но вампир-берсерк не позволял им закончить процесс трансформации. На склон падали настоящие желеподобные создания, ни гуманоиды, ни нетопыри.

— Не стрелять! — приказала Нарнетт. — Он свой!

Беглец увидел людей, обернулся нетопырём и взмыл вверх, скрывшись где-то над их головами. Проводили его несколькими болтами особо расторопные стрелки, которых капитан всё же отчитал.

Впереди заревело. Казалось, задрожали горы и начался оползень, долину вот-вот должно было накрыть массой камней и земли. В ушах закладывало, вой эхом отражался от гор вокруг и мёртвым холодом западал в сердца людей.

— Тысячи... Их тысячи... — провогорила Нарнетт. — Нет! Я не привела вас на погибель! Домой вернёмся только с победой! Капитан, за мной!

Стрелки становились за самодельные баррикады, готовились встречать вылетающего из пещеры между скал противника. Ожили и три пещеры внизу. Под склоном расплёскивалось настоящее чёрно-коричневое море, наполненное многовековой яростью. Она пробудилась. Первобытная ярость, смешанная с современной магией, какой являлась проказа приезжего чародея, и древней магией отшельника из народа лорунал. Нарнетт не верила своим глазам, глядя на собирающуюся орду. Они вставали по струнке, у одной им видимой линии, словно ждали команды. Почти как на параде.

— Порлехт, идём! Быстрее!

В сопровождении капитана она отправилась в центр штурмового лагеря. Служилые готовились к бою, вооружаясь, проверяя лечебные зелья и пересчитываясь поотрядно. В глубине леса располагалось кольцо из боевых повозок с подъёмными бортами, а в центре круга — готовая к переходу колонна со взрывчаткой. Нужен был сигнал. Вернее — серия сигналов.

Нара поднялась на одну из телег в центре лагеря, оглядела людей. Те начали замечать её. Девушка сняла капюшон, обнажив всё ещё роскошную шевелюру, что, однако, уже отдавала тенью былой красоты. Теперь её заметили почти все.

— Мужички герцогства Сальвиар! Храбрые бароны, рыцари, оруженосцы, солдаты и чародеи! Вы помните клятвы, что приносит всякий военный, помните присягу?

Все молчали. Рёв у склона поутих, но упыри ещё призывали соплеменников.

— Там, под горой, пробудилось древнее зло! Зло, что спало вековечным сном! Зло, что изголодалось по человеческой плоти за долгие столетия! Они — новая цивилизация этого мира! Они, порабощённые чудовищной магией и природой создания, что не умеют чувствовать ничего, кроме голода! Это иная форма жизни! Форма жизни, что с каждым годом будет отхватывать от нас всё больший и больший кусок! Форма жизни, что хочет рано или поздно заместить нас! Взять горы под свой контроль!

Нарнетт никогда не приходилось так долго кричать. Все её эмоциональные всплески ранее ограничивались короткими выступлениями. Но сейчас в голову ударило вдохновение. Сердце и разум были заодно с лёгкими.

— Я — Нарнетт Мэссир, верховная герцогиня герцогства Сальвиар, графиня Алорбуно, баронесса Титула Семи Горных Пиков, защитница гор Морнгерос! — рывкнула она, видя скептицизм в глазах многих. — Сегодня я нарушу один из важнейших законов нашего королевства! Сейчас я издам указ, который не будет оформлен ни одним канцлером, который не попадёт в историческую хронику, а останется только в байках тавернщиков и в сказках деревенских старух! Приказываю: храбрым мужам герцогства Сальвиар не сдаваться, не отступать, защищать близких! Приказываю: помнить о тех, чьи жизни пребывают в покое на юге! Приказываю: будьте честными, сильными, отзывчивыми к страданиям других! Мы все — на одной стороне! На этом самом месте — забыты все ссоры! На этом самом месте мы, что служат разным идолам, скрепляем свою связь кровью и потом! Здесь, под ликами Всеотца и всех двадцати илтатрий, мы защитим наше будущее от мерзкого прошлого! Ошибки нужно исправлять! Древнее зло, что не уничтожили наши предки, уничтожим мы!

— Darre! — крикнул кто-то, явно посчитав слова Нарнетт молитвой.

— Храбрые мужи, я никогда не держала в руках оружия тяжелее гусиного пера или расчёски для волос, — сказала Нарнетт на издыхании, но люди не шумели, не мешали и стоны под горами. — Главным моим оружием, которым я так и не овладела в совершенстве, всегда оставался разум. Сейчас, в этот самый момент, я поняла, ради чего привела вас всех сюда. Не только ради защиты нашего дома или высших идеалов, не ради справедливости во всём мире... Я привела вас сюда, чтобы мир увидел нашу человечность. Это сражение останется в истории не только штрихами на иссохших пергаментах!.. Сражение людей за право оставаться людьми! Сражайтесь за своё герцогство так, словно решается судьба мира! Изгоните из разума бесов сомнения, что сеют семена неуверенности и раздора! Сражайтесь во имя Его! Бейтесь за любовь, за долг, за самые светлые чувства доступные человеку и недоступные этим существам! Приказываю герцогству Сальвиар: бейтесь за свои и наши идолы, невзирая ни на что!

Зазвенела сталь. Первым клинки над головами поднимали рыцари с боевыми слугами, оставленный Кэрвдоном резерв. Примеру последовал Жарнор, что ещё пытался переварить слова Нарнетт. На телегах со взрывчаткой повскакивали возницы, над головами полетели шапки, раздались громогласные вопли. Наконец, оживилась пехота. Отряд за отрядом, сержант за лейтенантом, но оживились все. Так люди приветствовали орду, что начала наступать сейчас, собравшись во всю боевую мощь.

Мэльдан поводил подзорной трубой по низине. Волны противника утопали в деревьях слой за слоем. Внизу раздавался страшный гул, сражение началось с лобовой атаки.

— Так, ждём сигнал, ребята! — призвал юный барон. — Не паниковать!

Один из наездников дёрнул поводья грифона, зверь оступися и едва не свалился с обрыва. Рефлекс Мэля поднял голову вверх: ледник с крутыми склонами не шевелился.

Волны продолжали накатывать на позиции в лесу. Вой орды пытались пересилить звоном труб и барабанным боем, но горнистов и барабанщиков было гораздо меньше, чем вражеских крикунов. Внезапно на востоке появилась туча. Мэльдэн направил туда свой взор, покрутил кольца: туча оказалась роем, твари запросили подкрепление.

— Не та сила выступила приманкой, ох, не та! — гроыхнул кто-то позади.

— Тихо там! — рявкнул Мэльдэн. — Всё только начинается!

Туча остановилась на полпути к позициям пехоты. Мэльдэн опустил подзорную трубу, оглядел низизу. Там мерцали точки.

— Это отряд гончих! — объявил Мэльдэн, командир отряда на текущий момент. — Да, они отманивают их! Всё в порядке!

— Нужно начинать, господин! — послышался позади знакомый голос.

— Тихо, Нарт! — ответил командир. — Ты смышлённее всех нас, вместе взятых!

Туча действительно ломанулась следом за едва заметными на скалистом поле с зелёными проплешинами сверкающими точками. Кажется, план начинал работать.

Новый рёв раздался где-то над головами. Мэльдэн и его ловчие подняли головы — прямо над ними пролетела огромная туша с перепончатыми крыльями. Покрывали его язвы и гнойники, когти на задних и передних лапах местами были обломаны. Мэльдэн не успел увидеть морду, но по строению тела было понятно, что это не виверна.

— Матерь Всевышнего! — удивился наездник рядом с Нартом. — Зелёный! Зелёный дракон-упырь!

— Дьявол! — выругался Мэль. — Куда он летит?!

Тварь упала камнем недалеко от вертикальной пещеры. Кто-то выполз оттуда, Мэльдэн попытался разглядеть силуэт, но существо было довольно массивным. Казалось, юноша где-то видел его. Наблюдения прервал столп искр. Далеко на востоке. Искры потянулись к ним волной.

— Нужно давать сигнал! Свиток, Нарт! Пускай огненный шар в небо!

— Барон, нужно ждать сигнал от госпожи Нарнетт! Её сигнал — последний!

— Дьявол, Нара, зря я вас оставил, зря!

Он хотел сорвать грифона вниз, но зверь не послушался, гневно прострекотал. Мэльдэн увидел причину: прокажённый дракон, трепыхая рваными перепончатыми крыльями, вместе с массивным наездником повалился со склона и двинулся ползком в сторону лагеря, разрезая могучими лапами своих соплеменников.

Нарнетт продолжала разворачивать знамя в одной из повозок, укрытых тентом. Гуляй-город держался, с начала сражения только дюжина упырей (из тех, что она могла видеть) смогли прорваться внутрь. Скорее всего, с помощью обращения, но в лагерь врывались они в гуманоидном виде. Алебарды падали на головы осаждающих повозки то там, то тут. Андалф, выведя чародеев из самодельного укрытия, разил врагов по сторонам. Арбалетчики первой линии, включая гвардейцев Порлехта, что успели укрыться до начала наступления, активно засыпали противника железом. В бою не участвовала пехота второй и третьей линии, они должны были сменить первую линию по сигналу полковника Ниларта. И так — пока поток тварей не иссякнет.

— Порлехт! — крикнула она, но тот не слышал. — Мэрдур, Койдор!

Военные были увлечены сражением. Про саму Нарнетт забыли все, даже её телохранители, что кружили вокруг повозки, ожидая неожиданного налёта сверху. Кроны деревьев гарантировали безопасность от прямого нападения с воздуха, но осаждающие уже показали, что способны перемахнуть через баррикады.

Раздался оглушительный рёв, ревели не твари. Нарнетт с ужасом взглянула, как опрокинулись две повозки, солдаты посыпались с бортов, словно игрушки. На помощь упырям пришли прокажённые быки.

— Андалф! — послышался призыв Ниларта.

Едва быки начали прорыв в лагерь, в них влетели сгустки стихийной магии. Твари откатились, пытаясь сбить пламя и ледяную корку с голов и горбов. Солдаты бросились следом, подняли возы, вставили в бойницы копыя и подтолкнули телеги вперёд, закрывая брешь.

— Моя герцогиня, сюда!

Нара выглянула из-за тента, под соседним фургоном прятались две её служанки. Девушки звали к себе, но она покрутила головой. Люди должны были видеть свою госпожу.

— Разворачивайся, кусок сукна! Давай же! Чёрт! Дьявольское проклятье!

Вновь пробудилась её зверская сила. Едва развернув знамя, она порвала его.

— Криворукая сука! Всё в последний момент!..

Вновь оглушительный рёв. На этот раз ревели не быки, а существо крупнее. Нара порылась в сумке возницы, нашла флакон с каким-то клейким веществом, соединила рваные клочки ткани между собой и пропитала их неизвестной субстанцией. Наконец знамя развернулось. Она взяла флагшток, выбралась из телеги и направилась к служанкам. Те с видом перепуганных собак ждали её, но крепко выругались, когда она полезла не к ним, а на крышу фургона, по ступенькам.

— Куда же его воткнуть?.. Куда?..

Не слышала она нового рёва. Не слышала ожесточённых приказов командующих. Не слышала своих гвардейцев, что окружили её и требовали спрятаться. Глазами она искала что-то, куда можно было бы воткнуть знамя и так, чтобы его видели все. В конце концов, не нашла ничего другого, кроме как самой выступить знаменосцем. Под ругательства и тяжкие вздохи прислуги и бойцов она встала в полный рост на возвышающийся на крыше багажный бортик, откуда открывался вид на бушующее вокруг сражение. Ветра не было, потому она второй рукой растянула свободный край, ей едва хватило длины рук, чтобы развернуть знамя целиком.

— Наше герцогство! — взревела она. — За Сальвиар, доблестные воины!

Рёв за спиной. Она обернулась: две повозки разлетелись в разные стороны. Осаждающие лагерь чудовища успокоились. Вторая линия пехоты окружила точку прорыва, но почти сразу откатилась назад. Прямо на них ползло огромное чудовище с рваными перепончатыми крыльями. На горбу драконоподобного создания восседал он.

Нарнетт повернулась, опустила знамя до уровня груди, чтобы видеть обстановку впереди. Никто из подчинённых не видел её, все были ошеломлены могущественным противником, что не проявлял к ним должной агрессии.

— Мир, люди! — прогремел Абалтун, не слезая с чудовища. — У нас был мир! Но вы, повинувшись воле взбалмошной девицы, нарушаете этот мир не впервые!

— Мир чудовищ! — неожиданно для окружающих, прорезался звонкий, почти командирский голос Нары. — С чудовищами не может быть мира! Чудовищ полагается

истреблять!

— Быть может, ты начнёшь с себя? — Абалтун упёр посох в основание крыла твари, другой рукой продолжал держать что-то, что напоминало поводья. — Если уничтожить тебя, проклятую, если прервать этот цикл, то люди оставят эти горы нам, и мы будем жить в мире?

Нарнетт с ужасом оглянулась, но её подданные не подводили её. Они ждали нового акта агрессии, стрелки уже перезарядились, чародеи направили посохи на отшельника. Алебардисты полукругом в два ряда окружили чудовище. А сбоку несколько рыцарей готовились взять его на таран.

— Никакого мира с вами! — продолжала кричать герцогиня. — Вы не знаете дипломатии, вам неведомы чувства! На моих глазах ты перебил своих сородичей в одной из пещер, для тебя они мусор, бесполезная рухлядь!

— Эти существа не стоят и волоска с твоей головы, — словно прорезался сарказм отшельника.

— Они — иная, животная цивилизация! Та, что не должна была просыпаться! И ты возглавил её! — будно обида, прозвучало из её уст. — Они приняли тебя!

— Отшельника всегда тянет к отшельникам, дитя, — ответил он уже чуть тише, словно желал пристыдить герцогиню. — И нас с тобой тянуло друг к другу. Меня — в познавательных целях. Тебя — в целях получения избавления от проклятья. Но ты выбрала их, свою семью. Вы выбрали вечный цикл.

— Чего бы мне это не стоило, я прерву этот цикл! — пыталась она пересилить шипение орды за бортами повозок. — Прикажи им спрятаться в туннелях, мы позаботимся об их вечном покое! Сам убирайся за горы! Клянусь Пантеоном, никто не будет преследовать тебя!

Краем глаза она увидела, что многие обернулись на неё. Даже стоящие впереди с клинками и щитами наперевес Жарнор и Порлехт. Деревья позади орды зашумели. Начались подвывания.

— Не ставь условия старику, дитя. Ты на моей земле. Здесь — повелевают мои таинства.

— Без рун этот лес не поможет тебе, — злобно ответила Нарнетт.

— Без рун я буду слабее. Но таинствам не нужна привязка к объектам. Таинства — внутри меня!

Деревья вокруг затряслись. Едва он начал читать про себя заклятье, как два арбалетных болта и шаровая молния сбили его с чудовища. Поняв, что наездник потерян, монстр бросился на алебардистов. Наконец, показалось самое страшное оружие упырей — дракон задышал огнём, самым настоящим. За несколько залпов начали гореть десятки людей. Ни магия, ни болты не брали его. На таран вышло с полдюжины рыцарей, копья вонзились под правое крыло, в самое брюхо, в шею и в круп. Но от урона он ещё больше озверел, начал метаться по лагерю, снося укрепления, опрокидывая возы и поливая огнём округу.

Одна из служанок осмелела и рывком сорвала Нарнетт вниз вместе со знаменем. Девушки упали с фургона, Нара едва не ударила свою спасительницу, как над её головой пронеслась струя огня.

— Госпожа, это конец! — взмолилась служанка. — Берите коня, спасайтесь!

— Нет! Не конец! — Нарнетт уже не контролировала себя. — Сама умру, но эти горы им не оставлю!

— У вас сын! — продолжала та. — Вы обещали, что вернётесь!

Нарнетт гневно насупилась, наблюдая за продолжением сражения. Увидела раненого Абалтуна, что скрылся в пробитой брешу. Увидела трясущиеся борты повозок, затекание в брешь потока упырей. Но внезапно в бой вступил грифон. Пока оставшиеся рыцари, стрелки, алебардисты и копейщики при поддержке чародеев пытались совладать с озверевшим драконо-упырём, юркий грифон, проскочив орду буквально по головам, ворвался в лагерь и бросился на самую шею чудовищу. Нара узнала наездника.

— Давай, Варто, грызи его, грызи ублюдка!

Мэльдан крутил поводьями так, чтобы шустрая грифонья голова не мешала ему прицелиться. Поймал момент — копьё вошло под самую чешую, кажется, дошло до черепа. Упирь завис на несколько мгновений, но затем продолжил гневно трясти головой, желая сбросить с себя охотника.

Тварь откинула ещё несколько пехотинцев и свободной лапой схватила грифона, Мэльдан успел отцепиться от седла, как голова Варто оказалась в пасти чудовища. Мгновение — Мэль на земле, обезглавленный грифон упал рядом. Юноша постучал кулаками по земле, взял копьё и обошёл упыря со спины.

— Возьми меня! Давай, давай, сукин сын!

Монстр почуял охотника, хотел не схватить, а дыхнуть огнём. Но по самой его макушке ударил целый веер чар. Мэльдан увидел, что помимо воинов тварь окружали и чародеи. Из посоха Андалфа вырывалась волна незнакомой энергии, что обтекала голову создания и сжималась тугим кольцом, словно душила. Упирь обессилел, но Мэльдан, разочарованный убийством родного животного, решил не отдавать лавры победы чародейскому корпусу. Поймав момент, когда ещё дышащее чудовище опустит голову, юноша точным броском всадил копьё в пустую глазницу. Теперь оно точно пробило мозг. Существо изрыгнуло лёгкое пламя и рухнуло на землю. Самые смелые рыцари и алебардисты наконец смогли вытащить своё оружие из омертвевшей туши и присоединиться к сослуживцам, что сдерживалиседающую орду.

— Нара! — воскликнул барон.

Они кинулись друг другу в объятия, испачканные, измазанные кровью.

— Зачем я доспехи брал! — выпалил Мэльдан. — Всё равно облачиться не успею! Нужно идти в бой! Что это у тебя в руках?

Она показала ему тряпье, в которое превратилось родовое знамя.

— Две горные вершины, между ними — плотина? — спросил Мэльдан. — Да, ваш герб — самый неизящный в королевстве.

— После такого у тебя есть силы шутить? — серьёзно, но с отдышкой спросила герцогиня. — Что происходит? Почему нет сигнала об атаке?

— Мы ждали вас! Вы — последние в ряду! Остальные повозки, если их не разгромили, ждут вас!

— Значит, нужно давать сигнал! Твои наверху справятся без тебя?

— Да! Смотри! Тварь пробила брешь! Кэрвдон командует резервом? Тогда я возьму оставшихся рыцарей, пробью коридор! Прикажи возницам ехать за мной! И давай сигнал!

Нара оглянулась, задумалась. Но Мэльдан закончил за неё.

— Только не как в дешёвых романах, не желай мне удачи и возвращения! Домой я уже точно не вернусь! Командуй, герцогиня!

Он не видел проступивших на её глазах слёз. Но слышал её голос. Грозный, чёткий,

упругий, словно струна. Наконец она научилась отдавать приказы. На душе Мэльдана отлегло.

— Ещё один рыцарь выполнил свою миссию... — проговорил Мэльдан, глядя на строящихся для прорыва конных. — Орто, выполни и ты.

Зверь рвался в бой, но рыцарь держал поводья. Без грифонов шпор управлять им было тяжело, но гулкий медвежий голос постоянно напоминал животному о дисциплине.

— Умные вы всё же животные, — пытался успокоить грифона Орто. — Умнее кошек и собак. И гораздо полезнее... Тише, тише. Мы поможем своим чуть позже. Дьявол, как же здесь холодно...

Над лесом, где кипело сражение, появился столп искр. Последний сигнал. Орто взглянул на предгорья соседнего ледника — отряд грифонов сорвался вниз, спикировал к самым пещерам. Грифоны кружили долго, звенели трубы, дудели дудки. В горах рождалась настоящая симфония из потусторонних звуков и духовых. Орто, словив нотки безумия от зверского холода, начал улавливать ритм. Подтанцовывать прямо в седле. Грифон не понимал или просто не чувствовал, его взор был обращён к сородичам, что выманивали упырей.

— Риск... Какой же это будет риск?.. Чёртов Мэльдан, молодой авантюрист. Как же я рад, что не он достался герцогине, — продолжал сам с собой Орто. — А, наконец-то.

На северо-востоке появилась новая орда упырей. Летели они низко, в числе нескольких десятков. Грифоны нарезали серию кругов и полетели в сторону Орто. Он осмотрел заложенный порох, проверил кончиком копья — начал покрываться инеем.

— Быстрее, ребята, торопитесь умереть, — продолжал рыцарь развивать градус безумства. — Ах, нет! Возьми себя в руки! Герцог на том свете изведёт тебя, Орто!

Грифоны пролетели над самыми пещерами до самого склона ледника Орто. Рыцарь поджёг огниво, нацепил на кончик копья и воткнул в струйку пороха. Загорелось, но почти сразу потухло.

— Дьявольский ветер! Нет, не так просто!

Ещё одна попытка. Снова неудача. Упыри приближались. Грифоны были быстрее, потому позволили себе ещё раз вернуться к склонам.

— Какого хера?! — рявкнул он на третью попытку так, что напугал животное. — Нет, Всеотец, если существуешь, дай огня, позволь этим неверным согреться!.. Не дай мне угаснуть в вечном бреду от мороза!..

Четвёртая попытка была удачной. Он стукнул по бокам, грифон сорвался вниз. Взяв на боковую, Орто вошёл в вираж так, чтобы видеть обстановку внизу.

Громыкнуло страшно. На его глазах ледяная порода начала рассыпаться, разлетаться во все стороны. Пошёл обвал. Масса льда устремила вниз камнепадом.

Орто видел всё. Видел, как сцепившихся разведчиков и упырей начало без разбору сбивать льдинами. Видел, как упыри пытаются уворачиваться, а грифоны стремятся покинуть место столкновения. Но ледяная вершина оказалась не такой простой. Лёд сыпался вниз, словно из фонтана, во все стороны. Спустя считанную минуту Орто ругал себя — отряд грифоновых загонщиков погиб в полном составе. Несколько тварей смогли уцелеть, сгруппироваться и отправиться обратно. Но Мэльдан и его люди были мертвы. По его вине.

— Упырей много, придётся искать место, откуда можно пробиться в лагерь. Герцогиня... — тяжело вздохнул рыцарь. — Только её защита теперь имеет значение! Вниз,

мальчик!

Сражение продолжалось до заката. Когда начали загораться фонари, твари откатились от лагеря. Было их много, вой стоял страшный. Но уже не столь страшный, как днём. Нарнетт в очередной раз за несколько часов забралась на фургон с развёрнутой тряпкой. Никто не обращал на неё внимания. Но именно так девушка успокаивала себя. Считала, что может принести пользу хотя бы своему самочувствию.

Сквозь отступающих тварей прорвался грифон с наездником. Нара узнала его в свете фонарей. Грифон остановился под самым фургоном, с подозрением поглядывая на герцогиню.

— Госпожа, за мной погнались. Я петлял по горам западнее, пока они не отстали. Простите меня, я подвёл вас, — наездник расстегнул куртку с запахом и, тяжело отдышавшись, крепче взял поводья зверя. — Наш отряд загонщиков уничтожен. Я не учёл несколько факторов...

— Мне уже доложили, сир. Вернулись почти все возницы с востока, мы завалили девять туннелей. Ещё три туннеля стерегут гончие, упыри смогли уничтожить повозки. Остались только вертикальные туннели и три нижних, перед нами. Не вини себя, рыцарь. Весь поход на моих плечах.

— Нет, госпожа, — Орто явно давал слабину, говорило благородство. — Именно я тот, кто не исполнил приказ из пятерых.

— Друг мой, успокойся, — под фургоном появился сир Кэрвдон, доспехи целые, но на шее кровоподтёки. — Если кого и винить, то юного авантюриста. Из этих пятерых только один верно приказ исполнил. И даже он сейчас себе места не находит. Я уже догадался, кто он.

— Это не оправдание! — рявкнул медведь.

— Из пятерых? — не понимала Нарнетт. — Кэрвдон, я чего-то не знаю?

— Вы многого не знаете, владычица, но о многом догадываетесь. Поговорим потом. Смотрите, они отступают.

— Будем сниматься? — спросил кто-то из младших офицеров, подойдя к фургону.

— Нужно взрывать второй ледник, заканчивать с ними! — громыхнул Старый Лис, появившись вместе со своими рыцарями.

— Безумие, ваше сиятельство! — воспротивился командир рыцарей. — Погребём себя самих!

— Мы отойдём восточнее, сир, всё будет в порядке и... — Жарнор Горэссир взял паузу, оглянувшись, обратил взор на герцогиню. — Нара, дорогая, не могу удержаться, прости. Ты знаешь, что мои люди в бою постоянно повторяли твоё имя?

Она оглядела спутников графа. Те смотрели на неё: в рваной дорожной одежде с рваным знаменем в руках, вместо огненной гривы — цвета блёклого кармина космы, что каскадом ниспадали на плечи, и опущенный капюшон. Но смотрели рыцари на неё, словно на богиню. На тот самый идол.

— Не знала, Жарнор. Благодарю вас, храбрые рыцари. Воины, благодарю вас всех! — крикнула она.

Почти никто не обратил внимания. Устали все. Многие валились с ног, считанные десятки стояли настороже, наблюдая за тем, что происходит за бортами повозок. Кое-где от магии сгорели укрепления и несколько телег. Убитого драконо-упыря заваливали хворостом

и поливали из вёдер горючим веществом. В лагере осталась всего одна повозка с бочкой. Вокруг валялись мёртвые лошади и люди, но всё же войско понесло меньше потерь, чем нападающие, как оценила Нарнетт: от некоторых бортов алебардисты и копейщики отбрасывали длинным оружием трупы, что взгромоздились по самую верхушку укреплений.

— Ниларт считает потери, Нарнетт, — продолжал Лис. — Интересно, почему твари отступили?

— Получили приказ отступить, — сказала девушка. — Он жалеет нас. Жалеет меня.

— Будут переговоры, госпожа? — спросил Кэрвдон.

— Не знаю, сир. Но нужно найти Мэльдана и его отряд, — ответила герцогиня — Вы не слышали в ходе боя серию взрывов, что тянулась с востока. Но я не запомнила, сколько.

— Они не вернулись, — проговорил командир рыцарей. — Боюсь, госпожа, дело плохо...

— Кэрвдон, не всё потеряно, — Нарнетт отложила знамя, достала из-за пояса перчатки, надела. — Пока окончательно не стемнело, собери конных. Идём к пещерам.

— Слушаюсь, владычица.

Двигались на этот раз без охраны, одним отрядом. На склонах то мерцали, то пропадали хаотичные точки, но настоящей орды видно не было. Перед пещерами Нара увидела две перевёрнутые телеги с разбитыми бочками. Вокруг — тела людей, лошадей и упырей.

— Значит, две не доехали, одна доехала? — спросил кто-то из военных.

— Ищите Мэльдана, — приказала Нара.

Отряд рассредоточился. Лучшие рыцари в лучших доспехах буквально пробили дорогу до пещер своим весом и скоростью коней. Но этого было недостаточно. Вернувшиеся разведчики доложили, что удалось загнать только одну телегу в самый западный туннель, там же произошёл взрыв. Однако два туннеля ещё были открыты.

— Придётся использовать магию... Но чародеи выжаты досуха, — констатировала Нара. — Кэрвдон, что делать?

— Вставать лагерем здесь. Если полезут, здесь будет проще сопротивляться. Иначе новое море просто захлестнёт нас. Пока будем ждать, когда подойдёт второй караван повозок. Думаю, придётся держаться целые сутки и...

Над головами раздалось остервенелое шипение. Ловушка, подумала девушка, а рыцари и оруженосцы подтвердили опусканием забрал и наносников. Со склонов в их сторону начал пикировать рой упырей. Едва они достигли скал наверху (где должен был находиться самый западный вертикальный вход в подземелья), за спинами людей послышалось дружественное стрекотание. Свои спешили на помощь.

Оруженосцы поддержали грифонов арбалетами. Упыри начали сыпаться на головы людям, упало также до полудюжины грифонов, но один, встрепенувшись и скинув мёртвого наездника, довольно крупного мужчину в лётной куртке, вновь бросился в бой. Нарнетт отвлеклась, увидела знакомую фигуру рядом с входом в центральную пещеру. В его вытянутой руке было бездыханное тело.

— Воины, за мной! Оставьте упырей!

Она погнала лошадь вперёд, кто-то кинулся следом. Не доскакав половины пути до Абалтуна, Нарнетт слетела в лошади: один из упырей спикировал на неё. Она встала на колени, упырь развернулся, кинулся, но получил копьём с разгона от одного из защитников. Остальные пронесли дальше, к ведуну, но тот стукнул посохом во второй руке. Из-под

земли возникли давно знакомые корни, конные бросились врассыпную.

— Дитя, подойти ко мне! — слышался не голос, а медвежий рёв. — Прикажи им не приближаться!

Нарнетт оглянулась, в наступающих сумерках начали пропадать её люди. Сражение в небе закончилось победой грифонов, но грифоны улетели дальше, к вертикальному туннелю. Она чувствовала, что Абалтун словно лишает её поддержки. Делает одинокой.

— Кэрвдон! Где ты, Кэрвдон?!

Никто не отзывался. Сумерки наступали стремительно. Только впереди зажётся яркий фонарик голубых тонов. Рядом с ним улыбался Мэльдан. Такой живой и весёлый, каким обычно бывает на балу.

— Ты опять пьян? — поверила она в бред. — Мэль, мой муж рано или поздно выгонит тебя со двора! Или нажалуется отцу!

Она двинулась на огонёк. Вокруг — непроницаемая пелена тумана. Казалось, будто кто-то стучал по стенкам тумана, мерцали конные силуэты, её звали. Но внимание огонька было куда важнее.

Когда подошла, огонёк преобразился. Свет поменял очертания, стал рубиново-красным, как глаза родственников-вампиров. Рядом грозно сверкнули два магических агата. Позади слышался звон стали, новая стая упырей напала на рыцарей, на этот раз — пешими.

— Помнишь уговор? — спросили два магических карих глаза впереди. — Ты не дала ответ.

— Мэльдан, я... Нет, ты не он! — опомнилась девушка. — Верни его, ублюдок!

— Ты так и не научилась вести себя подобающе высокородной дворянке. Вторая сущность, та импulsive тварь, взяла в тебе верх, дитя. Познакомься, его зовут Кирбеуст.

Из темноты рядом с Абалтуном возникла фигура человека богато одетого, но взглядом недоброго. Голову своенравного, надменного мужчины венчал магический колпак тёмных тонов.

— За погодные изменения благодарите меня, герцогиня, — сказал незнакомец в чародейской одежде. — Без них — упыри слабее. Странно, правда?

— Какого дьявола вы творите здесь?.. Верните Мэльдана, прошу... Без него ритуал невозможен!

— Отведи войско, Нарнетт. И вернись сюда, когда окончательно повзрослеешь.

Абалтун оглядел деревья за её спиной. Раздалось остервенелое шипение. Ведун поднял посох, положил полуживого Мэльдана к своим ногам, корни начали утаскивать его в пещеру.

— Всё же ты выбрала сторону, — прорычал отшельник, активировав посох.

— Это они выбрали меня, — гроыхнула Нарнетт, а жжение в глазах буквально наполнило её нечеловеческой яростью.

Абалтун стукнул её посохом и скрылся вместе с чародеем в пещере. Крылатая волна появилась из ниоткуда. Нетопыри бросились догонять Абалтуна. Другая, бóльшая орда, пролетела вперёд, прямо над склоном. Нарнетт кинулась за первой волной следом, но её схватили за плечи.

— Стой, дитя! Дальше сами! — слева показалось одновременно притягательное и ужасающее лицо Кортлеуса.

— Ты не будешь мешать нам, девочка, — знакомое утверждение, а не вопрос.

— Кибан! — выдавила она удивление. — Я только могла догадываться, что ты один из них!

— Защита твоя — первая цель для настоящего рыцаря, — флегматично сказал он. — Никогда не нарушать обет — такая клятва принесена отцу твоему, госпожа.

— Чудовище на службе у благородных?

— Чудовища могут бывать разными, девочка, — всё также отстранённо сказал рыцарь-вампиры. — Сейчас тебе нужно убедиться в этом.

— Хватит! Нужно поймать отшельника, пока он не скрылся в гнезде! — приказал Кортлеус. — Ахайра, защищай её! Помогите рыцарям!

— Идём, дитя. Ты ещё не умеешь драться? — спросила Ахайра, единственная, кто сохраняла человеческий облик. — Нет? Тогда смотри, как это делается. Показываю ещё раз.

Далёкая прабабка с несколькими безымянными соплеменниками бросились в кипевшее в стороне сражение. Летели части тел, включая головы, ржали кони, звенела сталь. Но несколько горных вампиров оказали рыцарям сильную поддержку, упыри начали собираться и отступать в сторону соседней пещеры.

— Дьявол... Как сказать им, что они свои? Кэрвдон! Кэрвдон! Не трогайте тех, у кого нет язв и листьев!

Командир рыцарей, рубясь с тварями, не слышал её. Но её словно поняли сами вампиры — обернувшись, они пролетели над ней и кинулись догонять основную стаю.

— Нужно ждать... — пробубнила Нара. — Придётся ждать...

— О, нет! — рявкнул кто-то. — Что это за тварь?!

Нарнетт оглянулась, вокруг лежали тела. Поняла, что оруженосец тычет копьём в неё. Стремглав кинулась в пещеру, лошадиный топот едва не догнал её. Здесь она осознала, что освещение не нужно ей. Теперь она прекрасно видела в темноте.

Бродила по туннелю долго. По ходу движения находила тела, нетопыри и их прокажённые родичи не щадили друг друга. Кажется, упыри обходились с ними ещё ожесточённее, чем с людьми.

Дошла до каверны. Рассмотрела множество силуэтов. Неагрессивны, они признавали её. Смотрели на неё, словно ждали приказа.

— Вы знаете человеческую речь? — спросила она у силуэтов вокруг.

— Да, дитя, — отвечал один. — Это я, Модерик.

— Где остальные? — продолжала девушка. — Вы нашли Абалтуна?

— Ты теперь одна из нас. У тебя светятся глаза, — продолжал бастард.

— Где отшельник?!

— Не знаю, дитя. Эти туннели — лабиринт. Пойдём со мной, вот так, возьми меня за руку.

Проблуждав какое-то время, Модерик вывел Нару наружу. Солнце уже скрылось за вершинами, вокруг виднелись лишь силуэты острых пиков. Нарнетт оглянулась — внутригорная долина, со всех сторон крутые склоны. Взорванный ледник высился на юго-западе, значит, долина находилась севернее позиций её войска.

— Чувствую здесь кровь, — заметил бастард. — Ты чувствуешь, дитя?

— Вижу башню... — сказала она. — Тот маг живёт здесь... Это он насылал погодные явления. Ты ведь тоже видишь в темноте?

— Да, дитя. Идём. Впереди сражение.

Под грубо сложенной древней башней, рядом с которой из земли торчали небольшие скалы, действительно кипел бой. Мутанты при поддержке двух прокажённых волов бились с вампирами. Модерик прошипел, его эскорт бросился помогать сородичам.

У входа в башню держали оборону трое: Абалтун насыпал на врагов то корни, то смертоносные иглы, то рой ос. Чародей поддерживал обычной боевой магией. Третим был тот, кого она не видела давно — Норзе, слуга ведуна. Сражался он подручными предметами: видимо, закончились силы на сверхспособностях. Всё происходило в темноте, только у башни освещалось редкими фонарями. Девушка почувствовала импульс в голове. Он давал чёткий приказ. Встрепенуться, взмахнуть руками. Она сделала это и не поверила своим глазам: её ногти превратились в когти, не столь длинные, как у родни, но весьма опасные и способные впитаться в плоть любого живого. Моментом она позабыла всё, даже Мэльдана, вырвала предплечье из руки Модерика и понеслась к месту боя. Её волновала месть.

— Расступитесь! Идёт ваша госпожа! — послышался медвежий рёв.

Нара увернулась от шаровой молнии чародея. Упырю, что бросился на неё, смогла распороть лицо. После этого потеряла равновесие, но в неестественном рывке вернулась на землю, попыталась растянуть застёжки плаща — мешали когти. Резанула себя по подолу, ещё и ещё. Ткань мешала бежать дальше, бежать к цели.

Вампиры, словно почуяв её, откатились от обороняющихся. Она увидела, как Кортлеус впился в горло чародея. Видела, как обратившийся волком Норзе дерёт глотку Ахайре, а его самого трое полосуют когтями. Видела, как Абалтун то колдует очередное таинство, то бьёт посохом по лбу одному из нетопырей или гуманоидных вампиров. Заметил её он в момент прыжка — посох попал в самый лоб Нарнетт, она рухнула на каменные ступени, получила ещё один удар по спине, взвыла. Но не от боли. Боль она перестала чувствовать.

— Мой! Оставьте мне! — кричала она своим, поднимаясь.

— Ты предала человеческий облик, тварь! — раздалось над головой. — Теперь я не буду жалеть тебя!

Молниеносная серия ударов посохом попала по всем частям её тела, даже в голову. Кто-то из вампиров прикрыл её, но отлетел от бешеной силы отшельника. Нара поднялась ещё раз, увидела корни, что быстро ползли в её сторону. Подпрыгнула, корни сцепились между собой, она прыгнула с них на отшельника, острые когти впились тому в морду. «Драть, полосовать, не щадить его!» — ворвалось в мысли. Но драться она не умела, потому отшельник перехватил её руки и пробил головой в самый лоб. Она едва не потеряла сознание, даже ночное зрение помутнилось так, словно вернулось зрение человеческое.

Внезапно он взвыл от боли. Её удары были не столь смертельны, как клинок, что вошёл неприятелю под самые лопатки. Нара увидела полуживого Мэльдана. Клинок его был смазан тёмной субстанцией, а держащая его рука наскоро перевязана. Раненый нанёс ещё один удар, но Абалтун с разворота треснул его, юноша отлетел прочь с каменной лестницы.

— Умри... — проревел отшельник.

Нара отбежала к Мэльдану, она почти не видела в темноте, свет фонарей едва показывал округу. Мэльдан дышал, но на издыхании, словно проживал последние минуты жизни.

— Дитя! Беги! — рявкнул знакомый голос.

Она обернулась — Абалтун пропал, а Модерика напололам порвал огромный медведь с волчьей мордой. Остальные нетопыри рассыпались, начали пикировать на него. Он отбивался от них размахистыми и точными ударами.

— Мэльдан, оружие! Дай оружие, мои когти пропали!..

— Твоё оружие — разум, — прошептал он несвязно.

Она оглянулась, оборотень начал побеждать, вампиры умирали один за другим.

— Смекалка... Он не знает смекалки!

Мэльдан ответил едким смешком и положил голову на землю, не в силах больше держать.

— Ко мне! Все ко мне! Дьявол! Кортлеус, прикажи всем окружить его, не подходите близко!

Прадед прошипел остальным. Вампиры окружали спускающегося по каменным ступеням медведя полукругом. Кортлеус смотрел на Нару, пока она не пропала из поля зрения фонарей.

— Все вместе! — рявкнула она из темноты. — Навалитесь скопом!

Новое шипение. Они исполнили приказ. Медведь вновь начал расшвыривать их по сторонам. Нара обошла его, подошла к убитому чародею, взяла его посох, попробовала активировать.

«Как же делала Ольта?..», думала она про себя. «Нужно ударить по твёрдому основанию дважды, с каким-то интервалом. Хмм...»

Она ударила дважды, направив посох на медведя. Ничего не произошло.

— Тогда так!

Ударила трижды. Ничего.

— Не работает! Проклятье!

Медведь прекратил отмахиваться от нетопырей, повернулся к ней, сверкнул магическими карими глазами и начал подниматься по лестнице. Новые удары вампиров попадали по его крупу, но, видимо, шкура у него была толстая, он даже перестал рычать, получая боль. Всё из-за желания смерти своей несостоявшейся ученице. Ради такого, думала Нара, он стерпит всё.

Оборотень-отшельник бросился вперёд, она ловко отскочила, неточно ткнула меч Мэльдана — Абалтун схватил его зубищами и отбросил в сторону, напрыгнул на неё, прижал когтистой лапой к каменной кладке у башни.

Нарнетт почувствовала импульс. Мощный импульс, голову разрывало пополам. Мысли начали перемешиваться, кто-то искал её в собственной голове. Менталист, сообразила девушка. Он пытается прочесть её мысли в зверином облике.

Нетопыри кинулись со всех сторон, начали истерично полосовать противника. Лицо Нары заливало его кровью и слюной, но монстр продолжал пристально смотреть ей в глаза. Новое шипение, незнакомое, как удалось определить в мешанине мыслей. Кто-то напрыгнул на Абалтуна с такой силой, что его отнесло к самой стене башни. Нара вскочила, увидела ещё бóльшего нетопыря, чем остальные. Два чудовища схватились клубком, начали рвать и кусать друг друга, словно бешеные коты. Девушка оглянулась, но остальные вампиры не вмешивались, ждали окончания схватки.

— Кто это? Почему не помогаете?! — рявкнула она, отдышавшись и подняв клинок Мэльдана.

Горцы не отвечали. Абалтун нанёс сокрушительный удар, вонзив когти в самую грудь нетопыря, тот обхватил его тушу крыльями и впился клыками под самую шею. Нарнетт подбежала и вонзила клинок Мэльдана в подбородок оборотня, отскочила. Абалтун взвыл, слабо прорычал, имитируя человеческий стон, и рухнул на террасу почти перед самой дверью. Нетопырь, едва перебирая конечностями, на глазах Нары обратился гуманоидом — почти полной копией Кортлеуса, что стоял позади, ожидая развязки.

— Благодарю за помощь, незнакомец, — выпалила она.

Чужак не смотрел на неё, он подошёл к едва дышащему медведю, схватил его за голову.

— Cromm, araca coras'ea'ita mita'u? — спросил вампир.

— Porta... Vinle'es'ceala... Gal'ea'n... — на издыхании проревел оборотень.

— Что они говорят? Что происходит? — Нара повернулась к спутникам.

— Верховный лорд спросил, помнит ли он его, — ответил Кортлеус. — Тварь попросила, чтобы смертельный удар нанесла ты, а не он.

Нарнетт взглянула на лорда — он уже обнажил невероятной длины когти, которыми можно было распороть тушу быка. Её реакции он не ожидал — череп отшельнику они пробили одновременно. Нарнетт буквально прижалась к вонзённому в голову Абалтуна клинку. Так, что смогла рассмотреть абсолютно чёрные, налитые бессмертной кровью, глаза далёкого предка. Он не вынимал когтей из головы убитого, а продолжал всматриваться в глаза правнучки. Нара, сама себя не контролируя, вцепилась зубами в шерсть оборотня — вырвала клочок и начала жевать. «Добыча, это моя добыча!», думала она.

— Дитя, он не знает современного языка, — продолжал Кортлеус. — Помнишь наш разговор? Делай выбор. Он видит в тебе угрозу, ты ещё обладаешь чем-то человеческим.

Рядом с прадедом помимо безымянных вампиров стояли раненая Ахайра и Лорлин, которого Нарнетт увидела только сейчас. Все они безэмоционально смотрели на неё, словно требовали, а не просили.

Мысль из головы задала импульс телу. Теперь Нара контролировала свои изменения. Когти вернулись в свободную руку. Девушка демонстративно отвернулась от лорда, но левую руку всадила туда же, куда и вошёл клинок в Абалтуна — под подбородок. Он глядел на неё абсолютно потухшим взглядом считанные секунды, затем Нарнетт почувствовала адскую боль, опустила голову: обе его руки пронзили её живот. Навылет.

— Дитя!

С трудом вампиры оттащили их друг от друга. Нарнетт положили на спину, она глядела на потухшие небеса, редкие звёзды украшали тёмно-фиолетовое полотно. С силой она начала терять всё: постепенно пропадали обоняние, зрение, во рту чувствовался не вкус затхлой и вонючей шерсти оборотня, а непонятного ничего. Из всех чувств осталось только одно. Её охватило непередаваемое чувство торжества, ни с чем не сравнимое. Месть свершилась. Какой ценой — было уже всё равно.

— Кровь! — слышала она неприятный мужской фальцет. — Чтобы рана затянулась, нужна кровь!

— Несите чародея! — приказал приятный мужской бас, а женский голос поддержал напутствием. — Лорлин, неси чародея!

Она повернула голову, увидела два лежащих тела. Двух древних врагов, что убили друг друга из-за неё.

— Сказку... Пора заканчивать... — проговорила она, желая, чтобы кто-то услышал её.

— Наша сказка только начинается, — сказал уже более родной и тёплый голос.

— Отнесите меня к пещере, пусть подберут остальные, — приказал полуживой Мэльдан, лёжа рядом с Нарнетт.

— Мы не слушаем тебя, человек, — ответил Кортлеус, которого он видел на балу. — Только наша кровь имеет право приказывать. Но она потеряла сознание.

— Дьявол, даже у вас, чудовищ бюрократия есть?! У меня сломаны два ребра, порваны мышцы и болят суставы! Я молчу про дырку над животом! Меня отвезут в Аргесал! Но мне

не добраться до своих! Отнесите, умоляю! Ради её блага, только так вы вернёте ей жизнь! Его жизнь!

— Что значит «верните жизнь»? — спросила женщина, напоминая старушку. — Девочка хочет быть с нами. Ритуал не требуется.

— Она хочет спасти дитя! Только тот, кто любит её, может помочь ей в этом! Они оба вампиры, вы что, не понимаете?!

Горцы переглянулись, посмотрели на лежащую Нарнетт.

— Юноша, — начал Кортлеус, — посмотри на неё внимательно. Где её брошь?

Мэльдан приподнялся на руках, осмотрел подругу — только окровавленная одежда, уже превратившаяся в тряпье.

— Забыл... Она оставила её сыну перед отъездом, — вспомнил раненый барон. — Только владелец броши может править Приютом Единорога, только он будет править герцогством.

— Она будет являться к мальчику, ничто не запрещает этого. Теперь она наш лорд.

— Леди, — поправила старушка Кортлеуса.

— Меня с её сыном ничего не связывает! Я обо всём догадался, а вам нужно разжёвывать! Проклятье! Какие же вы безмозглые твари, хуже упырей!

Они не отвечали. Один из вампиров прошипел, вокруг раздался ответный шёпот. Мэльдан оглянулся, в ужасе увидел, что едва освещаемую у башни террасу буквально окружили кольцом десятки и сотни горцев.

— Сюда летят грифоны, — сказала старушка. — Мальчик, они заберут тебя. Мы же забираем свою правнучку с собой. Не спорь.

— Ненавижу вас... Ненавижу!.. Не отдам! Не возьмёте! Не!..

Ему разжали пальцы, что вцепились в остатки плаща герцогини, и толкнули. Мэльдан покатился по каменным ступеням, горцы уступали ему дорогу, провожая шипением. У подножия лестницы он остановился, оглянулся: стая, обернувшись в нетопырей, взмыла вверх, двое несли бездыханное тело его старой подруги, ещё двое — труп чародея. Мэльдан взревел так, как не взревел бы и оборотень. Крик его в этой небольшой горной долинке эхом отражался от склонов гор. Казалось, будто кричали тысячи обездоленных, потерянных, морально истерзанных существ. На этот крик прилетели свои.

Она открыла глаза. Над ней нависли три восковые фигуры. Кто-то оплеснул её водой, она стряхнула капли, откинула волосы на спину.

— Где я?.. Кор... Кортлеус?

— Дитя, ты дома.

Зрение пришло в норму, она оглянулась, узнала тот самый пиршественный зал под открытым небом. Загадочный слуга-лакей поставил ведро на пол, таинственно улыбнулся.

— Всё кончено? — спросила девушка. — Мы победили?

— Выжившие твари обратились в летучих мышей и скрылись за горами, на севере, — сказал Лорлин. — Твои люди, не похоронив павших, собрались и явились сюда. Угрожают штурмом. Выйди. Успокой их. Иначе здесь будет ещё один могильник. Нас гораздо больше, но мы, высшие, не хотим вредить живым.

— Кто у них командир?

— Твой неродной брат и ещё один рыцарь, — ответил Кортлеус. — С сединой.

— Кэрвдон... — подтвердила Нара. — А... Что это за дрянь?! Нет! Нет!

Из-за столов вышла Табия. Девочка не улыбалась и вела себя на удивление спокойно, почти по-взрослому. Только быстрые повороты головой и пристальный взгляд позволяли узнать в ней ребёнка.

— Тётушка, я рада, что ты с нами, — сказала она.

— Молчи, дитя, — недовольно ответила Нара, какие-то чувства всё же вернулись к ней, она могла подавать эмоции.

— Вот! Ты даже говоришь, как они, твои предки.

— Молчи, маленькая тварь! Обманщица! Четыре года ты обманывала нас! Из-за детской шалости? Поссорилась с отцом, что нашёл тебя и в течение четырёх лет верно служил нам?!

— Отец погиб, Нарнетт. Погиб твой последний рыцарь.

Нара умолкла. Рыцарь, который нашёлся третьим, успел переброситься с ней всего лишь парой фраз. Она задумалась, мог ли рыцарь-вампир быть человечнее остальных четверых? Орто пожирала совесть, а Кэрвдона — сентиментальность, несмотря на кажущуюся суровость. Оставалось найти ещё двоих.

— Надеюсь, они живы, — проговорила Нара тихо. — Дитя, твой отец был храбрым... Созданием. Верным моему отцу.

— Знаю, госпожа. Потому мне больше нечего делать во дворце. Теперь я буду обитать здесь. И здесь не нужно скрывать свой истинный облик, — она сверкнула глазами.

— Прошу, не показывай, — герцогиня покрутила головой. — Не хочу видеть детей в чудовищном обличье.

— Боишься представить своего сына таким, понимаю.

— Табия, уходи, — приказал Кортлеус, глядя, как Нарнетт начала сжимать кулаки.

— Я проклинаю тех солдат, что принесли тебя отцу из тьмы ночи, — грозно сказала герцогиня.

— Без меня мой отец бы не пошёл на службу к вам. И не перебил бы множество упырей.

— Уйди, Табия, — словно чуть громче пробасил Кортлеус.

Девочка, ни на кого не взглянув, покинула зал. Хлопнула дверь.

— Она никогда не любила отца, дитя, — заметил старший вампир. — Она позволяла ему любить её. Пока у них сохранялись человеческие чувства.

— Пойдём, Нарнетт, — призвала Ахайра. — Ты не голодна?

— Ни аппетита, ни жажды, как и последнюю неделю. Употребляю еду и жидкость в очень маленьких количествах. Скажите, у меня человеческий вид сейчас? Моё зеркальце, кажется, разбилось, — она поводила руками по внутренним карманам, вампиры подтвердили, девушка вздохнула. — Ведите, я не знаю дороги.

Кортлеус прошипел, спутники остановились. Он взял Нарнетт за руку, повёл в какой-то коридор.

— Почему не взял остальных? — спросила девушка.

— Это не касается ритуала. Помнишь, я обещал о помощи твоему... Нашему герцогству. Обещание нужно сдержать.

Спустя несколько коридоров и лестниц дошли до массивной двери из стали неизвестнойковки. Сокровищница, сообразила девушка. Предок достал из рваного кармана ключ. Провернув его и отворив дверь, он пригласил правнучку внутрь. Она зажгла фонарь поярче и не поверила своим глазам: под стенами друг на друга навалены сундуки, горы драгоценностей и мелких побрякушек повсюду. Нара оглядела стены и потолок: увидела вооружение невероятного качества, длинные копыя и алебарды, украшенные рунами. На

стене под потолком висели щиты со старым фамильным гербом — гарцующим на фоне гор единорогом.

— Кортлеус, — выдавила она, — как это всё не заржавело в сырых подземельях?

— За оружием следит оружейник, он работает в горах к западу, — отвечал прадед. — А сырости здесь нет, этот участок замка находится глубоко под горой.

Нарнетт раскрыла пару сундуков, блеск содержимого ослеплял.

— Я не могу, дедушка. Это ведь ваше.

— Это копилось здесь нами столетия, дитя. Пришло время вернуть сокровища домой. Мертвецам золото не нужно.

— Тогда почему его здесь так много? — спросила Нара, обведя фонарём округу.

— Таскали по привычке.

— Что ж... — задумчиво протянула она. — Вольхат и главный казначей будут довольны, как и Рилароя. Я прикажу своим достать всё отсюда, не будет ли угрозы от низших, что обитают в глубинах?

— Мы перетащим всё на верхний уровень, а двери вниз закрём. Только сделать это нужно будет, начиная со следующего дня. Сегодня не успеем.

— Спасибо, Кортлеус. Спасибо за всё.

Они вернулись к ожидающим. Отправились прочь из замка. Едва открылась массивная дверь, солнце ударило в глаза, заставив прикрыться рукой. Центр плато занимали рыцари и стрелки. Непонятно, каким чудом, но военным удалось загнать по крутым склонам несколько бронированных телег. В воздухе Нара заметила кружащих грифонов. Но знамёна были не те, что отправились на север.

— Ваша светлость! — воскликнул мужчина, что вышел вперёд из-за баррикад.

— Кэрвдон, кто эти люди с вами? — спросила девушка, призвав родичей остаться у руин замка.

— Ваши верные графы, госпожа, — командир рыцарей подошёл поближе, неприятно поглядывая на оставшихся у дверей горцев. — Сражение закончилось прибытием подкрепления. Ваше знамя подхватил сын барона Урфуса. Пока вы бились на севере, мы зачищали предгорья до глубокой ночи. Многие твари уцелели, но, как сказал Мэльдан, без головы змея неопасна.

— И где же он?

— Скоро будет здесь, — отвечал Кэрвдон. — Лекари с трудом вылечили его, останется инвалидом до конца жизни. Охотиться точно не сможет.

— Ему это и не нужно... — с тоской сказала она. — А сир Орто?

— Погиб, — не менее тоскливо ответил рыцарь. — Бросился на грифоне прикрывать вашу последнюю атаку. Упыри сбили с седла, он разбился.

— Всеотец, проведи, сохрани, защити... — возмолилась она.

Из-за строя баррикад к ним вышел юноша в поцарапанных доспехах, шея его была перевязана, а на голове болталась подшлемная шапка. В руках он нёс какое-то тряпье.

— Ваша светлость, Керен Урфус, — юноша поклонился. — Когда наши силы подошли к месту сражения, я осмелился осмотреть округу, забрался на самый крепкий фургон и нашёл рядом это. Капитан вашей гвардии перед своей смертью сказал, что вы несли знамя, воодушевляли своих людей.

— Порлехт... Мёртв, Кэрвдон? — девушка повернула голову к «приёмному отцу».

— Правда, ваша светлость, — ответил он.

— Всеотец, защити, проведи в Чертоги Свои... — Нарнетт вновь сложила ладони вместе.

— Примите мои соболезнования, госпожа, — сказал юный дворянин. — Они погибли героями. И вы со слов рыцарей и простых воинов были героиней для них.

— Идолом, — слегка улыбнувшись, добавила она.

— Для меня было великой честью продолжить это дело до окончания боя, нести ваше знамя над головами людей, — продолжал юный барон. — И я хотел бы вернуть его вам. Оно рваное, грязное, но проверенное в бою. Приносит удачу.

— Благодарю, барон Урфус. Благодарю за то, что вы помогли нам, — Нара взглянула на строй рыцарей и солдат впереди, разглядела знакомые дворянские лица, что улыбались ей. — Значит, передумали. Никогда не поздно сделать выбор.

Юноша и старик переглянулись, Кэрвдон кивнул барону, тот поклонил голову, словно понял намёк.

— Отдайте знамя моим рыцарям, пусть вернут домой, — сказала герцогиня, а юноша кивнул. — А остальные, сир? Кто ещё выжил?

— Чародеи почти в полном составе, — отвечал командир рыцарей. — Погибла чародейка графини Абаллии, которая владела заклятьем телепортации. Попыталась телепортироваться на второй ледник, но там была засада. Грифоний наездник вернул растерзанное тело на землю.

Нарнетт промолчала. Жестом позвала благородных за собой. Они шли втроём вдоль линии повозок. Военные кланялись им, слуги позади бросали в небо головные уборы, радостно скандируя свои «ура», чародеи провожали герцогиню веерами искр, пускаемыми в воздух.

— Андалф собирается бросать службу, — продолжал Кэрвдон. — Хочет стать мастер-волшебником. Будет на старости лет учить смену для Ольты, сам лезть больше никуда не хочет.

— Нельзя ругать его за это, — отвечала девушка, осматривая кланяющиеся шлемы.

— Мы потеряли треть грифонов, сорок рыцарей и до сотни оруженосцев, — Кэрвдон помахал рукой стоящим на стрёме стрелкам, те разоружились, убрав болты в колчаны. — Пехоту ещё считаем, у места сражения сегодня утром нашлись двое выживших, грифоний наездник доложил аккуратно перед вашим возвращением. Всего потеряли около трёхсот пешими.

— Эти жертвы не будут забыты, — сказала герцогиня. — Клянусь своим родом.

— Ваше благородие, вы не могли бы оставить нас? — спросил старый рыцарь у барона, тот поклонился и отошёл в сторону, сворачивая знамя. — Госпожа... Вы действительно возвращаетесь? После всех своих трансформаций?

— Я никогда не брошу своё дитя. Свою землю. И вас, верных подданных. У каждого из вас столько тёмных сторон за душой, но в вас есть много светлого, того, чего мне будет не хватать оставшуюся жизнь, не знаю, как долго она продлится. Особенно — в вас пятерых.

— Уже не пятерых, моя герцогиня, — сказал Кэрвдон, проводив её до раскинутой у башни палатки. — Кажется, остался я один.

— Я поговорила только с двумя, — Нарнетт вступила в палатку, где были разложены её вещи и кропотливо занимались убранством слуги. — С тобой и с Орто. Ещё немного удалось пообщаться с Кибеаном перед его смертью. Кто двое последних? Они мертвы, клятва не держит тебя.

— Ваш отец посвятил Порлехта незадолго до своего отъезда, — проговорил Кэрвдон. — Он был рыцарем, но при дворе никто не знал об этом, хотя, как и я, он носил на одеждах ваш фамильный герб, ведь мы служим вашему роду. Последний живой помимо меня рыцарь поведал об этом. И он хочет поговорить с вами перед исполнением своего долга.

— Не называй имя, — вздохнула Нара, взмахом руки призвав слуг покинуть палатку, что те сделали, оставив герцогиню и рыцаря вдвоём. — Произношение этого имени сейчас только ранит меня.

— Подождём его, госпожа, — рыцарь пододвинул кресло, Нарнетт села, а он встал за столом и начал разглядывать карту. — Некуда торопиться. Оставшиеся твари бежали с гор, ваши помощники спрятались в своих катакомбах. Скоро всё вернётся на круги своя.

— Кроме гражданской войны в королевстве. Она только набирает обороты, — тоскливо заметила Нара. — Кэрвдон, считаешь ли ты моё решение правильным? Я выложила тебе всё.

Рыцарь отвлёкся от карты, взглянул на неё. Недовольно хмыкнул, но ответил:

— Главное, чтобы ваша семья была счастлива. Если попытка прекратить называемый вами «цикл» удастся, то больше никто из ваших потомков не будет стоять перед дилеммой. Никто не будет решать, стать ему чудовищем или остаться человеком.

— Я поняла за последнее время, что даже в чудовищном облике можно сохранять человечность, — сказала она. — Можно чувствовать, главное — остаться среди людей, среди близких.

— И видеть их смерти, — мрачно констатировал командир рыцарей. — Это выбор о двух концах. Сложный выбор.

Нарнетт замолчала, свела ладони вместе у лица, словно прочитала молитву. Рыцарь решил сменить тему:

— Не будем о грустном, госпожа. Позвольте доложить. Грифоньи наездники обыскали логово чародея. Да, именно он с помощью сложных устройств управлял погодными явлениями. Хотя там, — Кэрвдон кивнул в сторону, — за горами погода явно испорчена могущественной магией.

— Горы — граница между мирами живых и мёртвых. И эту границу стерегла моя семья. Башню уничтожили?

— Вместе с устройством, грифоны привезли взрывчатку. Андалф не решился взять для изучения, сказал что-то вроде: «это относится к техномагии, а потому не принадлежит к нашему миру». Нашёлся дневник чародея, — рыцарь дал герцогине в руки потрёпанную книжечку. — Здесь описывалось его знакомство с Валдисом Унгарттом, вынужденная дружба с Абалтуном и прочие вещи, порочащие честь академической школы. Да, волшебник этот — один из лучших выпускников какого-то года.

— Хмм... — Нарнетт пролистала несколько страниц, пытаясь найти что-то интересное. — «Следи за тварями. Когда мы начнём, вы займётесь герцогством Сальвиар». Кажется, он выписал это цитатой, словно из какого-то письма. А я не верила, что всё это — спланировано иными силами. Опять нас касается большая политика.

— Если вести себя тихо, иные силы не заметят нас, — заметил «приёмный отец». — Мы можем провести всю гражданскую войну в покое, не участвуя в ней.

— Боюсь, мой дорогой рыцарь, отсидеться не получится. Придётся делать выбор. Рано или поздно. Позови слугу, пусть приведёт мою родню. Хочу познакомиться с вами.

Спустя несколько часов послышался призыв с востока. Нара всё это время провела в палатке за беседой с дальней роднёй и Кэрвдоном. Все вместе Мэссиры пытались объяснить

старому рыцарю, когда именно ему нужно будет прислать сюда отряд с телегами. И что лучше данный процесс контролировать самому. Вампиры не нравились «приёмному отцу», но ему нравилось их благоприятное расположение к его «приёмной дочери». Иногда Нара замечала, что он улыбается. Этот суровый рыцарь не переставал удивлять её.

В палатку вошёл слуга, объявил о прибытии нескольких наездников. Нарнетт отряхнулась, встала: первым гостем был Нарт, он одарил присутствующих поклоном. Затем, хромя, вошёл Мэльдэн. Поклонившись, он позвал третьего человека, что остался снаружи.

Следом появился Коленетт. Лицо обветрено, усталый взгляд. Он узнал мать, улыбнулся, кинулся к ней. Нара не по этикету перемахнула через стол, рваные одежды не мешали ей. Они сцепились в крепких объятьях. Люди одобрили улыбками, вампиры молча наблюдали. Герцогиня поцеловала сына в лоб, прижала к себе.

— Никаких кошмаров у тебя не будет. Доверься мне, — прошептала она. — Кортлеус, тебе не нужны помощники? Ты действительно способен сделать всё один?

— Да, дитя, — ответила самая высокая восковая фигура.

— Идём, Колен. Не бойся. Я рядом. Ты уснёшь, а потом проснёшься. Мы подправим твоё здоровье.

Мальчик молчал, даже не сопел. Нарнетт заметила, что его рыжие волосы словно слегка побледнели. Хотя они не виделись всего пару дней.

— Мы будем вместе, как раньше?

— Даже лучше, сын. Иди с Мэльдэном, я догоню.

Нарт вышел первым. Барон взял мальчика под руку и повёл с горцами к двери замка. Нара повернулась к командиру рыцарей и сказала:

— Кэрвдон, снимайте войска, возвращайтесь домой. Через час заберёте моего сына, поедет с вами. Без нас с Мэльдэном.

Рыцарь медленно кивнул, в глазах не было ни капли сомнения — решение Нары не подлежит обсуждению.

— Все официальные процедуры и прочую бюрократию оставьте Риле, — продолжала владычица. — Не знаю, когда вернусь домой. Может, какое-то время поживу здесь или ещё где. Дворец для меня сейчас словно чужой. Так много людей, опять интриги, опять кипы писем.

— К слову о письмах, госпожа. Тут пришло одно, мы не открывали. Мне передал барон Урфус, забрал из Приюта после нашего отъезда.

— Королевская печать, но подпись верховного канцлера... Какой же смешной этот герцог. Развязал гражданскую войну, захватил столицу, потребовал от остальных герцогств дать гарантии лояльности. Он вообразил себя единоправным правителем королевства при живых короле и королеве? Верните письмо домой. Возможно, почитаю и отвечу позже. Сейчас мне нужен отдых. От всего. Не волнуйся, Кэрвдон. Мы живём почти в горах, ты правильно считаешь, что никто не тронет нас. Тут не за что воевать, кроме как за древние руины или горные поля для выгула скота. Ступай. Спасибо за всё. И не волнуйся, твой идол в безопасности.

Она обняла рыцаря, он поклонился и отправился к военным. Нара двинулась к замку.

Плутали долго, вереницы подземных залов, коридоров и лестниц. Наконец, Кортлеус и тот самый дворецкий-лакей весьма человеческого облика довели героев до подземной лаборатории. Позади волочились Лорлин и Ахайра, Нарнетт иногда оборачивалась — вампиры с едва заметным на фоне безэмоциональных лиц интересом рассматривали

мальчика. Ребёнка в их логово для проведения ритуала явно привели впервые, поняла Нара.

Показались два вертикальных стола с хватами и кандалами. Лакей поставил пару фонарей на столы вокруг, Кортлеус усадил Мэльдана на «операционный» стол, застегнул кандалы. Нара «пленили» на соседнем столе. Ахайра наклонилась перед Коленеттом, стала пристально всматриваться в его глаза. Мальчик одеревянел.

— Как в той саге о храбром охотнике на чудовищ и его приёмной дочери... — проговорил Мэльдан. — Романтика.

— Спасибо тебе за всё, дорогой, — Нарнетт повернула голову к неродному брату, он смотрел прямо перед собой, повинувшись манипуляциям с ремнями со стороны Кортлеуса. — Не знаю, в каком страшном сне можно представить, что человек способен терпеть дружбу, а сам — давать взамен любовь.

— Так говоришь, словно мы вот-вот умрём, — выдохнул Мэльдан.

— Умрём старые. Возродимся новыми, — сказала она. — Ахайра, мой сын точно ничего не вспомнит?

— Я давно не практиковалась, дитя. Но взгляд у него потерянный. Узнаем только вечером.

Кортлеус приблизился к лицу Мэльдана. Неродной брат Нары словно вошёл в транс, стал пристально вглядываться в серое нечеловеческое лицо далёкого предка Мэссилов. Спустя считанные мгновения юноша поник головой, заснул.

— Меня ждёт то же самое? — спросила Нара. — А что после темноты?

— Мы никогда не проводили двух ритуалов сразу, Нарнетт. Твой организм может не выдержать. Но если ты боишься страданий, какие могут истерзать его детскую психику, — Кортлеус кивнул на мальчика со стеклянным взглядом, — то риск оправдан. Но один вопрос: если что-то пойдёт не так, кто воспитает его? Регентский совет? Твоя дальняя родня, которую ты не хотела пускать на порог двора? Кто вложит в него характер?

— Самый благородный и честный рыцарь нашего герцогства. Талантливейший чародей. Умнейшая советница-канцлер. У нас всё ещё есть есть семья. Но не все носят наш герб, — Нарнетт пошевелила левой рукой, фамильная печать с изображением гор одарила окружающих бликами от фонарей.

— Почему не отдашь сыну? — спросил Лорлин.

— У него уже есть фамильная брошь, — вампиры взглянули на мальчика, под походной курткой у него был камзол, а на нём — гарцующий серебряный единорог. — Надеюсь, когда-нибудь единороги вновь появятся в нашем герцогстве. И вернутся на наш герб. Хотя сам герб не нужен, чтобы воспитать достойного человека.

— А что нужно? — спросил Кортлеус, подойдя и сверкая глазами.

— Верное сердце.

Нарнетт медленно провалилась в туман, горящие огоньки глаз Кортлеуса были последним, что она видела в этой жизни.

На тёмном полотнище за окном появились звёзды. Едва слуги погасили лампы и покинули палаты, Нарнетт появилась из-за портьер, тихо подступила к Коленетту. Он «проснулся», зажёл свечи, достал из-под одеяла книжку, отдал матери. Она присела на кровать, стала читать.

Голос матери был ласков, благозвучен. Читая сказку, она словно пела симфонию, словно её голос складывался из пения десяти разных птиц. Сегодня Коленетта усыпляла не магия. Усыпляла его любовь. Та, что Нарнетт смогла сохранить в своём мёртвом теле.

— И тогда рыцарь смог победить бандитов, — подошла она к концу. — Он проиграл им в бою, потому что их было много. Они пленили его. Но иногда против силы человек способен применять смекалку, пользоваться благами своего разума. Ты знаешь, Колен, что такое разум?

— То, что в голове, — ответил он, прижимаясь головой к подушке.

— Верно. Ни один из членов банды не разгадал ту загадку, они долго спорили, начали делать ставки. Один предлагал изувечить рыцаря, выпытать ответ. Их суждения привели к тому, что к лагерю бандитов незаметно подкрались рыцари, что приехали из орденмастерства. Закончился спор очень быстро. Выживших бандитов отвели на плаху, слишком много грехов накопилось за их разбойничью жизнь. Рыцарь вернулся на дорогу, держа в руках верный рог, что часто призывал на помощь братьев по оружию. Не было у него оруженосцев, не было друзей, кроме сослуживцев, не было семьи. Только: верный конь — тот, кому можно выговориться; изношенные, но крепкие латы — то, за чем нужно ухаживать регулярно, за что получишь защиту; острый меч и притороченное к седлу копьё — то, с чем можно разговаривать с любым человеком, не боясь за свою жизнь. Охранял покой на дорогах и в деревнях рыцарь ещё долго, до самой старости. Умер во сне, рыцари из орденмастерства похоронили его на перекрёстке двух важнейших трактов королевства.

— Там сейчас войска мятежников стоят, правда?

— Правда, Колен, — отвечала Нара. — Но близится зима. Надеюсь, после зимы все успокоятся и сядут за стол переговоров.

— Почему же, матушка, твои переговоры закончились войной тогда, два месяца назад?

— Потому что войну объявили нашему герцогству, отторгнув от него часть северных земель. Пусть по королевскому закону они и являются нейтральной территорией, но мы столетиями вкладывались в неё, она кормила нас. И эти времена нужно было вернуть, — Нара взяла паузу, посмотрела на обложку книги, где изображался рыцарь, что делал предложение даме сердца. — Я защищалась. И защищала нашу семью. В этом случае переговоры были невозможны, потому что наш противник не знал языка дипломатии. Понимаешь меня?

— Почти. Главное, матушка, что всё кончилось, — Колен уставился на потолок. — А Мэльдан так и отказывается заезжать сюда? Если честно, иногда с ним было весело.

— У него теперь своя жизнь, вдали от цивилизации. И мне комфортно в тех местах. Они дикие, заброшенные, красивые. Никогда бы не подумала, что рядом с нашим герцогством есть столь чудесные памятники человеческого гения.

— Надеюсь, когда вернутся бабушка, дедушка и папа, они тоже увидят их.

Нара промолчала. Взяла сына за руку, поцеловала.

— Когда ты подрастёшь, я расскажу тебе кое-что. Пока тебе рано ещё знать об этом секрете.

— Буду ждать, мама, — мальчик дёрнулся под одеялом, прижался к материнской руке. — Когда ты в следующий раз навестишь меня?

— Через неделю или через две.

— А когда появишься при дворе?

— Когда пропадут симптомы, — она положила книжку на прикроватный столик. — Пока я плохо контролирую себя, помнишь, уже рассказывала.

— Никак не могу привыкнуть... Но сейчас ты более человечна, чем в последний раз.

— Состояние медленно приходит в порядок. Не без помощи Табии. Она обучает меня.

— Противная негодница, — фыркнул Колен. — Сбежала жить в горы, даже не попрощалась. Когда я вырасту, издам указ — чтобы её не пускали в наше герцогство. Пусть подумает над своим поведением.

Нара улыбнулась. Состояние сына было в полном порядке. Но его одиночество она не могла излечить ничём. Лекарем могло выступить только время. Колен повзрослеет, получит воспитание и образование, остепенится, начнёт править самостоятельно. Она будет помогать ему. Ему и его потомкам, пока высшие силы не определят, что и ей пора отправиться на покой.

— Таких существ лучше не держать при дворе, — прервала герцогиня молчание. — Пусть каждый обитает в своей среде, там, где ему будет комфортно.

Мальчик кивнул.

— Значит, дорогая матушка, для всего двора ты живёшь у знахарей, лечишься от кошмаров?

— Да. И «лечиться» буду очень долго. Но скоро я начну появляться при дворе. Думаю, после зимы. Посмотрим. Помнишь моё обещание?

— Ты всегда будешь возвращаться ко мне.

— И я не нарушу своего слова, — Нара поцеловала мальчика в лоб, а он неожиданно для неё прижал правую ладонь под её грудь.

— Сердце окончательно потухло. Матушка, ты больше не живёшь, — на его глазах проступили слёзы.

— Я живее всех живых, — она взялась с ним за руки. — И я прерву этот цикл. Больше никаких выборов, только человеческая суть. Вы, мои потомки, будете в безопасности. Пока боги не определяют иного... Спи, дорогой. Возможно, я вернусь через неделю. Спи.

Нара услышала скрип за дверью, цокот маленьких каблучков, нечеловеческий слух с точностью определил, кто идёт. Герцогиня спряталась за портьерой, открылась дверь, кто-то зажёл несколько источников освещения.

— Юный герцог, вы не спите? — послышался знакомый женский голос.

— Госпожа Рилароя, только засыпаю, — отвечал сын. — Простите меня.

— Не за что прощать, — по-доброму сказала канцлер. — Ох, у вас открыто окно. Вам не дует?

— Нет, мне душно. Прошу, оставьте так.

— Я прикажу слугам проведать вас через час, они закроют его. Позвольте заправить постель...

Нара не заметила, как из указательного пальца вырос длинный коготок. Коготком она слегка одёрнула ткань портьеры, увидела, как её советница ухаживает за Коленом.

Непонятное чувство охватило её. Ревность? Боль от бессилия? Или простая тревога? Она не знала. Организм всё ещё отдавал человеческими чертами, но с каждым месяцем «человеческое» начинало уступать «хищническому». Нужно было учиться, понимала она. Её дальние родственники не учились, прозябали в заброшенных руинах столетиями. Потому человеческое умерло в них. Нарнетт же было необходимо вернуться к цивилизации. И Табия, и Кибеан последние несколько лет находились среди людей, и вели себя почти также, словно хамелеоны. И это были не искусственные эмоции, они не пародировали людей. В глубине их естества сохранялось что-то человеческое, что-то большее, чем разум и память.

С невиданной для человека ловкостью она перемахнула на соседний балкон, аккуратно поддела когтем оконную раму — окно отворилось. За её палатами регулярно ухаживали, потому каждое своё возвращение домой Нарнетт тихо ругалась, не понимая, зачем слуги переставляют её вещи с места на место.

«Видимо, у них свои ритуалы», констатировала она про себя. Спустя несколько минут поисков нашлись новые туфли, она вытащила их на балкон, присела рядом. Организм начал готовиться, вздувались вены, оставшиеся ногти удлинились, посерела бледная кожа.

Почти сразу после ритуала она научилась обращаться нетопырём. Кортлеус и Ахайра учили её летать, а также избегать её собственных грифонов, что последние месяцы активно патрулировали горную местность. Оглянув двор со своего балкона и убедившись, что зевак нет, она встрепенулась, обернулась крылатым созданием, подхватила лапами драгоценные туфли и полетела прочь от дворца.

Летела долго. До сих пор не помнила, где находится убежище. Дважды натыкалась на грифонов гонцов. Звери гневно стрекотали, явно видя её в тёмное время суток, но наездники поторапливали домой. Выполнение задания или желание поскорее лечь в постель — девушка в форме чудовища не знала, почему наездники не слушали животных. Возможно, высшие силы сберегли Нарнетт этой ночью.

Убежище Нарнетт нашла только поздним утром. Приземлилась неудачно, едва не влетев в оконный проём и не поранив крыло о разбитый десятилетия назад витраж. Безымянный высокогорный монастырь пришёлся ей и её спутнику по вкусу, здесь не было ни отшельников, ни диких животных, даже военные патрули объезжали и облетали монастырь вокруг, ибо находился он с географической точки зрения на тупиковом плато. Девушка преобразилась, укуталась лохмотьями, почесала руку — появилась царапина.

— Заживёт, — послышалось из ниоткуда.

Нара повернулась. Из проёма окна выскочил Мэльдан в чистом, незатёртом сюрко под цвет рыжей шевелюры и брэ тёмных тонов. Бледный, словно мертвец, глаза всё также голубы, но наполнены лопнувшими сосудиками. В остальном он походил больше на человека, чем на иную сущность. За исключением эмоций. После ритуала он стал ещё менее эмоциональным, чем она. Ему требовалось больше времени, чтобы вернуть «человеческое».

— Подожди здесь. Я переоденусь.

— Слушаюсь, ваша светлость.

Внутри убежища двое пытались создать целое хранилище из личных вещей, какие они понемногу утаскивали в когтях из собственных покоев. Каждый собирал целый гардероб, словно остаток жизни должен был провести на балах, пирах и так нелюбимых Нарой приёмах.

Она выбралась также, через окно. Двери монастыря были заколочены, лишняя защита от посторонних, а разбитый витраж выходил на ту сторону, где в принципе не появлялись

живые. Мэльдэн стоял у вершины склона, смотрел вдаль. Герцогиня прошипела, барон обернулся. Нарнетт сделала реверанс и покрутилась на месте. Бархатное платье тёмно-фиолетового цвета к подолу становилось цвета фиалки, а ниже — наливалось багрянцем, словно одеяние целый год держали подолом в бочке с кармином. Вырезы на рукавах и оголённые плечи давали пока чуждое, но знакомое ощущение свободы. Небрежно собранные ободком, что напоминал корону в виде нимба, волосы были более не рыжими, но тёмно-фиалковыми, под цвет платья. Секрет этой метаморфозы девушка так и не разгадала.

— Ты сказала, — Мэльдэн вновь стал рассматривать даль, — что мы будем защищать наше герцогство. Но как это сделать без пополнения?

— Не нужно пополнение, — она медленно бродила позади него, рассматривая горы впереди и мелькающую на севере вершину Манробай о двух пиках. — Нужны твёрдые и волевые решения. Цикл прервётся.

— Опять интуиция подсказывает? — проговорил он.

— Интуиция молчит, Мэльдэн. Теперь рассуждает только разум. После ритуала я думала, что мы разучились любить. Действительно стали чудовищами. Но воспоминания о прабабушке и тёплом, хотя и отстранённом отношении остальных ко мне, особенно Кортлеуса и Кибеана, дали понять, что не всё умирает в вампирах. Мы неправильные. Даже Абалтун понимал это, хотел изучить нас. Но он хотел изучить во имя своих тайных помыслов. Во имя интриг и, полагаю, мести. Мести цивилизации за то, что уничтожила его мир долгие века назад.

— Это догадки, — Мэльдэн по привычке достал из внутреннего кармана трубку, поджёг, попытался закурить, но лёгкие его не работали, потому трубка просто болталась во рту.

— Эти догадки можно будет проверить, — Нара встала рядом, пыталась выцепить взглядом точку, так интересующую спутника. — Теперь, дорогой друг, нам нужно соблюдать здесь покой.

Девушка обвела рукой вокруг и продолжала:

— Теперь у меня два герцогства. Второе не значится на картах, но значится в моём сердце. Остывшем, омертвевшем, но всё ещё моём.

— Впереди целая жизнь, Нарнетт, — он взглянул на неё, казалось, во взгляде мелькнула какая-то искра, но не магия, а огонёк эмоций. — Чем же мы будем заниматься помимо защиты твоих земель?

— Постараемся узнать судьбу моей семьи. Я жду весточку от Кэрвдона, он послал людей на другой материк, где пропали родные. Возможно, зимой нас с тобой будет ждать путешествие.

— А пока?..

— Танцы. Каблуков не было. Только туфли, — сказала она, подтянув платье и показав новую обувь.

— Твоя тяга к танцам всё сильнее и сильнее. Ещё неделю назад босиком танцевала.

Нара вытянула руку вперёд, приглашая старого друга на танец.

— Будем танцевать, пока не вернём себе самих себя, — прокомментировала она своё приглашение. — Возможно, когда вернёмся ко двору, начнём петь.

Мэльдэн подошёл, взял её за руку. Они сошлись в вечном танце: правая её рука вытянута, находится в левой руке партнёра; левая прижата к собственному телу в локте, как и у него правая, ладони сомкнуты в замок. Имея богатый опыт после переселения сюда, они

научились избегать ямок в каменной кладке у стены сооружения. Она подпрыгивала, он перескакивал. Но где-то внутри своей головы Нарнетт понимала, что фальшивить будут ещё очень долго, ведь организм был приспособлен для других целей.

Не было у этих двоих музыкального аккомпанемента. За музыку отвечали птицы, что нашли Нара после гибели хозяина и поселились в чердачных помещениях монастыря. Округу наполнило оживлённое щебетание, стрекотали дрозды, заливались хором соловьи и разноцветные щеглы. Подпевала им дерзкая ворона, наверное, самое неприятное, что могло поселиться здесь. Хотя бессердечным было всё равно.

— Всё же, что-то мне досталось от тебя, старик, — прошептала Нара в плечо партнёру, глядя на наполненные пернатыми музыкантами карнизы и фриз с изображением ликов святых.

Нарнетт не требовались ни сон, ни еда, ни вода, ни интимная близость. Она была никем и всем одновременно. Заключив союз со своей второй сущностью, ей удалось собрать из себя что-то иное, не герцогиню, не монстра, но иное создание, выше общепринятого понимания. Могла ли она вернуть себе человеческий облик и дожить обычную жизнь? История весьма туманна, когда описывает перипетии чьей-то жизни. Но не тогда, когда разговор заходит о личности. Она не могла видеть сквозь туман, не знала дальнего пути, а потому стремилась вверх, посмотреть на ситуацию с высоты птичьего полёта. Настоящая герцогиня, решила для себя Нара, должна быть именно такой: хищницей, что наблюдает за окружающими из недоступного места. Ожидал ли её покой? Решала только она.

Но это совсем другая история.

Рисунок 3 — Приглашение на танец (худ. Кайя Витовская)

Игта — единица меры, равная восьми мэррам (1244 метров)

Мэрра — единица меры, равная 155,5 метрам

Гуляй-город — полевая крепость из повозок с подъёмными бортами или из передвижных деревянных щитов, возможно, с бойницами.